

П.П. Щербинин

**ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
1914-1918 гг.**

Монография

Тамбов – 2015

УДК 93
ББК 63
Щ61

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 15-41-93047*

Щербинин П.П.
Щ61 **Детская повседневность в период первой мировой войны 1914-1918 гг. : монография. Тамбов, 2015. 256 с.**

Издание посвящено малоизученным аспектам повседневной жизни детей в Российской империи в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. В научно-популярном издании раскрыты особенности формирования военного опыта юных россиян и россиянок, их быт, настроения, социальное поведение в годы военного лихолетья.

Работа предназначена для специалистов по отечественной, гендерной, военной и детской истории, работников образования и широкой научной общественности.

**УДК 93
ББК 63**

© Щербинин П.П., 2015

Оглавление

Введение	5
Глава 1.	
Детская повседневность как исторический феномен начала XX в.	
1.1. Проблемы изучения детской повседневности. Границы детства (возраст ребенка, уровни самореализации). Положение ребенка в семье: конфликт поколений, статус ребенка	12
1.2. Сословно-правовые границы детства и социальное поведение ребенка в мирное и военное время, уровни социокультурного развития и взаимоотношений	35
Глава 2.	
Повседневная жизнь семей призванных на войну солдат и их социальная поддержка	
2.1. Повседневная жизнь и социальная поддержка семей призванных на войну офицеров и солдат в 1914-1918 гг.	42
2.2. Правительственная и общественная поддержка детей призванных на Первую мировую войну офицеров и нижних чинов	52
2.3. Дети-сироты и их призрение в 1914-1918 гг.	59
Глава 3.	
Детский патриотизм: особенности проявления и результаты	
3.1. Бегство детей на фронт: дети-солдаты	66
3.2. Дети-шпионы и русская контрразведка	93
3.3. Дети и сбор пожертвований в военные годы	101
3.4. Дети и скаутское движение в России (1914-1918 гг.)	108

Глава 4.

Норма и отклонения в социальном поведении детей в начале XX в.

- 4.1. Детская преступность в период войн начала XX в. 115
- 4.2. Детская проституция в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. 127
- 4.3. Детская беспризорность в условиях военной повседневности 135
- 4.4. Дети-беженцы в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. 142

Глава 5.

Дети учащиеся и их помощь фронту и тылу

- 5.1. Сельскохозяйственные дружины. 149

Глава 6.

Образы войны в детском сознании

- 6.1. Милитаризация детского сознания 162
 - 6.2. Детские игры как отражение военной повседневности 172
 - 6.3. Детские рисунки и война 185
 - 6.4. Дети как объект пропаганды 192
- Заключение 199
- Список использованной литературы и источников 203
- Приложения 224

ВВЕДЕНИЕ

Любое научно-популярное издание не может быть обособлено от системного изучения и многомерного анализа заявленной проблематики. Повседневная жизнь населения российской империи в начале XX в. являла собой яркий феномен уникального развития социокультурных, этнодемографических и социально-политических трансформаций. Среди множества факторов влиявших на развитие отечественной государственности, российского социума и жизнь «обычных людей» были войны и революции, однако первое тотальное воздействие и испытание на прочность принесла именно Первая мировая война 1914-1918 гг.

Более пятнадцати лет назад мое внимание привлекла проблема военного детства, изучение которого начиналось с сюжетов бегства детей на фронт, участия их в сборе пожертвований на военные нужды, но, по мере углубления в данную тему, стало понятно, что без анализа других сторон жизни юных россиян и россиянок (в том числе детской преступности, образах войны, детях-шпионах и др.), невозможно понять как же протекала их повседневная жизнь, менялись настроения и поведение молодого поколения. Российский гуманитарный научный фонд поддержал мой проект «Детская повседневность в период войн России начала XX в.», а в последующие годы вышли десятки статей по данной тематике¹. В этом контексте научно-популярное из-

¹ Щербинин П.П. Источники и методология изучения детской повседневности периода Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): мат-лы междунар. научной конференции 14-16 марта 2014 г. СПб.: ЛГУ, 2014. С. 19-23; Щербинин П.П. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник ТГУ. Вып. 9 (125). Тамбов, 2013. С. 334-341; Щербинин П.П. Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII начало XX века): сб. ст. М.: РГГУ, 2012. С. 197-210; Щербинин П.П. Социокультурные аспекты формирования военного опыта детей в России и Германии (результаты и последствия Первой мировой войны 1914-1918 гг.) // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): мат-лы междунар. науч. конф. 11-12 нояб.

дание представляет собой специальное исследование по актуальному направлению научного знания, которое вызывает интерес в современном российском обществе.

Понятие «детская повседневность» является самостоятельным и весьма активно модернизирующимся явлением в отечественной и мировой научной мысли¹. За последние несколько десятилетий увидели свет многие сотни работ, посвященные самым различным сторонам жизни и быта, настроений и поведения детей разных возрастов. Военная составляющая детской повседневности также стала предметом пристального научного изучения, однако историки, демографы, этнографы и другие специалисты гуманитарного знания предпочитали рассматривать «узкие» и «профильные» стороны военного детства. Между тем, несмотря на обилие исследователей комплексное, системное, многоплановое осмысление проблемы «дети и война» еще ждет обращения и научной интерпретации.

Актуальность заявленной научной проблемы определяется в том числе и интересом к кризисным, критичным для развития страны, общества и обычного человека периодам, вызывая повышенное внимание профессиональных историков, обществен-

2008 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 61-70; Щербинин П.П. Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Вып. 8 (64). Тамбов, 2008. С. 207-212 (в соавторстве с Канаевым И.Н.); Щербинин П.П. Детская проституция в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. научных статей. Вып. IV / под ред. А.А. Слезина. СПб.: Нестор, 2006. С. 71-77 и др.

¹ Можно выделить несколько наиболее фундаментальных работ: Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007; Балашев Е.М. Школьная молодежь в эпоху революций и войн (1905 – начало 1920-х гг.) // страницы российской истории. Межвузовский сб. к 60-летию со дня рождения Г.А. Тишкина. М., 2001; Kelly, Catriona, Children's' World Growing Up in Russia, 1890-1991, New Haven u. a. 2007; Audoin-Rouzeau, Stéphane, Kinder und Jugendliche, in: Hirschfeld, G. (Hg.), Enzyklopädie Erster Weltkrieg. München 2003. S. 135-141; Синова И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

ности и рядовых граждан. Однако, одной из самых загадочных сторон данной научной темы являются сюжеты о причинах небывалой жестокости, бескомпромиссности, агрессии, которыми отличались акторы данной исторической драмы – дети Первой мировой войны.

Как и когда могло в XX веке сформироваться поколение для которого закон и порядок, милосердия и добродетель, порядочность и религиозность не являлись базовыми, а отношение к личности, гуманизму, ценности человеческой жизни были пустым звуком? Почему участники революции 1917 г. и гражданской войны не задумывались и не сомневались, приводя в исполнение приговоры, расстреливая тысячи заложников и пленных, добывая раненых и больных противников? Как могли раствориться в этом котле беспредела и жестокости традиционные ценности российского социума, этноконфессиональные традиции и основы семейных устоев? В чем причина небывалого роста анархических и радикальных настроений в обществе в начале XX в.?

Ответы на эти и другие вопросы, которые возникают при размышлениях о поколении юных революционеров – героев 1917 г. и гражданской войны – могут быть получены лишь при успешной реконструкции мотиваций и факторов, которые оказали решающее воздействие на их взросление, формирование жизненных ценностей и мировоззрения в период войн и социальных катаклизмов начала XX в.

Отметим, что не всякому поколению выпадает жребий пережить две войны (русско-японскую и первую мировую), две революции (первую русскую и 1917 г.), а затем быть активным участником братоубийственной гражданской войны. События этого периода были наполнены особой энергией разрушения, насилия и дезорганизации, значительно ускорили взросление и психолого-ментальные особенности формирования характера и образа жизни молодого поколения¹.

¹ Щербинин П.П. Дети русско-японской, подростки Первой мировой... Этапы взросления участников революции 1917 г. и Гражданской войны // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 18-24.

Вполне очевидно, что Первая мировая война 1914-1918 гг. оказала мощное воздействие на повседневную жизнь миллионов людей, формируя собственный опыт войны у целых поколений, внося тотальные изменения в быт, поведение, социально-правовое положение населения Российской империи, способствовала выработке особой стратегии выживания большинства ее участников и участниц не только на театре военных действий, но и в тылу.

В научно-популярном издании изучен феномен повседневной жизни детей в Российской империи периода Первой мировой войны 1914-1918 гг. сквозь призму реконструкции факторов, оказавших тотальное влияние на настроения, будни и праздники, трудовые, воспитательные и образовательные практики, правовое и социальное положение юных россиян и россиянок, их вовлеченность в водоворот социокультурных, этносоциальных и межличностных катаклизмов военной поры.

Замечу, что мой личный интерес к данной проблематике вполне объясним. Мои бабушки и дедушки (1906, 1908, 1909 и 1910 гг. рождения) как раз являлись детьми той Второй Отечественной войны 1914-1918 гг., как ее называли современники. К сожалению, я не догадался расспросить, записать воспоминания об их детских впечатлениях, но, используя доступные источники, можно успешно реконструировать общую и частную картину той грозной военной эпохи.

Понятно, что «дети Первой мировой войны» имели особые черты и на их взросление серьезно влияли структурные факторы:

1) они продемонстрировали удивительную живучесть «военного» поколения, сумевшего выдержать все тяготы и лишения тотальной войны;

2) как и ветераны Первой мировой 1914-1918 гг., дети оказывались тем «потерянным» поколением, о котором позже активно писали современники;

3) в годы революции, Гражданской войны, социально-политических «переломов» 20-х гг. XX в. дети сполна реализовывали последствия Первой мировой войны: безотцовщину, беспризорность, отсутствие правосознания и семейного воспитания, ожесточение и криминальные наклонности;

4) по сути, юное поколение военного времени было вовсе лишено детства в традиционном его понимании, но обладало самостоятельностью и инициативностью, привыкло решать свои проблемы силой или обманом, умело хорошо приспосабливаться к жизненным ситуациям, выносить лишения и голодовки;

5) являясь детьми Первой мировой войны, подростки росли в годы войны Гражданской, их взросление пришлось на период коллективизации и политических репрессий 20-30-х гг. В известной степени война (мировая, гражданская, война с внутренним врагом) для этого поколения не прекращалась, длилась до их полного возмужания;

6) весьма примечательно, дети 1930-х гг., рожденные «бывшим» военным поколением Первой мировой войны 1914-1918 гг., так же обрекались на участь иметь «военное» детство, но уже Второй мировой войны 1939-1945 гг. Таким образом, в Советском Союзе вполне сохранялась «преемственность» родителей и детей в плане постижения ими опыта войны, а также выживания в невероятно тяжелых и опасных, критических условиях военной повседневности.

Оценивая и реконструируя повседневное детство в годы Первой мировой войны, можно сформулировать несколько исследовательских полей и постановочных проблем:

1) Что представлял собой собственно быт и повседневная жизнь ребенка и подростка? Возможно ли уточнить, что могли слышать, видеть и чувствовать «маленькие» современники военной поры. Как изменялось питание ребенка и его распорядок дня? Что происходило с настроениями детей, как менялись их представления о войне, ее героях и жертвах?

2) Как трансформировались воспитательные и образовательные практики военной поры? Каким образом отсутствие традиционного мужского воспитания изменяло семейную иерархию (ребенок нередко становился кормильцем, пополнял семейный бюджет и др.)? Каковы были последствия беспризорности, безотцовщины, безнадзорности, почти полной самостоятельности с малых лет? Понятно, что девочки и мальчики воен-

ной поры рано взрослели и сами привыкали обслуживать себя и соучаствовать в домашних делах.

3) Каким образом можно позиционировать возраст ребенка и подростка в военные годы? Требуют своего уточнения такие определения и понятия как «ребенок», «подросток», «ученик» и др. Заметим, что между гимназистами и гимназистками и детьми из крестьянской семьи, купца и священника, рабочего и военного существовала огромная разница и различия. Так, дети крестьян или рабочих нередко начинали работать уже с возраста 5-8 годами, как прислуга, нянька, ученица в цехе, как пастух в деревне, как помощница на фабрике, в то время как представители «образованных сословий», дети дворян и части средних слоев города не имели часто представления о трудовых обязанностях.

4) Необходимо уточнять насколько военная повседневность формировала девиантное поведение девочек и мальчиков? С другой стороны, вполне очевидно, что Первая мировая война создавала условия для криминальной эксплуатации детей: вовлечения их в преступные отношения, расцвета детской проституции, формирования криминального сознания.

5) Что происходило с религиозными чувствами детей и их национальной идентичностью в плавильном котле Первой мировой войны?

6) Почему современники так активно использовали образы детского патриотизма: от фактического поощрения бегства детей на войну до активного «применения» детей для сбора пожертвований?

Ответы на эти и другие вопросы позволяют не просто оценить, но и «почувствовать» что же происходило с детьми в условиях военной повседневности.

Кроме того, важно учитывать демографический фактор начала XX в., когда резко увеличивалось число детей и подростков, вообще молодежи, в социальной структуре российского социума. В этот период отмечался бурный рост населения: если в 1890 г. оно составляло меньше 100 млн., то накануне войны почти достигло 150 млн. человек. В годы, непосредственно

предшествующие 1914 г., ежегодный «прирост детей» достигал цифры в 2 миллиона человек. Дети заполняли улицы городов, их крики и игры сопровождали сельский быт. Фактически дети и подростки составляли более трети населения страны. Формировалась особая детская субкультура и детские социально-групповые интересы. В этом контексте без изучения положения, трансформаций, особенностей повседневной жизни детей и подростков невозможно воссоздать «картину» развития отечественной цивилизации начала XX века.

ГЛАВА I.

ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН НАЧАЛА XX В.

1.1. Проблемы изучения детской повседневности. Границы детства (возраст ребенка, уровни самореализации). Положение ребенка в семье: конфликт поколений, статус ребенка

Рассмотрение различных аспектов вневной повседневности сквозь призму детства требует уточнения некоторых понятий, терминов и положений. Собственно и дефиниция «повседневность» имеет десятки толкований и смысловых интерпретаций. По тонкому замечанию казанского историка А.А. Сальниковой, повседневность – это не только относительно самостоятельная, но и во многом доминирующая сфера реальности. Под повседневностью понимается фон событийной жизни, фон, на котором разыгрывается сценарий судьбы отдельной личности, социальной группы, всего населения. Повседневность отличается от быта, подразумевающего некое устройство, совокупность материальных условий существования человека¹.

Повседневность многолика и обладает множеством языков выражения. Достоверность зависит от качества привлекаемых источников; полнота описания – от масштабов их использования; точность, адекватность отражения – от методологии и методики исследования². Вполне очевидно, что немаловажное значение имеет определение авторства источников по историко-демографическому признаку: известно, что факты, оценки, сюжеты «детских» источников по истории повседневности карди-

¹ Сальникова А.А. Источники по истории советской повседневности и проблемы их источниковедческой критики // Эпоха, культура. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920-1950-е годы). Харьков. 2004. С. 286.

² Там же. С. 287.

нально отличаются от проблемной приоритетности источников «взрослых», а «мужские» источники – от «женских» во всем, даже в стилистике и языке. Отсюда насущная проблема выявления и включения в научный оборот максимально широкого комплекса источников по повседневной истории, гармоничное сочетание документов макро- и микроуровня, поскольку если обращение к первым способствует воссозданию общей структуры повседневности, то использование вторых облекает ее в живую плоть, способствует воссозданию духа и атмосферы повседневной жизни эпохи.

Изучение повседневной жизни детей в период войн начала XX в. сопряжено с немалыми трудностями. Они связаны, прежде всего, с источниковой базой и интерпретацией полученных результатов. Долгое время для советской исторической науки были малоинтересны проблемы быта, настроений, повседневной жизни и социокультурного окружения детей в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. и Первой мировой войны 1914-1918 гг. Уже само название этих войн и их непопулярность отталкивали исследователей от изучения повседневной жизни различных слоев российского общества, так как первая война была проигранной и малопривлекательной, а Первая мировая война носила на себе клеймо «империалистической» и тоже идеологически далекой от потребностей развития советской исторической науки.

Впрочем, не только историки, но и этнографы и антропологи не ощущали необходимости «заглянуть» в мир военного детства этих военных компаний. К их услугам всегда были востребованные исследования по широкому спектру проблем Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Не умаляя достоинств и перспектив героической составляющей этой войны, большого патриотического звучания и интереса научной общественности и населения России к Победе над фашизмом, надо признать необходимость изучения опыта прошлых войн России начала XX в. Историческая память и исследовательский прогресс не могут существовать как островки военно-исторической антропологии по отдельным событиям или важнейшим датам Отечественной истории. Изучение жизни обычного, рядового, «маленького» человека сквозь призму военной действительности,

на основе истории быта и истории частной жизни, в том числе и гендерных аспектов истории и этнологии, является важнейшей задачей историко-антропологических исследований на современном этапе развития российской науки.

По определению энциклопедических словарей, – этнография детства, этнология детства, междисциплинарная отрасль знания, занимающая пограничное положение между этнографией, социологией, психологией и педагогикой и занимающаяся сравнительным изучением традиционных способов воспитания детей и самого мира детства, включая детские игры, фольклор и т.д. В каждом обществе, на каждом этапе его развития существуют разные стили и методы воспитания, допускающие многочисленные этнические, культурно-групповые, региональные, семейные и другие вариации.

Этнография XIX – начала XX вв. включала эти предметы в общее описание народного быта. С 20-х гг. XX в. они стали предметом самостоятельных исследований, в т.ч. в отечественной этнографии. В современной этнографии детства существуют различные методические подходы к проблеме социализации ребенка. Одни ученые изучают специфические закономерности развития человека в данном обществе; их интересуют не особенности культуры сами по себе, а то, чем отличаются дети данного народа от детей, растущих в иной социально-культурной среде. Другие ищут ответ на вопрос, каковы специфические механизмы и процессы приобщения детей к культуре своего народа. Если в первом случае сравниваются результаты социализации, то во втором – ее средства и методы. Третья группа ученых изучает взаимосвязи между воспитанием детей и некоторыми аспектами социальной структуры общества: кто и как определяет соотношение целей и средств воспитания, как взаимодействуют друг с другом отдельные институты социализации и т.д. Разнообразна и методология таких исследований: это и детальные монографические описания, массовые статистические исследования, исследования, опирающиеся на наблюдения, исследования комплексного типа и т.д. Изучение мира детства не сводится к закономерностям процесса социализации, где ребенок рассматривается главным образом как объект заботы и воз-

действия со стороны взрослых. Один из важнейших принципов современного человекознания – принцип субъективности формирующейся личности, которая не может быть сведена к простой совокупности биологических задатков и социальных условий. При всей зависимости от взрослых, мир детства обладает известной социальной и психологической автономией, и эта своеобразная детская культура, точнее – субкультура, должна быть понята изнутри, а не просто объяснена функционально как подготовка к будущей взрослой жизни. В изучении этого явления этнография детства тесно связана с психологией и педагогикой, в частности в исследовании трех основных междисциплинарных проблем, наиболее явно раскрывающих особенности мира детства. Прежде всего это детский фольклор и вообще художественное творчество, поскольку в современных индустриальных обществах дети дошкольного возраста – единственная социально-возрастная группа, выражающая себя исключительно через устное творчество и рисунок. Другой важной проблемой является изучение детской игры, особенно ролевой игры, имеющей важный социокультурный смысл. Серьезное внимание уделяется также изучению детского общения. Психолого-педагогические исследования показывают, что контакты между детьми уже в самом раннем возрасте резко отличаются от общения тех же детей со взрослыми и выполняют иные психологические функции. Сравнительно-этнографические данные позволяют выявить характер и специфику взаимоотношений сверстников, особенности формирования детской и подростковой субкультуры. Этнография детства имеет большое прикладное значение, помогая адаптировать современные методы воспитания и обучения к специфическим особенностям традиционной культуры народов, а также сохранять и использовать ценные методы народной педагогики.

Под детским фольклором обычно понимается как творчество взрослых для детей, так и детское традиционное творчество¹. Для распределения детского фольклора по возрасту есть две

¹ Капица О.И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание. Обзор материала. Л., 1928. С. 5.

группы: первая – творчество взрослых до того возраста, когда дети находятся на их попечении, то есть с рождения до 5-6 лет, вторая группа – произведения, которые бытуют среди детей, когда они уже самостоятельно себя развлекают¹. Про справедливому замечанию И.С. Кона, изучение мира детства сопряжено с большими методологическими трудностями и предполагает тесную кооперацию социологов, психологов, историков и педагогов². Каждый взрослый человек несет свое детство, точнее его наследие в себе и не может даже при желании освободиться от него... Познание детства неотделимо от истории общества и его социального самосознания³.

Сильное и благотворное влияние на изучение образов детства оказывает социальная психология. Сравнительное и историческое изучение образов детей заняло заметное место в литературоведении. Образы детства изучаются комплексно с применением методов контент-анализа и пр. И.С. Кон выделяет три аспекта в историко-социологическом и этнографическом изучении детства:

1) положение детей в обществе, их социальный статус, способы жизнедеятельности, отношения со взрослыми, институты и методы воспитания и т.д.;

2) символические образы ребенка в культуре и массовом сознании, соционормативные представления о возрастных свойствах, критериях зрелости и т.п.;

3) собственно культура детства, внутренний мир ребенка, направленность его интересов, детское восприятие взрослого общества, фольклор и т.п.

Все эти аспекты взаимосвязаны, и каждый из них может быть предметом разнообразных психологических, социологических, исторических и этнографических изысканий. Но какими бы специализированными не были подобные исследования, они всегда соотносятся с общими свойствами и ценностными ориен-

¹ Капица О.И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание. Обзор материала. Л., 1928. С. 30.

² Кон И.С. Этнография детства. М., 1983. С. 3.

³ Там же. С. 9.

тациями соответствующего общества. Познание детства неотделимо от истории общества и его социального самосознания¹. Так, например, для многих детей дворянского сословия были непонятны нужды их сверстников, происходивших из крестьянской или рабочей среды. По воспоминаниям Н. Зернова, «в нашем детстве мы не знали деревенской России. Только однажды, уже юношей в 15 лет, я провел несколько дней в имении моего одноклассника Андрея Мамонтова. Там я увидел помещичий дом, верховых лошадей, борзых собак, встретился с крестьянами, заходил в их избы. Все это было ново и необычно для меня, я чувствовал себя среди них иностранцем»². Данное обстоятельство необходимо учитывать при социокультурном анализе детской повседневности периода войн России начала XX в.

Довольно широко изучался мир детства в дореволюционной русской этнографии и фольклористике³. В 1920-е гг. XX в. советские ученые Виноградов Г.С., Капица О.И. и др. расширили эту тематику⁴. Дети и детская повседневность находили отражение в публицистике и художественной литературе. Специальные выпуски, посвященные детям труда при царском режиме, выходили в первые годы Советской власти⁵.

Каковы же источники для изучения повседневной жизни детей в России в период Первой мировой войны 1914-1918 гг.? Наиболее полные критерии даны в работах казанского историка А.А. Сальниковой. По ее справедливым оценкам, анализ «детских» текстов представляет несомненный интерес. Это детские сочинения, письма детей отцам-солдатам на фронт, детские анкеты, собственно детские воспоминания, детские рукописные

¹ Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988. С. 6-7.

² Зернов Н. Черноморское побережье // На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Париж, 1970. С. 222.

³ Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках // Вестник воспитания. Кн. 2 и др.

⁴ Виноградов Г.С. Детский фольклор и быт. Иркутск, 1925; Капица О.И. Детский фольклор. Л., 1928 и др.

⁵ Дети труда в русской художественной литературе / сост. Н.А. Столляр. М., 1925.

журналы, другие его документы, отразившие детский опыт военной поры¹.

Выделим несколько особо приметных и ярких групп исторических свидетельств:

1. Прежде всего, необходимо обратить внимание на семейные архивы и другие источники, способные восстановить историю семей, а вместе с ней и историю детства начала XX в. В некоторых семьях велась родословная и она может способствовать восстановлению семейных традиций и демографической истории семьи. Вполне оправданно и привлечение фотодокументов (фотографией, семейных портретов, фотографий с документов и т.п.) для воссоздания домашнего обихода, одежды, настроений детей в годы военного лихолетья. Таким образом, вполне очевидна необходимость использования фотодокументов, в том числе из частных коллекций. Заметим, что в Советском Союзе было «неудобно» и опасно сохранять «фото-память» о «старом режиме»: в 20-30 гг. XX в. были сознательно уничтожены многие семейные коллекции фотографий, так как наличие таких материалов могло быть поводом к отправке в лагерь или уничтожению.

2. Другим источником о повседневной жизни детей в военные годы является переписка (письма с фронта и на фронт), а также дневники и семейные воспоминания о событиях прошлого. Причем, в некоторых случаях представляют интерес и опосредованные, вторичные воспоминания, когда уже пожилые родственники могут вспомнить о том, что им рассказывали о своем детстве их родители или их бабушки и дедушки. Запись таких воспоминаний представляет немалую ценность и в плане пополнения сведения для устной истории России, а многие из таких свидетельств могли бы пополнить фонды музеев и архивов.

3. Важнейшим источником о жизни детей в годы Первой мировой войны является периодическая печать. Здесь уместно использование как светских изданий (губернских ведомостей,

¹ Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в эпоху катастроф // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. статей. Челябинск, 2004; Ее же. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007 и др.

провинциальных газет и журналов), так и церковных газет и журналов (епархиальных ведомостей). Периодические издания военной поры активно освещали особенности детского восприятия военной действительности, реагировали на импульсивную реакцию детей подростков на военные события. В местной хронике региональных изданий часто публиковались статьи и заметки с названиями: «Пожертвования учащихся», «Юные добровольцы», «Лента учащихся» и другие, в которых рассказывалось о помощи детей фронту в виде сбора пожертвований, заготовки вещей для нужд армии и т.д. В журналах военных лет также велась оживленная дискуссия о детском восприятии военных событий, о воздействии войны на детские настроения и изучалось отношение детей к войне¹. Данные материалы представляют особую ценность в виду того, что детская повседневность изучалась по горячим следам и в работах современников сохранились яркие наблюдения над внутренним миром ребенка и его социокультурным обликом².

4. Большой объем информации о детской повседневности содержится и в архивных коллекциях центральных и региональных архивохранилищ. Особенно полезны для исследователей военной повседневности фонды региональных архивов. В фонде канцелярии губернатора сохранились документы и отчеты о проведенных патриотических мероприятиях учащихся (манifestациях, участии в сборе пожертвований, бегстве детей на фронт, помощи семьям, призванных на войну нижних чинов). В фондах учебных заведений (гимназий, реальных и духовных

¹ Малиновский Н. П. Война и дети // Русская школа. 1914. № 11; Левитский В.М. Беспризорные дети и война // Дети и война. Сб. статей. Киев, 1915; Окунев Як. Дети на войне. (Из боевых впечатлений) // Русская школа. 1917. № 5; Рубинштейн М.М. Война и дети // Вестник воспитания. 1915. №2; Звягинцев Е. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. 1915. № 4; Чуковский К. Дети и война // Нива. 1915. № 51; Горный В. Война и дети // Народный учитель. 1916. № 14; Ярошевич Ю. Сельская школа о войне // Вестник воспитания. 1916. № 2 и др.

² Щербинин П.П. Повседневная жизнь девочек в России в период первой мировой войны 1914-1918 гг. // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей / сост. Н. Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 118.

училищ и др.) находятся материалы об учебе детей, а также оказании ими помощи семьям призванных на войну и раненым. Кроме этого, весьма полезными являются и материалы обследований семей учащихся, а также отчеты о деятельности сельскохозяйственных дружин.

Незаслуженно забытыми оказались и фонды бывших партийных архивов, а ныне Центров документации новейшей истории в регионах России. Так, фонд Истпарта, в котором сосредоточены воспоминания участников революционного движения содержит немало информации о детских впечатлениях будущих революционеров и революционерок. Например, в фонде Центра документации новейшей истории Тамбовской области были обнаружены воспоминания о местном участнике революционного движения Г. Усиевиче, которые оставила его сестра. Она описывает как ее четырнадцатилетний брат «на печке рассказывал ребятам, что слышно нового о войне. Он хорошо знал имена всех вождей и генералов, названия городов, места боев... В нашем дома постоянно бывала молодежь, гимназисты старших классов, которые обсуждали прочитанное, старались разобраться в происходящих событиях. Молодежь искала виновников бессмысленной бойни, гибели людей»¹.

5. Различные стороны истории детства исследователи могут реконструировать на основе различных источников, жанровые особенности которых часто влияют на создаваемую картину. Основными группами таких источников можно считать следующие: законодательство и нормативные акты о детях и родителях; материальная культура детства (игрушки, мебель, одежда и пр.); литература для детей; художественная литература о детях; этнологические материалы (описания детских игр, записи детского фольклора и пр.); переписи, метрические и регистрационные книги и иные демографические и социологические (опросы, анкеты и пр.) источники². Заметим впрочем, что почти

¹ Центр документ документации новейшей истории Тамбовской области. Ф. 382. Оп. 1. Д. 303. Л. 5.

² Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III-XVI вв.): учебное пособие по педагогической антропологии / сост. и отв. ред. В.Г. Безрогов. М., 2001. С. 10.

все эти источники являются результатом творчества взрослых и отражают их мнения и действия по отношению к детям и детству.

6. Весьма полезным является привлечение изобразительных «отражений» эпохи – детских рисунков. Они ярко и образно отражали эмоциональный мир детей и их настроения в условиях военной повседневности.

Все же все виды источников необходимо структурировать по времени их создания, гендерным ролям, социальному статусу ребенка:

– одним из самых важных факторов, которые необходимо учитывать при источниковедческой оценке «детского источника» является место создания источника и собственно его автор. Так, сельские или городские дети «запомнили» часто совершенно противоположные проявления военной поры. Часто для городского ребенка война – это романтика, нередко игра. Их привлекали военные ритуалы – парады, тренировки войск, патриотические демонстрации, военная реклама и всеобщее возбуждение. Деревенские дети, как и их родители, не были охвачены патриотической риторикой. Они четко осознавали тяжелые последствия для крестьянских хозяйств, рано начинали трудиться, были природными пацифистами;

– необходим учет сословно-правового и социального статуса ребенка (воспоминания детей из дворянской, купеческой, рабочей, крестьянской, казачьей семьи, семьи священника сильно отличаются);

– довольно резкое различие в оценках детей о своей повседневной жизни определяется и хронологическими этапами ведения военных действий (от патриотических чувств – в начале войны, до желания ее скорого завершения войны в 1916-1917 гг.);

– весьма разнятся тыловые или фронтовые источники (фронтовые записки резко контрастируют с тыловыми размышлениями; особенно эмоциональны письма беженцев или воспоминания депортированных);

– национальная принадлежность автора источника нередко определяла его тональность (сравним письма ребенка-немца в России, мусульманские образы войны);

– гендерные аспекты военной поры четко дифференцируются (воспоминания мальчика или девочки, игры, гендерные роли);

– религиозные ритуалы, образы военной повседневности также отличаются от светских представлений детей (образ Бога карающего врага, религиозная символика и пр.).

Следует заметить, что изучение детской повседневности периода войн начала XX в. требует привлечения внимания не только историков и этнографов, но и антропологов и лингвистов, психологов и искусствоведов. Вне всякого сомнения, дальнейшая разработка этой актуальной научной проблемы принесет с собой новые открытия повседневного мира ребенка в экстремальных условиях войны и позволит лучше узнать прошлое нашего Отечества.

Одной из самых сложных проблем является определение возрастных рамок детства. И.С. Кон посвятил проблеме определения возраста ребенка вторую главу своей книги. Так по его мнению возраст развития многомерен: это биологический возраст, социальный возраст, психологический возраст, возрастное самосознание¹.

Другая система отчета – это социально-возрастные процессы и социально-возрастная структура общества, описываемая в таких терминах как «возрастная стратификация», «возрастное разделение труда», «поколение» и пр. В демографии возрастными группами называют 1) формальные группировки по хронологическому ряду (например, «15-19 летние»); 2) возрастные слои населения, сочетающие возраст с общественным положением («дети», «старики»), поколения².

Индивиды, принадлежащие к господствующим классам, имеют гораздо больше шансов на продолжительную жизнь. Их детство, период относительной беззаботности, когда индивид еще не участвует в производительном труде, также более длительно.

¹ Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988. С. 66.

² Там же. С. 68.

В науке существует три главных термина описания индивидуального развития в его целом – время жизни, жизненный цикл и жизненный путь¹. Есть и семейный цикл. Возрастная стратификация общества достаточно сложна. Понятие возрастного слоя (страты) по объему совпадает с понятием кагорты, обозначающая совокупность индивидов данного возраста.

Возрастные слои различают и по характеру своей общественно-производительной деятельности. Даже в их выделении (например, при переписи населения) формально-хронологический признак (люди от такого до такого-то возраста) обычно соотносится с биопсихологическим (дети, подростки, взрослые) и социальным (лица дошкольного возраста, школьного, рабочего или пенсионного возраста)².

Кроме юридического и фактического разделения социальных функций возрастная стратификация предполагает систему социально-психологических санкций. К ребенку предъявляются одни требования. Варьируется и характер юридических и моральных санкций за те или иные проступки. Средневековые люди плохо знали возраст своих детей. Хронологический возраст фиксировался преимущественно с ритуальными или фискальными (переписи населения, взимание налогов, призыв на службу в армию) потребностями. Важно учитывать социализацию детей. Существовала и половая социализация, полоролевая дифференциация.

Попытка определить хронологическую границу детства затруднена тем, что встречаются дети, серьезные не по возрасту, и взрослые, остающиеся детьми. Очевидно, что понятия *ребенок* и *детство* имеют многогранное и противоречивое осмысление. В каждом обществе, социальном слое, профессии, в каждой эпохе и в каждой культуре они имеют свои особенности³. История детства имеет социальную сторону, отражает повседневную

¹ Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988. С. 73.

² Там же. С. 81.

³ Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III-XVI вв.): учебное пособие по педагогической антропологии / сост. и отв. ред. В.Г. Безрогов. М., 2001. С. 7.

жизнь ребенка в семье, в школе, на улице, его включенность в социальную среду, статус и социализацию детей разных возрастов и полов в семьях, группах, слоях, регионах и пр.

В дореволюционной России нередкой была фальсификация возраста ребенка с целью его скорейшего трудоустройства. Для того, чтобы попасть на завод детям нередко покупали года. За три рубля священник или пристав прибавляли 10-11-летнему ребенку в метрическом свидетельстве три года, и тогда его принимали на работу¹. Некоторые дети и не знали точно свой возраст и дату рождения. Мой отчим, рожденный в 1938 г. так и не знает своей точной даты рождения. Записали как сказали родители примерно в январе...

Устав о промышленности регулировал труд малолетних рабочих на фабриках, заводах и мануфактурах в ст. 107-121. В России было установлено правило, что к работам можно допускать детей с 12 лет. К примеру в Италии к работам допускались с дети с 9 лет, в Испании и Дании – 10, Англии – 11, Швеции, Бельгии, Голландии – 12, во Франции и Германии – 13, в Швейцарии и Австрии с 14 лет.

С 12 до 15 лет рабочий считался малолетним и мог работать не более 8 часов в сутки. В Испании – 5 часов, в Англии – 5 с половиной, в Германии – 6². Ночная работа малолетним была запрещена, а ночное время это с 9 вечера и до 5 утра. Подростками признавались по фабричному законодательству лица в возрасте от 15 до 17 лет³.

Закон 1882 г. ограничивавший применение детского труда, фактически нигде соблюдался. Дети и подростки, выгоняемые нуждой на фабрику, сплошь и рядом завышали свой возраст. Согласно данным фабричной инспекции за 1901-1905 гг. рабочие в возрасте до 16 лет составляли в разные годы от 2 до 15%. По переписи 1897 г. удельный вес рабочих до 15 лет составлял 12%⁴.

¹ Лилина З. Дети-революционеры. Л., 1926. С. 30.

² Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1904. С. 179.

³ Там же. С. 182.

⁴ Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958. С. 280.

Возраст членов семь рабочего: До года, от 1 до 15 лет и пр.¹ То есть все считались детьми до 15 лет. Специальное исследование повседневной жизни семей рабочих провела В.Ю. Крупянская, которая рассмотрела бытовой уклад, образ жизни, бюджет и пр.²

Интереснейшим источником по быту и повседневной жизни рабочих и крестьянских детей является работа Е.О. Кабо. Автор провел очень квалифицированное и всестороннее годовое бюджетное обследование рабочих московских фабрик. И хотя обследование охватывает 1924-1925 гг., но его ценность состоит в том, что авторы сумели реконструировать детские годы, период взросления опрашиваемых лиц. Таким образом, в работе приводятся данные о месте рождении, семейном положении, образовании детей в начале XX в., а также их трудовой биографии, склонностях и настроениях. В работе Е.О. Кабо опирается на 14 биографий рабочих, отмечая, что они являются вполне типичными³. Вот эти примеры становления детей, которые стали позже рабочими московских фабрик:

1) Рабочий К. родился в 1885 г. в крестьянской семье, в деревне в Смоленской губернии. До 12 лет прожил в деревне помогая отцу в крестьянском хозяйстве. Семи лет поступил в сельскую четырехклассную школу и окончил ее 11 лет. Двенадцати лет его отвезли в город, и с тех пор началась его трудовая жизнь. Он разносчик от хозяина, работает по 18-20 часов в сутки. Его жена родилась и выросла в деревне в Смоленской губернии. Детство она провела, как и большинство деревенских девочек, помогая матери в работах. Она нянчила младших детей, в школе никогда не училась и неграмотна⁴.

2) Рабочий В. наборщик 34 лет. Родился в Москве в семье служащего. Образование получил в трехклассном городском училище. Самостоятельно зарабатывать стал с 15 лет, поступив

¹ Серманов С.Н. Петербургские рабочие накануне первой русской революции. М., 1966. С. 82.

² Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 272.

³ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта, Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М., 1928. С. 27.

⁴ Там же. С. 35.

учеником-наборщиком в частную типографию. Три года работал учеником, а потом наборщиком. Жена его из крестьянок Тамбовской губернии. Детство до 10 лет провела в деревне, затем переехала в Москву и училась в воскресной школе грамоте. С 15 лет поступила на кондитерскую фабрику, где работала 10 лет¹.

3) Рабочий Б. родился в деревне Верейского уезда Московской губернии в 1888 г. Отец умер, когда мальчику было четыре года. Мать продала корову, нанялась прислугой, работала на фабрике. Мальчик воспитывался у деда. Десяти лет поступил в сельскую двухклассную школу, через год перешел в фабричную школу, где учился еще три года. В 13 лет был отвезен в Москву и отдан в учение в столярную мастерскую. С 13 лет он делается совершенно самостоятельным. С 16 лет работает рабочим. Жена родилась в семье небогатых крестьян. До 13 лет жила дома и помогала матери нянчить детей. В школе не училась за отсутствием времени. С 13 лет уезжает в Москву и работает нянкой, а с 17 лет поступает ученицей на текстильную фабрику в Нарофоминск².

4) Жена в возрасте 7 лет отдана в няньки и семь лет была нянкой в чужих семьях. В 14 лет ее свезли на текстильную фабрику, где работали и другие деревенские девушки³.

5) Жена родилась в Глебове Рязанской губернии. Отец – кучер, мать – прислуга. Двенадцатилетней девочкой окончила земскую школу и поступило в обучение портнихе, а с 15 лет в портняжную мастерскую. С тех пор зарабатывает самостоятельно⁴.

6) Рабочий П. 1884 г.р. родился в Москве. К 11 годам поступил в низшую городскую школу, и в 14 лет окончил ее. Дальше учиться не пришлось, так как он принужден был начать зарабатывать. С 15 лет поступил на завод Гужона и два года был учеником, потом рабочим. Жена его родилась в деревне

¹ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта, Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М., 1928. С. 40.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 69.

в 1890 г., затем, когда ей было 6 лет, родители переехали в Москву, а в 9 лет ее отдали в городскую школу, через три года она начала обучаться портняжному ремеслу. С 16 лет начала зарабатывать как портниха¹.

7) Рабочий Ч. Ему 27 лет. Поражен туберкулезом. Родился в деревне, но с трех лет жил в городе. Отец был булочником в Петербурге, мать сдавала комнаты и углы. Восьми лет он поступил в начальную городскую школу, которую окончил к 11 годам. С этого времени окончилось детство и началась трудовая жизнь. Он поступил учеником наборщика, с 16 лет стал наборщиком. Переехал в Москву². Его жена до 8 лет жила в деревне у тетки, потом переехала к родителям в Москву и поступила в школу. В школе она училась всего год и едва научившись читать в девять с половиной лет поступила на фабрику подручной девочкой, где и работала 9 лет.

8) Рабочий В. Родился и вырос в семье безземельного крестьянина Рязанской губернии, работавшего на помещичьей земле. Двенадцати лет поступил в сельскую школу, но через два года, не окончив школы, был отдан в трактир – мыть чашки. Через год ему удалось поступить на текстильную фабрику, где он работает до сих пор. Детские годы жены не отличаются от мужа, но образования не получила, ни квалификации³.

9) Рабочий Т. 38 лет. Сын рабочего, детство провел в городе. Образование получил в 4-классной церковно-приходской школе, окончив ее в 12 лет, он поступил певчим в церковный хор. Таким образом, уже с 12 лет стал самостоятельно зарабатывать и помогать семье. Певчим служил 4 года, а в 16 лет поступил в типографию учеником наборщика. Жена его – дочь рабочего. Детство провела в городе. В 14 лет окончила высшее начальное шестиклассное городское училище и поступила в школу кройки и шитья, которую окончила в 16 лет⁴.

¹ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта, Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М., 1928. С. 75.

² Там же. С. 87.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 112.

По мнению автора три основных фактора определяют характер рабочего быта. Во-первых, социальное происхождение рабочей семьи, а также те материальные и культурные навыки, которые она получила в наследство от среды, из которой вышла, и которые привнесла с собой в современность. Всего было собрано 88 биографий. Большинство вышли из деревни, где и получили свое первоначальное образование. Детьми рабочих, только 35 процентов, то есть во втором поколении¹. Грамотными оказались все обследованные мужчины, но окончили школу только 70%. Женщин не грамотные 44%.

Через «мальчика в лавке» прошли многие, прежде чем начать специальное обучение. Работали дети по 12-18 часов. Многие начинали работать 11-13 лет разносчиками у хозяина – 18 часов работы, батраками у помещика – 15 часов, мальчиками у сапожника – «весь день». Женская трудовая школа начиналась еще раньше и протекала в тяжелых бытовых условиях. С 9-11, а иногда с 7 лет приступали к наемному труду в деревне и в городе без ограничения времени, прислужкой, нянкой, на огородах у крестьян, на скотном дворе у помещика².

Автор приводит рассказ М. Борисова о своих детских мытарствах: «Летом 1900 года в возрасте 11,5 лет я предстал на казанский рынок труда рабочей силы... На первое время попадаю я на четыре года мальчиком в ученики в магазин готовых вещей... Через пару недель я уже переплетчик, работаю на Покровской улице. Работаем с 6 до 9... Через некоторое время я попадаю к шорнику ... кроме учения мастерству, колю дрова, тащу помои, бегаю на базар и в лавочку, да ребенка качаю. Конечно никакой нормировки рабочего дня не было, даже в праздник захочет хозяин «пустить к матери» – пустит, не захочет – его воля.

Тяжеленько приходилось после деревенской свободы детства к городским порядкам привыкать, да делать видно нечего – «в люди выходить надо»³. Из числа детей и подростков около

¹ Кабо Е.О. Очерки рабочего быта, Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М., 1928. С. 124.

² Там же. С. 126.

³ Борисов М. Наше прошлое. Казань, 1923. С. 4.

половины спят на полу, либо на случайных приспособлениях (на сундуках, на стульях, лежанках), то есть не имеют кровати. Но те, кто имеют кровать спят по двое или с родителями¹.

Детей рано приобщали к труду. Девочки с малолетства включались в посильные для них домашние работы. Их учили шить, вязать, приучали к хозяйству, старались дать им профессию: отдавали в швейные мастерские. Мальчики помогали отцам в мужских работах по дому. Крайняя необеспеченность рабочих семей заставляла их рано определять детей на производство и собственно детства ребята не знали. В 12 лет мальчик как правило работал. В 15-17 лет поступал на фабрику.

Девочек было принято отдавать в услужение (в няньки, прислуги) и образование получали не многие из них. После 1905 г. многих девочек стали отдавать в воскресные школы, что устраивало родителей, так как не отвлекало девочек от повседневных забот. В семьях высококвалифицированных рабочих девочек отдавали в школу наравне с мальчиками². Жизненный уровень рабочих семей был неодинаков и зависел от квалификации рабочего, отрасли производства, соотношения в семье работающих и иждивенцев.

Если мать не работала, то пищу варили не менее трех раз в неделю, а то и каждый день. Но если жена работала, то пища готовилась не чаще двух раз в неделю. Размеры потребления мяса зависели от достатка семьи. В семьях с низким заработком мясо покупалось не чаще одного раза в неделю, а во многих семьях и раз в месяц. Питание было однообразным. Обед состоял из двух блюд: на первое капустные щи или картофельный суп (иногда борщ, суп гороховый) и на второе – жареный картофель или каша (пшенная, гречневая), иногда поджаренная колбаса дешевых сортов³.

Таблица рабочих по полу и возрасту в губерниях Центрального Поволжья показывает как в некоторых губерниях мужской труд заменялся усиленной эксплуатацией детей и подростков. Детский труд, особенно труд девочек, довольно широко приме-

¹ Борисов М. Наше прошлое. Казань, 1923. С. 173.

² Там же. С. 279.

³ Там же. С. 280.

нялся на предприятиях Пензенской (5,3%) и Симбирской (9,3%) губерний, что можно объяснить спецификой работы на суконных и спичечных фабриках, расположенных там¹. По сравнению с 1913 г. численность малолетних рабочих и подростков женского пола возросла в 1,5 раза². 9 марта 1915 г. был издан закон о допущении малолетних к ночным и подземным работам, ввиду острого недостатка рабочих рук.

30 октября 1915 г. была проведена перепись жителей Петрограда. Всего учтено было 2318628 человек. По возрастам учет установил размеры по трем группам: до 5 лет, от 5 до 15 лет и старше 15 лет. До пяти лет: мужчин – 9,5%, женщин 10,9%, всего – 10%; от 5 до 17 лет: мужчин – 14,1, женщин – 15,4%, всего – 14,9%³.

В таблицах о населении Петербурга за 1869-1910 гг. указывались возрастные группы до 15 лет⁴. В сборнике статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения указывается число детей в возрасте 2-12 лет, в возрасте 12-17 лет⁵. Пособие Алексеевского комитета определяло возраст, когда ребенок не нуждался уже в социальной поддержке в 16 лет.

В феврале 1903 г. была проведена перепись детей школьного возраста в Томске. В России обычно школьный возраст определяли от 8 до 13 лет, но переписывали наличное детское население Томска в возрасте от 7 до 15 лет. Пределы были расширены в виду особенностей городской жизни, как культурного центра, где обучение в более раннем возрасте является нормальным явлением и где существует возможность обучения вне школы и в возрасте превышающем пределы, установленные для обучения в школах⁶.

¹ Борисов М. Наше прошлое. Казань, 1923. С. 88.

² Там же. С. 90.

³ Стрельцов Р. Перепись Петрограда // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 377.

⁴ Там же. С. 281.

⁵ Сборник статистических сведений о заведениях закрытого призрения детей, в том числе сирот сельского населения. Пг., 1916. С. 8.

⁶ Шишло И. Перепись детей школьного возраста г. Томска. Томск, 1904. С. 1.

Мне симпатична трактовка детского возраста, предложенная казанским историком А.А. Сальниковой. В связи с тем, что основным объектом ее исследования, по существу, стал детский вербальный текст, автора интересовали «дети» разных возрастных групп – от дошкольников до 16-17-летних юношей и девушек, но лишь те, кто мог создать – письменно или устно – документы самоописания и вербальной саморепрезентации. Поэтому в ее книге практически нет упоминания о совсем маленьких, еще только начинающих говорить детях. С другой стороны, А.А. Сальникова сознательно не ограничивались понятием «школьник», поскольку далеко не все дети соответствующего возраста оказывались в то или иное время за школьной партой. Рассмотрение источников, созданных детьми разных возрастных групп, позволило выявить их отличия, показать эволюцию их воззрений на мир и себя в этом мире, процесс их взросления и постепенного (а иногда и чрезвычайно быстрого – в силу специфики времени) «встраивания» ребенка во взрослое «бытие»¹.

Детство – всем хорошо известное, но малопонятное явление. Термин «детство» используется широко многопланово и многозначно. Детство в индивидуальном варианте – это, как правило, устойчивая последовательность актов взросления растущего человека, его состояние «до взрослости». В обобщенном – это совокупность детей разных возрастов, составляющих «до-взрослый» контингент общества. Специального определения детства нет в философских, педагогических, социологических словарях. В психологическом словаре есть определение детства как термина, обозначающего 1) начальные периоды онтогенеза (от рождения до подросткового возраста); 2) социокультурный феномен, имеющий свою историю развития, конкретно-исторический характер. На характер и содержание Детства оказывают влияние конкретные социально-экономические и этнокультурные особенности общества. По справедливому мнению Д.С. Лихачева, с рождением человека родится и его время.

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 9.

В детстве оно молодое и течет по-молодому – кажется быстрым на коротких расстояниях и длинным на больших¹.

Дети не были одинаковы на протяжении столетий. У них имелись различные семейные обычаи и атмосфера, встречающие их при рождении; различный опыт, приобретающийся ими год от года; различные эмоциональные реакции на те или иные события; различны и игрушки и игры, фантазии и страхи, мечты и возможности².

По справедливому замечанию, история повседневности направлена, в первую очередь, на описание и анализ явлений обыденных: жилища, одежды, семьи, досуга, питания, рождения, смерти. Именно этот мир обыденной жизни и создает историческое пространство³. К сожалению, проблема детской повседневности военной поры начала XX не нашла своего развития в новейших этнографических исследованиях. Так, в изданной в 2006 г. иллюстрированной энциклопедии «Русские дети. Основы народной педагогики» воссоздаются условия жизни детей русской деревни в XIX – начале XX в., но нет ни слова о военной составляющей детей или подростков⁴. Изучая военную повседневность детей в начале XX в. необходимо учитывать, что она носила на себе печать революционной эпохи⁵. По справедливому мнению Н.Б. Лебиной, структуры повседневной жизни зависят от специфики конкретно-исторического момента и историко-социальных катаклизмов: войн, революций, реформ.

Наиболее значимые и быстрые перемены в повседневной жизни российского населения стали происходить в начале

¹ Лихачев Д.С. Книга беспокойств. Воспоминания, статьи, беседы. М., 2001. С. 8.

² Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III–XVI вв.): учебное пособие по педагогической антропологии / сост. и отв. ред. В.Г. Безрогов. М., 2001. С. 4.

³ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 6.

⁴ Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство. 2006. 566 с.

⁵ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 17.

XX столетия. Стилистика повседневной жизни в России в начале XX в. определялась урбанистическими, буржуазными ценностями.

Начавшаяся всеобщая мобилизация привела к увеличению перемещения населения внутри страны, к столкновению с повседневностью больших городов бывших сельских жителей, что не могло не влиять на стиль их бытового поведения. Они встречались как с высокой культурой городского типа, так и с отрицательными сторонами жизни в мегаполисах. Традиционный уклад жизни в годы войны претерпевал изменения и под влиянием нового слоя российского населения – беженцев¹. Экстраординарность военного времени повлияла на распределение половых ролей в повседневной жизни российского общества. Условия войны сказались и на системе питания населения.

При социологическом анализе исторического процесса мы всегда имеем дело не с «демографическим» поколением (совкупностью людей одного возраста), а с определенными поколенческими группами или структурами². По мнению Т. Шанина, понятийный язык «поколения» создал в Советской России общепринятые идеомы мышления и речи, которые широко употреблялись учеными. Знаменитый тест Ленина о трех поколениях в революционном движении, до сих пор служит подоплекой многих высказываний россиян.

Сравнивая соотношение революций 1905-1907 гг. и 1917-1921 гг., где подростки времен первой из них, надев солдатские шинели, стали революционным контингентом социальных и этнических революций и ударной силой Гражданской войны 1917-1921 гг. Окопы и поражения Первой мировой войны расширили и драматизировали уроки прикладной политики и классовой ненависти, когда ссылали, пороли, вешали их отцов³.

¹ Лебина Н. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006. С. 20-21.

² Левада Ю.А. Поколения XX в.: возможности исследования // Поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 41.

³ Шанин Теодор История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 32-33.

Известный социолог Ю.А. Левада выделяет в XX в. шесть «значимых» поколений, в том числе и «революционный перелом», условно 1905-1930 гг., включающий события войн, революций, серебряного века и периода его преодоления. Активные участники и жертвы переломного периода – люди, родившиеся примерно в 90-х гг. XIX в. В выборочной совокупности современных массовых исследований они не представлены результаты для познания исторического процесса¹. Важно заметить, что это поколение переживало общественный перелом как переоценку собственных ценностей. По мнению В.П. Данилова, поколенческий анализ несомненно может дать полезные результаты для познания исторического процесса². Если мы можем заключить, что новая парадигма, где детство рассматривается и понимается как социально сформированное явление, по крайней мере, нашла опору в диапазоне академических бесед, и также, что – *sit venia verbo* – социология детства, кажется, «берет верх» над направлением исследований социализации, то все же остается правдой, что не все проблемы, связанные с исследованием социализации, были решены «устранением» этого направления. Абстрактное отрицание позиций исследования социализации в перспективе социологии детства, которая представляется как героический защитник детства и детей, лишает нас потенциально плодотворных дебатов, в то время как наша забота – это акцент на «детстве и детских жизнях» в конкретный исторический период, а также развитие человеческого потенциала для эмансипаторного социального развития в интересах всего общества.

Таким образом, из длинного выше приведенного перечня понятий и учета возраста ребенка, следует вывод о том, что это «детский возраст» чрезвычайно трудно дифференцировать, что он во многом зависел от сословно-правового статуса семьи, профессио-

¹ Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С.41-42.

² Данилов В.П. О возможностях поколенческого анализа в познании исторического процесса в России // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С.144.

нально-бытового уклада сельской или городской жизни, варьировался и менялся в зависимости от социально-экономических и политических обстоятельств мирного и военного времени.

1.2. Сословно-правовые границы детства и социальное поведение ребенка в мирное и военное время, уровни социокультурного развития и взаимоотношений

Довоенная повседневная жизнь, хотя и не была отягощена военным фактором, но тоже протекала в нелегких условиях. Так, почти все крестьянские девочки учились в школе по 2-3 зимы, этим кончали и затем оставались дома. «Прясть надо» говорят их матери, «им не войну идти, а под ведро да под мостинку». Скот, прялка и зыбка – удел девочки уже с 6-7 лет и так до старости. «В 10 лет они уже выглядят настоящими маленькими женщинами: озабоченными, расторопными, деловыми. Мать передает ей немудреную школу рожка, качания и пеленок, а общий труд в хозяйстве ставит ее на равную ногу с остальными членами семьи. Сама еще ребенок, а мастерски и любовно справляется она с 2-3 малышами. И на вопрос: «как ты ладишь с этой мелюзгой?» она серьезно и просто бросит: «я уже третье лето сижу»¹. Самостоятельное существование этих пестуний начиналось в 6-7 лет. Обычно это сиротки или дети бобылок и бедняков вдовцов. На первых порах берут их какие-либо родственники или добрые соседи в помощь бабушке или мальчику-большачку, «водить за ручку» бутуза 3-4 лет. Так определяют ее якобы основное занятие. И все как бы замалчивают об очень большом труде: в шесть лет забыть себя в играх и отвечать за другого. Живет она из хлеба, т.е. за то что ее кормят... Приведут этих нянь по весне матери наниматься, да сами тайком и исчезнут. А дорогой предварительно все тропинки спугают»².

¹ Ломанченкова Т.М. Девочки-няни (бывш. Тверской губ. Весегон. уезда Сандовская и Лукинская волости) // Детский быт и фольклор: сб. первый / под ред. О.И. Капицы. Л., 1930. С. 29.

² Там же. С. 30.

Н.А. Рыбников проводил изучение автобиографий рабочих и отмечал, что 53% мужчин и 27% женщин начали свою трудовую жизнь до 15 лет. Девочки уже до 10 лет работали по найму в няньках, ходили на поденную домашнюю работу, на работу по торфу. Мальчики пасли скотину, если были связаны с крестьянством, служили в тракторах, кашеварами в артелях, работали учениками у кустарей¹. Автобиографии говорят о тяжести труда для детей: «На фабрику поступил в 12 лет; я был мал ростом и слаб здоровьем, мне эта фабрика не нравилась. Я даже бежать собирался и каждый день плакал»². Маленькие дети были включены в работу и общение с окружающими их людьми. Очень рано детям «трудящихся классов» приходилось вносить свой вклад в пропитание семьи; они не были исключены и из общения, не отделяемого четко от работы.

Многие отцы смотрели на учебу своих детей как на баловство. Дети будут крестьянствовать, считали они, грамота им не пригодится, мы век прожили неграмотные... Правда, мальчиков учили охотнее. «Нас было у папы-мамы 8 гавриков: пять дочерей и три сына. У тяти четыре брата, и все жили в одном доме. Потом разъехались, братья рядом выстроились. Еще не давали усадьбу-то, земли-то у нас мало было. Работали мы и пока малы были. Работа была по нам: ложки красили краской, шкуркой шкурили. Семи лет отдали в школу в Цыганах. Училась без ноля десять классов. Мама сказала, что фамилию расписать может, ну и ладно. Че, говорит, их дома-то учить, письма писать парням, што ли?».

А вот какой любопытный эпизод вспоминает эта же рассказчица из детства своего мужа: «Он у их один был сын. Да, один. Он подрос, так они купили лошадку. А отец-то инвалид об одной руке, так сыну приходилось пахать. А пахали тогда сохой, ручки были высоко, соха-то ведь не как плуг. С непривычки мальцом еще работал да работал, на обед приехал домой, проработался, ести хочет, а ложка-то трясется и рука не сгибается. До

¹ Рыбников Н.А. Автобиографии рабочих и их изучение. Материалы к истории автобиографии как психологического документа. М.-Л., 1930. С. 50.

² Там же. С. 50.

роту-то донести не может! Разозлился, кинул ложку на стол и сам пошел заревел. Вот пахарь-то какой! Так и не пообедал. Мати тоже не утерпела, заплакала... И что делати?»

Роль старших детей в семье была особая – девочка заменяла мать: топила печь, водилась с младшими братьями и сестрами, ухаживала за скотиной, сын – участвовал во всех работах в поле, заготовке дров, перенимал ремесла, которыми владел отец. Дети воспитывались в полном послушании родителям, каждый их шаг контролировался. Во взрослых застольях в праздники они не участвовали. А.Е. Рыкова (1907): «В праздники кто придет, мы сидели на полатах. Пальцем помаячит отец – и сиди, в разговор никакой не влезть. От дома никуда не спросясь не уйдешь, никак ниче не скажешь. Пришел человек – мало ли какую речь ведут, ты не причастен к этому»¹.

28 летняя ткачиха вспоминала: «Когда мне было семь лет, началась японская война и отца взяли на войну. Нас осталось у матери 4 девочки. Летом мать брала меня на торфоразработки. С 9 лет я начала работать на торфу, это было мне очень трудно. Сравнялось 16 лет, отдали меня замуж, – два года была замужем, а потом поднялась война и мужа убили. У меня был грудной ребенок, и я с ребенком пошла на болото. Работала я там 6 лет...»².

В энциклопедическом издании «Русские дети. Основы народной педагогики» указывается, что в русской деревне в XIX – начале XX в. жизненный путь делился на три этапа: детство, взрослость, старость. Детство рассматривалось как время роста и подготовки к выполнению своих жизненных задач. Детство начиналось с момента рождения человека, или как говорили крестьяне, с момента «прихода в этот мир», и заканчивалось в 14-16 лет. Критерии принадлежности к следующей, взрослой, возрастной группе были довольно условны: при этом учитывалось физиологическое состояние, готовность к выполнению главных жизненных функций – деторождению и труду, также принимались во внимание некоторые субъективные признаки,

¹ Берлинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 59.

² Там же. С. 52.

например такие, как тип поведения. Если замечали, что девочка «заневестилась», а мальчик стал «жениться», то это считалось признаком их взрослости¹. В русской традиции первые полтора-два года жизни ребенка называли младенчеством. Младенчество заканчивалось, когда, по крестьянским понятиям ребенок «вошел в первый разум», то есть научился ходить, произносить первые осмысленные слова, есть ложкой и пить из чашки. Жизнь детей до 7 лет проходила в игре. Вольная жизнь заканчивалась в 7-8 лет, когда они вступали в пору отрочества².

Свою предвоенную детскую повседневность описывал один из современников: «У нас было заведено, что новая одежда покупалась только старшим брату и сестре, а вся старая, перешитая, латаная и перелатанная, но всегда чистая, переходила по наследству к младшим. Мы всегда были одеты чисто, без дыр и прорех, а на заплаты мы не обращали внимания. Любила нас мать и за каждого из нас болела душой крепко, а мы в свою очередь отвечали ей большой любовью и уважением. На ее же плечах лежала забота и уход за животными – коровой и лошастью. Она успевала работать в поле и в огороде, правда с нашей сильной помощью. Труд был основой нашей семьи, даже старшая из младших сестер, семилетняя Аня, считалась уже работницей, так как она присматривала за тремя малышами, когда более старшие уходили из дома.

К хлебу в нашей семье относились крайне бережно, потому что своего хватало только до Нового года. Каждый раз, когда мать резала хлеб, ей приходилось очень тщательно соразмерять куски. Ведь за каждым ее движением напряженно следило несколько пар внимательных глаз: не оказался бы чей кусочек больше и толще. Иногда в нашей обычно дружной семье по этому поводу вдруг вспыхивала ссора, порой переходившая в потасовку. Впрочем, порядок быстро наводился вмешательством отца с его неукоснительным судом: тому – подзатыльник, другому – шлепок, и все успокаивались.

¹ Русские дети: основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб., 2006. С. 6.

² Там же. С. 8.

Несмотря на то, что в семье все работали по мере своих сил, жили мы бедно, впроголодь. Корова была действительно нашей кормилицей. Молоко, сметана, масло продавались на базаре; ежегодно выпаивался теленок, и тоже – на базар. Молоко иногда нам перепало, правда больше снятое, но нашим прожорливым желудкам всегда было мало»¹.

В период русско-японской войны 1904-1905 гг. земства сами устанавливали возраст ребенка, по достижении которого он мог считаться трудоспособным и исключался из категории детей. Так, предельный возраст, лишаящий детей права на пособие, устанавливался различный. Низший в 12 лет (Полтавская губерния), затем 14 лет (Духовщинский и Бельский уезды), а в большей части губерний 15-17 лет (губернии: Таврическая, Рязанская, Херсонская, Черниговская и др.)². В сборниках законов к детям относились до 16 лет. В 1926 г. исследователи опрашивали детей 8-17 летнего возраста.³

По мнению учителей к детям относились в возрасте от 2 до 16 лет. Одна из учительниц вспоминала, занимаясь много лет учительством, я имела возможность близко наблюдать детей и знакомиться с их детским миром. Много детей, с 7 до 17 летнего возраста, перебивало, если можно так выразиться, в моих руках⁴. Возраст призреваемых детей в очагах от 2 до 16 лет⁵.

В конце XIX в. семьи в России в основном имели 5-7 детей всех возрастов. Число детей в семье было обусловлено взаимодействием различных социально-экономических, демографических, национальных, психологических факторов. Существовала

¹ Горбатов Н. Годы войны. М., 1992. С. 12.

² Отчет по призрению семейств запасных и ратников государственного ополчения, призванных на действительную службу в русско-японскую войну (февраль 1904-октябрь 1906 г.). СПб., 1907. С. 41.

³ Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М., 1929. С. 67.

⁴ Илион Б. Из личного опыта // Половое воспитание. Сб. статей, составленных учителями, родителями и воспитателями. М., 1913. С. 83.

⁵ Ярошевич Ю. Долг общества перед детьми // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 91.

зависимость между числом детей в семье и характером экономического развития региона, а также социальным положением семьи. Малочисленными были семьи промышленных рабочих, проживающих в столичных городах. В Москве в конце XIX в. большинство рабочих семей имели 1-2 детей. В Петербурге в 1908 г. около половины рабочих семей имели 1-2 детей, и только пятая часть – 3-х и более детей. Семьи рабочих региональных промышленных центров были многодетны.

В России в изучаемый период отношение в семье в основном оставались патриархально-авторитарными. Огромное влияние на это оказывали социально-экономические факторы. В России, как отмечалось, численно преобладало сельское население с патриархальными устоями брачно-семейных отношений. Немалую роль играла миграция крестьян в индустриально-развитые центры. Сельские жители, оседая в городах, вступали в брак и создавали семьи на понятной для них традиционной основе. Сохранение патриархальных черт в семейных отношениях было связано также с тем, что большинство рабочих были выходцами из деревень, и имели с сельским миром прочные связи.

В семьях, как отмечалось, широко использовался детский труд. Это помогало малообеспеченным семьям выжить экономически. К тому же дети должны были заботиться о младших братьях и сестрах, престарелых членах семьи, о больных.

В семьях наблюдалось излишне строгое, и даже жестокое отношение к детям. В малообеспеченных семьях их могли нещадно эксплуатировать для увеличения материального благополучия семьи. За незначительное ослушание детей часто подвергали избиениям.

Первая мировая война оказала существенное влияние на сокращение числа детей в семье. Это было связано с изменениями в репродуктивном поведении населения, а также с младенческой и детской смертностью¹. Данные подтверждают разный подход к определению положения места детей в семье и обществе, что

¹ Араловец Н.А. Городская семья в России 1897-1926 гг. Историко-демографический аспект. М., 2003. С. 113.

необходимо учитывать при проведении историко-этнографических исследований.

Весьма точным является замечание И.В. Синовой, которая отметила, что в начале XX в. срок детства устанавливался как правовыми нормами, так и традициями общества, зависел от образования, уровня жизни и других факторов¹.

¹ Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С.10.

ГЛАВА 2.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕМЕЙ ПРИЗВАННЫХ НА ВОЙНУ СОЛДАТ И ИХ СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА

2.1. Повседневная жизнь и социальная поддержка семей призванных на войну офицеров и солдат в 1914-1918 гг.

Первая мировая война 1914-1918 гг. серьезно повлияла на все стороны жизни российского общества, повлекла тотальные изменения в повседневной жизни, образе мыслей, поведении и стратегиях выживания большинства жителей Российской империи не только на театре военных действий, но и в тылу. Наиболее уязвимыми категориями населения оказались семьи солдат, призванных на войну.

Как же протекала повседневность детей, у которых были призваны на войну их отцы и братья? Какая помощь оказывалась солдатским семьям и насколько эффективной была эта социальная поддержка? Вполне очевидно, что реконструкция повседневных реалий и детской повседневности военной поры способны раскрыть масштабы воздействия военного фактора на их судьбы, выявить способы адаптации семей призванных на войну запасных нижних чинов, проанализировать стратегии выживания и настроения детей.

Заметим, что как и в период русско-японской войны 1904-1905 гг., патриотический подъем и воодушевление не были характерными чертами провинциального общества. Война озадачила не только большинство женщин, которые лишались своих мужей, уходивших на войну, нередко единственного источника доходов и содержания, но и мужчин, опасавшихся за будущее своих жен и детей. «Как выжить, чем кормить детей, кто сможет помочь и где искать защиту от произвола властей и надвигающейся нищеты?» – эти и другие вопросы будоражили население в первые дни войны, лишая многих сна и покоя. Неожиданно объявленная мобилизация привела к тому, что многие семьи

оказались на грани нищеты и чрезвычайно тяжелого материального положения¹.

Впечатления от проводов на войну сохранились в многочисленных свидетельствах современников, что позволяет оценить их настроения сквозь призму личностного восприятия военной обстановки. В детских сочинениях указывалось, что повсюду раздавались вопли женщин и детей, которые предчувствовали, что, возможно, они навсегда расстанутся со своими мужьями, отцами и братьями². В воспоминаниях М.Н. Герасимова отмечается, что при проведении мобилизации были «обычные слезы жен и матерей, которые если и не проклинали войну вслух, то беспокоились за своих мужей»³.

Одним из основных требований призванных на войну солдат было обеспечение семей мобилизованных. В период расставания с мужьями, призванными на войну, их жены убивались, что нечем будет кормить детей: вспоминали голодную русско-японскую войну. Многие не знали о новом законе 1912 г., предусматривающем выдачу пайков на каждого ребенка⁴. Уходя на войну, призванные были охвачены тревогой за судьбы своих семей, обреченных на разорение и голод, требовали немедленной выдачи пособий.

Забота о содержании детей, их образовании и здоровье оставалась главной в повседневных реалиях семей мобилизованных на войну в 1914-1918 гг. Дети скрашивали повседневность солдатских семей, однако забота об обеспечении их всем необходимым ставила перед солдаткой трудно решаемые задачи. Современники замечали, что война с большей силой отражалась в настроении городских детей, чем сельских. Города с их ежедневными и более частыми выпусками газет, с лазаретами, с же-

¹ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в 18 – начале 20 в. Монография. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. CG, 2010. С. 341.

² Бокова В.М. Школьные сочинения о Первой мировой войне // Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Вып. VI. М., 1995. С. 450-451.

³ Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965. С. 18.

⁴ Беренштам В. Около войны (в деревне и в пути) // Вестник Европы. 1914. № 10. С. 265.

лезнодорожными поездами, полными раненых, с пленными на улицах «крайне нервировали детей всех возрастов»¹. В деревнях же мощное воздействие войны проявлялось в период мобилизации, а потом все становилось спокойнее, тревожные события случались реже, и не было того повышенного ритма жизни, как в городах². Не случайно, в своих сочинениях дети отмечали, что «...вся Русская земля стонет, как подстреленная птица, от постигших ее бедствий. У детей война отнимает отцов-кормильцев, а у стариков – сыновей-работников»³. Один из учеников писал о соседке, которая до войны пела песни, а после призыва мужа «только плакала»⁴.

Посмотри, как все мы ждем от тебя весточки.

Пг.: Скобелевский комитет о раненых, 1916. Хромофотография; 9 x 14 см.
Э ОИр638/1285

¹ Звягинцев Е. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. 1915. № 4. С. 136.

² Там же. С. 144.

³ Горный В. Война и дети // Народный учитель. 1916. № 14. С. 6.

⁴ Бокова В.М. Школьные сочинения о Первой мировой войне // Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Вып. VI. М., 1995. С. 452.

Несмотря на военное время, наблюдался необычайный наплыв детей в начальные школы. Война показала, какие преимущества на поле брани имел грамотный перед неграмотным. Да и солдаты в своих письмах с позиций настоятельно советовали женам отдавать детей в школы постигать грамоту. По отзывам печати, крестьянки хотели учить детей, так как сами часто были неграмотными и не могли прочесть письмо с фронта и написать ответ. Им приходилось искать грамотного соседа и платить ему по 50-60 коп. за письмо в несколько строк¹. Кроме того, на увеличение общего числа учащихся немалое влияние оказывал и приток беженцев, дети которых поступали в школы в местах проживания². В тамбовскую мужскую гимназию принято было 240 учеников, из них детей жителей Тамбова – 102, тамбовского уезда – 15, других уездов – 9, мест занятых неприятелем – 114³.

Однако в некоторых городах наблюдался недобор учащихся, и школы оказались на одну четверть свободны. Это объяснялось как удорожанием жизни, так и уходом на войну отцов семейств и необходимостью учащихся бросить учебу и искать заработки для содержания своих родных и близких.

За время войны цены на все школьные принадлежности подскочили в несколько раз. Многие солдатки не могли обеспечить детей всем необходимым для посещения школы. Так, например, школьные принадлежности в среднем поднялись в цене на 200-300 процентов, а обувь и одежда подорожали в 4-5 раз. Тетрадь, стоившая до войны 3-4 коп., теперь стоила 10-12 коп., карандаш вместо 5 коп. стал стоить 17 коп. Кроме того, выросла и плата за проживание, наем квартиры для учащегося – с 6 до 25 руб.

В связи с трудным военным временем и повышением цен Министерство народного просвещения было вынуждено издать циркуляр об отмене формы для учащихся. По этому циркуляру учащиеся могли ходить в школу в домашнем платье, лишь бы

¹ Тамбовский земский вестник. 1916. 26 октября.

² ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5427. Л. 5.

³ Там же. Л. 16-17.

оно было у них скромно и опрятно¹. Для многих солдатских семей рост цен на предметы первой необходимости и школьные принадлежности был непосильным и оказывался одной из причин невозможности для ребенка посещать школу.

Военная повседневность больше всего ударила по солдатским семьям, проживавшим в городах. Большинство женщин не имели приусадебного хозяйства, работы и после призыва мужа в армию оказывались на грани нищеты из-за постоянного роста цен на продукты, товары и жилье. Уже с первых дней мобилизации в июне 1914 г. в городах резко выросли цены на продукты первой необходимости. Пользуясь наплывом в города большого количества призываемых на войну запасных нижних чинов и членов их семей, высоким спросом на продукты, многие лавочники мгновенно взвинтили цены. Городские думы стали устанавливать таксу, то есть предельную цену на многие продукты питания, оговаривая, что это нормирование и ограничение цен вводится только на период мобилизации². Так, население губернского Тамбова к 1916 г. достигло 130000 человек, увеличившись почти в два раза за счет беженцев и расквартированных войск³.

Интересно, что разница в ценах на продукты в городе и селе в первые месяцы войны достигала трехкратной величины. Так, если на селе картофель стоил 20 коп. за меру, то в городах его цена достигала 60 коп. Как иронизировали журналисты, многие торговцы ввели на продукты «военные» цены, в том числе и на селедку. Значительно выросли цены на чай, табак и другие продукты, на письменные принадлежности, которые покупали себе призываемые на войну запасные нижние чины. Даже извозчики подняли в три раза тарифы на перевозку⁴.

«Вымывание» товаров в городах объяснялось и ростом панических настроений, характерных для военных лет. Слухи об

¹ Тамбовский земский вестник. 1916. 2 сентября; Тамбовский край. 1916. 13 августа.

² Тамбовский край. 1914. 24 июля.

³ ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5127. Л. 188.

⁴ Борисоглебский листок. 1914. 29 сентября; Козловская газета, 1914. 22 августа.

исчезновении того или иного товара будоражили население, и скоро его действительно не было на прилавках. Опыт русско-японской войны 1904-1905 гг. и здравый смысл также подсказывали обитателям городов, что необходимо запастись при возможности продукты и товары впрок. Уже в ноябре 1914 г. население городов стало скупать дорожающие товары: сахар – пудами, а спички – ящиками¹. В условиях нехватки продуктов и нарастания недовольства населения власти пошли на введение карточной системы в городах. Нормированию подлежали: сахар, мука, хлеб, крупа, мясо². Однако введение карточек не стабилизировало потребительский рынок и тогда была введена твердая такса на предметы первой необходимости, что привело уже к исчезновению многих товаров с рынка и расцвету спекуляции.

Таким образом, положение многих семей призванных на войну нижних чинов, проживавших в городах, было катастрофическим. Вполне достоверным источником повседневной жизни российских солдаток военной поры могут служить опросные листы, по которым проверялось имущественное положение солдатских семей и проводилось обследование нуждаемости³. Опросные листы свидетельствовали о страшной нужде просителей. Приведем выдержки из записей, сделанных при обследовании повседневных реалий семей ушедших на войну солдат: «Из 600 семей, обследованных в Тамбове, всюду царилла беспросветная нужда. Вырванный из семьи кормилец перевернул вверх дном весь уклад жизни семьи, оставшейся буквально без всяких средств, даже без надежды на что-нибудь лучшее. Вот семья, жившая хорошо, так как запасной получал 45 рублей в месяц. Теперь мебели нет, вещи заложены в ломбарде. Трое детей, один из которых грудной, а денег нет ни

¹ Тамбовский листок. 1914. 21 ноября.

² См.: Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 гг.). Л., 1985. С. 207.

³ Об обследовании семей запасных нижних чинов на Среднем Урале см.: Апкаримова Е.Ю. Городское общественное управление в годы Первой мировой войны // Вторые уральские военно-исторические чтения: мат-лы регион. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 7-9.

копейки, и неоткуда больше взять их. Вот семья плотника, получавшего до 40 рублей в месяц. Осталась мать с четырьмя детьми... Начали продавать вещи. Должны за квартиру 8 рублей. Помощи ждать неоткуда. Сама мать больна. Дети полураздеты. Просит одежды... Семья служащего в банке, получавшего 25 рублей в месяц, очутилась в ужасном положении: мать разута, раздета, горячего не варит, нет дров. Ребенку надо молоко, а достать неоткуда»¹.

В других данных была не менее удручающая картина: «Это почти сплошь матери, обремененные многочисленным семейством. Есть матери, у которых осталось на руках 9 детей, а средств никаких». Из опросных листов: «Я застал на квартире, – пишет один из обследователей, – самую полную нужду. Жена и четверо детей. Вещей никаких, детишки разуты... Ей уже нигде не верят в долг и настоятельно требуют уплаты. Скоро будут сидеть без хлеба». «Положение самое отчаянное, – пишет другой обследователь. – Маленькая грязная комната, в которой размещаются 10 человек, из которых 8 детей. Здесь же стирают. Обстановки никакой. Квартира в подвале. Воздух спертый... Заложить нечего. Едят постные щи, пьют чай с черным хлебом... Пособий, кроме получаемых из городской управы 5 рублей 50 копеек, и не ждут ниоткуда. Это семья сторожа, получавшего 18 рублей в месяц и жившего раньше, так или иначе, сносно. Семья железнодорожного слесаря, очутившаяся без средств, состоящая из жены, пятерых детей и матери-старухи, переселилась в сарай, кое-как приспособив его к жилью. Выбитые из колеи, оставшиеся без кормильцев, семьи бедняков в первую голову спешат добыть несколько рублей залогом вещей в ломбард. Имущество убогое, половина вещей уже заложена, остались незаложенными только кровать и самовар, должны за квартиру 10 рублей и т.п.»². Эти горькие свидетельства повседневности российских солдаток и членов их семей рисуют удручающую картину их экономического состояния.

¹ Тамбовский край. 1914. 29 августа.

² Там же.

В годы войны серьезным изменениям подверглась и структура питания жителей городов¹. Многие стали ограничивать себя в выборе продуктов и их количестве. Так, в Орле типичными блюдами во время обеда были постный суп и гречневая каша с подсолнечным маслом. Мясо многие видели только по воскресеньям².

¹ Полонский Г. Регулирующие мероприятия правительства и общества в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917. С. 15-49.

² Орловские епархиальные ведомости. 1916. № 36-37. С. 737.

В семьях солдат нередко из пищевого рациона совершенно исключались мясо и сливочное масло, которые являлись своеобразным мерилом благосостояния. Общей тенденцией в годы войны являлась замена мяса рыбой, а затем – дешевыми сортами картофеля и бобами. Хлеб вытеснялся крупами. Появились сушеные овощи и картофель, различные консервы. Уже со второго года войны в городах усиливалась фальсификация продуктов. Хлеб, масло, молоко, по многочисленным сообщениям, стали появляться на рынках худшего качества, с примесью посторонних веществ¹. Происходило и неуклонное снижение калорийности питания. К концу 1915 г. в некоторых городах России суточное потребление в среднем составляло 1644 калории. В целом за годы войны количество и качество потребляемых продуктов изменилось настолько, что в городах к середине 1917 г. возникла проблема физического выживания людей.

Война принесла серьезные перемены в питании детей. В Москве карточная система развивалась постепенно. 16 августа 1916 г. были введены карточки на сахар, к 1 марта 1917 г. карточная система распространилась на хлеб, затем с июня на крупы и рис, макароны; в июле – на мясо; в августе – на коровье масло; в сентябре – на яйца; с октября – на растительное масло; в ноябре – на кондитерские изделия и с декабря – на чай².

Ухудшалось качество хлеба. Так московский хлеб содержал до 16 процентов суррогатов³. Хлеб заменялся крупами и картофелем, коровьим сливочным маслом, сыром, салом и растительными маслами⁴.

Если в довоенные годы на характер питания оказывали влияние преимущественно материальные условия существова-

¹ Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие. М.-Л., 1929. С. 12, 22, 25.

² Кабо Р. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований). М., 1918. С. 7.

³ Там же. С. 13.

⁴ Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие. М.-Л., 1929. С. 22.

ния отдельных групп, в годы войны присоединился еще и абсолютный недостаток продуктов, причем благодаря возрастающей дороговизне нормы довоенного времени могли быть соблюдены весьма ограниченным кругом зажиточных людей, не стеснявшихся покупать продукты по какой угодно цене. Уже в начале второго года войны в городах начали ощущаться признаки недостатка продуктов.

Повышение цен на продукты не останавливалось ни на одну минуту и уже к концу 1916 г. цена на масло коровье возросла на 845%, телятину – 700%, рыбу свежую – 200%, молоко – 254% и т.д.¹

Материалы по изучению повседневной жизни детей и призерения семей призванных на войну нижних чинов таят в себе немало противоречий и источниковедческих сюрпризов. И современники, и историки при желании всегда находили свидетельства как критического положения семей призванных на войну², так и вполне достаточного уровня их жизни, а порой и обогащения в условиях военной поры³. Заметим, что эти противоречия вполне объяснимы условиями жизни солдатских семей и положением детей в различных регионах, сложившимися там ценами и оказанием помощи не только государством, но и общественностью, духовенством, благотворительными учреждениями.

¹ Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие. М.-Л., 1929. С. 25.

² См., к примеру: Хрущева А. Крестьянство в войне и революции. Статистико-экономические очерки. М., 1921; Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1987; Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.-Ставрополь, 2001. С. 123-134 и др.

³ Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые девять месяцев войны (июль 1914 – апрель 1915 года). Пг., 1916. С. 1-29; Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918 г. С. 238-246; Самохин К. О материальном положении крестьян и социальной политике государства в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) // Армия и общество: мат-лы междунауч. конф. 28 февраля 2000 г. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2002. С. 211-213 и др.

2.2. Правительственная и общественная поддержка детей призванных на Первую мировую войну офицеров и нижних чинов

В период Первой мировой войны 1914-1918 гг. жены и дети нижних чинов запаса, призванных в армию, впервые в российской истории стали получать государственное, или, как его часто называли, «казенное» продовольственное пособие в соответствии «Положением о призрении нижних чинов и их семей», который был утвержден самой думой, а затем и Государственным советом. В результате в России стал действовать закон от 25 июня 1912 г. о призрении всех без исключения членов семей солдат, призванных на войну¹. Для исчисления продовольственного пособия на солдатскую семью в денежный эквивалент по установленным для каждой местности ценам брали следующую норму продуктов на одного взрослого человека в месяц: муки – 1 пуд 28 фунтов, крупы – 10 фунтов, соли – 4 фунта, постного масла – 1 фунт. На ребенка моложе 5 лет полагалась половина пайка.

По закону от 25 июня 1912 г. в тех губерниях, где объявлялась мобилизация, одновременно с ней должны были создаваться особые городские и волостные попечительства. На них возлагались обследования нужд семей призванных из запаса на военную службу, составление подробных списков и организация выдачи пособий. Практиковались также выплаты единовременных денежных пособий особо нуждающимся солдатским семьям в соответствии с поданными ими прошениями. За время войны число таких обращений резко возросло.

Однако в самом тексте закона имелись нечеткие формулировки, которые при его применении давали поводы для злоупотреблений и произвола. Так, субъектами призрения объявля-

¹ Подробнее об особенностях применения этого закона см.: Солдатские пенсии, денежные пособия и разная помощь солдатам и их семьям (из законов «О призрении нижних воинских чинов и их семейств»). Киев, 1915; Дашкевич Л. К организации деревни. Выдача в деревне продовольственного пайка семьям воинов // Русская мысль. 1915. № 10; Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914 года. Вильнюс, 1915 и др.

лись лишь члены малой семьи солдата (жена и законные дети), а «отец, мать, дед, бабушка, братья, сестры означенного чина» могли рассчитывать на пособие, если они «содержались трудом последнего»¹. Сыновья и незамужние дочери солдата, достигшие семнадцатилетнего возраста, имели право на пособие, только если они являлись нетрудоспособными.

В жизни все оказывалось сложнее, так как нередко семьи призванных на войну солдат включали и сирот-племянников, пасынков и падчериц, которые часто также содержались их трудом. Такие родственники солдата оказывались за бортом государственной поддержки и вынуждены были обращаться с прошениями в земство, различные благотворительные организации и комитеты. Формально заботиться о них должно бы-

¹ Дашкевич Л. К организации деревни. Выдача в деревне продовольственного пайка семьям воинов // Русская мысль. 1915. № 10. С. 83.

ло городское или крестьянское общество. Последние иногда считали для себя слишком обременительным помогать членам большой семьи, и тогда положение оставшихся без всякой поддержки родственников и близких солдата становилось плачевным.

К тому же закон от 25 июня 1912 г. был малоизвестен населению страны. Женщины-солдатки часто не знали, к кому надо обращаться за получением пособия. Они писали прошения часто сразу в несколько инстанций: волостному старшине, председателю земской управы, предводителю дворянства, в мещанскую управу, военному министру, министру внутренних дел и т.п.

Нередко проблема с выдачей пособия затягивалась из-за уточнения формулировки «содержание трудом призванного». Уездные и городские попечительства, которые должны были определять нуждаемость в пособиях семей призванных на войну солдат, то слишком широко толковали положения закона, то назначали его тем, кто не нуждался в помощи. Некоторые солдатки, особенно если они имели много детей, стали получать по 30-45 руб. в месяц, то есть сумму, которую сам призванный никогда не зарабатывал. По замечанию современников, в таких семьях бабы отнюдь не горевали об уходе на войну своих мужей¹.

Разнообразие при распределении пособий, отсутствие четких критериев для его назначения приводили к недоразумениям, недовольству, чувству несправедливости и обидам солдаток. В различные учреждения – к уездным властям, в попечительства, воинским начальникам, губернаторам, в войсковые части, в центральные учреждения – отправлялись многочисленные жалобы солдатских жен и их мужей, недовольных отсутствием пособия². В декабре 1914 г. министр внутренних дел вынужден был специально обратиться с телеграммой к губернаторам,

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / вступ. статья Н.П. Соколова и А.Д. Степанского, публ. и коммент. Н.П. Соколова. М., 2000. С. 645.

² Дашкевич Л. К организации деревни. Выдача в деревне продовольственного пайка семьям воинов // Русская мысль. 1915. № 10. С. 86.

в которой отметил, что верховным главнокомандующим «получается много жалоб на неудовлетворение казенным пайком семей призванных в войска или на несвоевременную выдачу пособий. Великий князь признал желательным обратить внимание губернаторов на необходимость неослабного с их стороны наблюдения за этим делом с исчерпанием всех доступных им мер для обеспечения денежным пособием имеющих на него право»¹. Подобное обращение министра свидетельствовало о том, что ситуация с выплатой пособий была запутанна и требовала дополнительного вмешательства властей.

Очень многие солдатки часто не могли получить вовремя даже назначенное им пособие. На вопросы корреспондентов газет солдатки нередко отвечали: «Ходили, ходили в управу – не можем пособия получить... Хоть с голоду помирай: мужей в солдаты взяли, а тут об нас и думать не хотят»². Сама переписка по организации выдачи пособия была излишне бюрократизирована. Сначала проводилось изучение состава семьи и степени нуждаемости ее членов, затем ведомости отсылались для утверждения уездным попечительским съездом, потом они поступали в губернское правление, а уже оттуда отсылались в МВД в Петроград. Иногда вся эта переписка затягивалась на полтора-два месяца.

С другой стороны, в годы войны отмечались и случаи мошенничества, когда солдатские жены получали паек за умерших детей или на тех, кому уже исполнилось 17 лет³. В этом также проявлялась особенность менталитета россиянок, стремившихся воспользоваться ситуацией для получения дополнительных средств. Однако можно попытаться объяснить обман, на который шли солдатки, теми экономическими неурядицами и низким уровнем потребления, который складывался в их семьях после призыва мужа на службу. Часто пособие, получаемое солдаткой и ее детьми, являлось единственным источником для существования, и потеря его ничем не восполнялась.

¹ Русское слово 1917. 18 декабря.

² Борисоглебский листок. 1914. 5 октября.

³ Тамбовский земский вестник. 1916. 18 ноября.

Заметим, что на назначение пособий семьям призванных на войну влияли многие факторы. Ходатайства об их назначении или отмене подавались не только семьями призванных, но и самими мобилизованными нижними чинами с фронта. Поскольку государство явно не желало помогать всем «страждущим», то оно использовало малейшие поводы для сокращения количества призываемых. Так, матери двух мобилизованных сыновей, Марии Бударгиной, было отказано в пособии на том основании, что она находилась на попечении своего второго мужа¹.

Некоторые солдатки и члены их семей во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. все же были лишены пособия. Полная неопределенность ожидала солдатку в случае, если ее муж пропал без вести.

Возвращение домой. М.: Торговый дом «Генегар и Ко»,
между 1914 и 1917. Цветная автотипия; 9 x 14 см.
Э ОИр638/1172/1

¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 56.

Лишались права на получение продовольственного пособия и семьи запасных нижних чинов, бежавших со службы или добровольно сдавшихся в плен¹. Среди солдат и в тылу распространялись брошюры «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью», в которых указывалось: «Напрасно думают русские, что, сдавшись в плен, они спасут свою жизнь... Если некоторые из пленных и останутся живы, то после разгрома немецкой армии и заключения мира над всеми добровольно сдавшимися в плен по возвращении в Россию будет исполнен приговор военно-полевого суда. Семьи же воинов, добровольно сдавшихся в плен, по закону, высочайше утвержденному 15 апреля 1915 года, лишаются всякого пособия... Именные списки добровольно сдавшихся в плен немедленно передаются губернаторам для обнаружения и лишения пособия. Лишившиеся пособия голодающие семьи, несомненно, будут проклинать своего прежнего кормильца, который гнусною изменой царю и Родине лишил их не только казенного пайка, но и доброго имени и уважения честных людей. Добровольно сдавшихся в плен как изменников Родины по приговорам сельских обществ, станиц изгоняют из членов обществ»². Заметим, что жены и дети таких солдат обрекались на нищету, а на их страдания власти не обращали никакого внимания. Не случайно после свержения самодержавия и образования союзов солдаток в 1917 г. женщинами повсеместно стали выдвигаться требования о выдаче пособий и семьям дезертиров и солдат, сдавшихся в плен. Так, 11 сентября 1917 г. союз солдаток Елатомского уезда постановил: «Выдача пайка должна производиться также и семьям дезертиров и добровольно сдавшихся в плен, так как эти семьи не должны отвечать за поступки своих глав и не могут быть обрекаемы на голодную смерть»³.

Важное значение для поддержки семей призванных на войну имели и другие выплаты пособий и финансовой помощи, оказываемые земским и городским самоуправлением, духовен-

¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9326. Л. 4.

² Стрелков А. Первая мировая // Городские известия. 2004. 20 апреля.

³ Тамбовский земский вестник. 1917. 20 сентября.

ством, различными центральными и региональными благотворительными организациями. Они не были привязаны в своей деятельности к закону от 25 июня 1912 г. и оказывали помощь тем, кто в ней действительно нуждался и кто по каким-либо причинам был обойден государственным пособием.

В ряде регионов России активную деятельность по оказанию помощи семьям солдаток развернули общественные комитеты, создаваемые при городских самоуправлениях и земствах. Направлениями их деятельности были: 1) оказание юридической помощи устройством справочных бюро, составлением прошений и возбуждением ходатайств; 2) доставка продовольствия, добавленного к казенному пайку; 3) поиск бесплатного помещения с отоплением тем семьям, которые не имели собственного или дарового приюта; 4) оказание мирской помощи в хозяйстве, при уборке сена, хлеба, вспашке, молотье, рубке и заготовке дров, в ремонтах изб и хозяйственных построек семьям нижних чинов, находящихся на действительной службе, а также семьям внебрачных, не имеющих права на получение казенного пособия; 5) наем работника для поддержания хозяйства; 6) обсеменение посевных работ; 7) организация бесплатной медицинской помощи; 8) устройство детских приютов, общежитий, мастерских и т.д.; 9) оказание помощи учащимся детям нижних чинов вносом платы за учение, на покупку книг и др.¹. Очевидно, что без этой общественной помощи семьи солдаток не могли бы продержаться². Впрочем, в некоторых регионах, например, в богатой хлебом Тамбовской губернии, уже с октября 1915 г. земства перестали оказывать помощь обойденным казенными пособиями солдаткам, мотивируя это тем, что выдался хороший урожай, сложились высокие цены на рабочие руки, и все нуждающиеся могут сами себя обеспечить³. Вполне очевидно, что дополнительные пособия и поддержка

¹ Отчет состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством общества повседневной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям за 1915 г. Пг., 1916. С. 15.

² Подробнее об оказании общественной помощи семьям солдаток см.: Иванова. Нужда и общественная помощь // Женский вестник. 1915. № 3. С. 62-65.

³ Тамбовский земский вестник. 1915. 15 октября.

семьям призванных на войну солдат значительно отличалась как по регионам, так и по периодам войны. Поэтому лишь конкретные исторические исследования региональной специфики поддержки семей призванных в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. позволят выявить тенденции и особенности повседневных реалий и призрения таких солдатских семей.

Иногда на помощь семьям призванных на войну приходили помещики, выделявшие средства или сельскохозяйственные машины¹, а также земства, предоставлявшие технику для уборки хлебов из земских складов². Кроме того, особо нуждавшиеся семьи призванных получали средства от земства на уборку хлебов и посев³. Правительство также отдало распоряжение об освобождении семей солдаток от уплаты продовольственных долгов. Нередко крестьянские общества выносили решения об уплате из общественных сумм всех повинностей, лежавших на семьях запасных, призванных на войну.

2.3. Дети-сироты и их призрение в 1914-1918 гг.

Первая мировая война привела к значительному росту детей-сирот. Главный Алексеевский комитет по призрению детей лиц, погибших в годы войны, переводил деньги, которые предназначались на пособие сиротам, приобретение одежды, обуви, учебных принадлежностей, в губернские комитеты. Для оказания помощи детям из семей призванных на войну нижних чинов и детей беженцев создавались общественные столовые, ясли, приюты. Данная общественная помощь оказывалась порой существеннее государственной, так как она учитывала реальные

¹ Некоторые помещики выплачивали пособия семьям призванных на войну солдат из своих собственных средств // Кирсановский вестник. 1914. 27 августа.

² Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 237-238; Алехина Е.В. Участие Тамбовского земства в оказании помощи женщинам-солдаткам в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Женская повседневность в России в XVIII-XX вв. С. 118.

³ РГИА. Ф. Библ. I отд. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-2.

потребности детей, мгновенно реагируя на реалии войны¹. Приюты, ясли открывались почти повсеместно, и, несмотря на первоначальное недоверие населения к ним, они получали все большее развитие. Ребенок 4-5 лет, побывав в яслях, говорил родителям: «Хорошо кормят, хорошо обращаются», что сразу же вызывало симпатию последних к этим учреждениям². И все же новое дело постоянно обрастало слухами: то сообщалось «знающими людьми», что за ясли отнимут солдатский паек, то «выяснялось», что детей там бьют и обижают. Но очень скоро все эти домыслы рассеивались, и солдатки охотно сдавали детей в ясли, получая возможность работать и добывать пропитание для семьи³.

Таким образом, Первая мировая война 1914-1918 гг. актуализировала задачу обеспечения детей-сирот, отцы которых пали на полях сражений. Дело в том, что по законам от 23 и 25 июня 1912 г. о призрении нижних чинов и членов их семейств не устанавливалось никаких денежных довольствий для детей нижних чинов, кроме пенсий круглым сиротам, причем сиротам, имеющим право на получение пособия от Алексеевского комитета, назначались либо причитающиеся им пенсии, либо пособия от комитета, в зависимости от того, какой из этих двух способов призрения окажется более выгодным для каждого из сирот⁴.

Если же у солдатского сироты оставалась жива мать, то таким семьям, сколько бы детей в этой семье не было, приходилось довольствоваться, в большинстве случаев, вдовой пенсией в размере 48 руб. в год. Между тем, по правилам установленным Алексеевским комитетом, вдова рядового, имеющая трех детей, принятых под покровительство комитета, получала пособие на их содержание, в зависимости от места жительства ее детей до

¹ Дорошевский Ф. Общепедагогическая организация в Воронеже // В дни войны. 1916. № 1. С. 12-13.

² Приюты-ясли в деревнях // Женский вестник. 1915. № 4. С. 192.

³ Урусова Е. Деревенские картинки // Русская мысль. 1916. № 12. С. 116.

⁴ Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905-1916 гг. Пг., 1915. С. 40.

смерти отца, в размере от 72 до 126 руб. в год, а при четырех детях пособие это достигало 96-168 руб. в год.

Та же ситуация складывалась и относительно семей нижних чинов, лишившихся трудоспособности на войне. Пособие от Алексеевского Комитета было больше и выгоднее для их детей, чем пенсии по закону от 25 июня 1912 г.

В итоге Комитет единогласно заключил, что на всех детей-сирот начавшейся войны надо распространить правила, установленные для детей лиц, погибших или утративших трудоспособность в войну с Японией и возложить призрение таких детей на Алексеевский комитет¹. Правила были установлены 2 сентября 1914 г. Высочайше утвержденным Положением Совета Министров по 87 статье Основных государственных законов.

Для уточнения офицерских и солдатских детей-сирот в 1914 г. были разосланы 300000 экземпляров опросных бланков. Кроме того подробное и краткое объявление о призрении детей-сирот были опубликованы в «Правительственном вестнике», «Русском инвалиде», «Армейском вестнике», «Кронштадском вестнике», «Военной летописи» и «Сельском вестнике». Объявления о пособиях были расклеены в лазаретах, больницах и других лечебных заведениях, выдавались на руки нижним чинам, зачитывались в воинских подразделениях. Всего было разослано почти 450 тыс. объявлений.

Размер детских пособий не зависел от возраста и пособия выдавались в одинаковом размере до 16 лет. Ежегодные пособия были установлены размере 24 руб. в год и если жили в городах, то 30 руб., а если в городах, где население было свыше 150000 человек, то 42 руб. в год. Так, 30 руб. в Козлове и Моршанске со слободами². Важно заметить, что пособие выдавалось и внебрачным и приемным детям солдат³.

Офицерским детям выплачивалось пособие 75 руб. до достижения ребенком 6 лет, по 125 руб. – детям в возрасте от 6 до

¹ Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905-1916 гг. Пг., 1915. С. 42.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 64.

10 лет, и с 10 до 18 лет по 300 руб. Всего с 16 июня 1905 г. по 1 мая 1915 г. под покровительство комитета было принято: 3914 детей офицерских чинов и 127.689 детей нижних чинов¹. На одну семью офицерских чинов приходилось в среднем 2,11, а на семью нижних чинов, 2,09 ребенка. Число мальчиков и девочек примерно равно, но у офицеров чуть больше девочек, а у солдат чуть больше мальчиков.

В 1914 г. под покровительством комитета было 83146 детей, в 1915 81561 ребенок². К 1915 г. были выявлены права на пособие 30000 детей нижних чинов, но деньги не были переведены, так как дети получали продовольственное пособие (казенный паек)³. В 1916 г. Алексеевским комитетом о детях нижних чинов призванных на войну призревалося 343428 детей, из которых 6420 детей были офицерскими, и 337008 детьми нижних чинов⁴.

Вполне очевидно, что война выкинула за борт гражданского обихода великое множество детворы. Дети зажиточных людей стали нищими, уличными побирушками. Дети бедноты превратились в маленьких уличных преступников, воришек, хулиганов. Война отняла у этих маленьких людей все то, что уже дала им гражданственность: они оказались в положении лишенных прав – мало того, в положении бродяг, не помнящих родства. Таких бездомных и безыменных детей подбирали и вводили вновь в гражданское бытие многочисленные благотворительные организации. Открывались приюты, убежища, ясли. К числу таких учреждений относится и основанный в Петрограде приют для детей интеллигентных беженцев.

Особенностью приюта является то обстоятельство, что он был предназначен для детей интеллигентных беженцев. Здесь оказались собраны дети чиновников, общественных деятелей, журналистов, адвокатов и т.п. Большинство детей из Западного края: русские, поляки, латыши, евреи, эстонцы – все эти ма-

¹ Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905-1916 гг. Пг., 1915. С. 79.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 98.

⁴ Охрана материнства и младенчества. 1917. № 1 (январь). С. 104.

ленькие люди слились здесь в одну большую разноплеменную семью.

Данный приют был основан по инициативе академика В.М. Бехтерева. Приют был открыт на частные средства, основным фондом для которых явился сбор со спектакля в Мариинском театре (этот спектакль был устроен известным артистом Императорского балета М.М. Фокиным). Но уже вскоре приют пришлось расширить, в виду значительного наплыва детей, и тогда по ходатайству В.М. Бехтерева на помощь приюту пришел Татьянинский комитет. Приют получил 5000 руб. единовременно и ежемесячную субсидию в 1260 рублей.

В приюте призревало свыше 115 детей, в возрасте до 12 лет. Имелся интернат на 70 кроватей, приготовительная школа и было открыто высшее начальное училище, в котором, помимо обязательных предметов введено счетоводство, рисование и шитье для девочек. В приюте и интернате был широко развит принцип трудовой самопомощи. Дети сами выполняли все работы по домоводству: сами стряпали, стирали, мыли, обшивали себя. Кроме того, старшие девочки взяли на себя уход за маленькими: каждая вела своего питомца, следила за ним и еженедельно давала отчет надзирательнице интерната. Таким образом в приюте была введена педагогическая самопомощь. Благодаря этому, в многолюдном приюте оказалось возможно обходиться одной няней, горничной, одной кухаркой и одной прачкой. Дети в приюте чувствовали себя, как в своей семье¹.

Такая организация, как комитет великой княгини Елизаветы Федоровны значительные суммы расходовал на оказание помощи детям, призванных на войну солдат. С уходом отцов в армию в деревне осталось немало детей, не имевших матери и превратившихся в сирот. В феврале 1915 г. Тамбовское отделение Елизаветинского комитета открыло в местном Мариинском приюте 50 вакансий для сирот воинов. Всего за год было открыто 9 приютов и яслей для мастерских. Всего же комитетом призревало более 1,5 тыс. детей, среди которых были слепые, глухо-

¹ Приют для детей интеллигентных беженцев в Петрограде // Нива. 1917. № 4. С. 64.

немые, умственно-отсталые, неизлечимо больные и увечные дети. В 50 губерниях существовали отделения комитета, где были устроены приюты для детей призванных¹.

! ПОЖАЛѢЙТЕ БЕЗПРИУТНЫХ!
КУПИТЕ 13 и 14 МАРТА
КРАСНОЕ ЯИЧКО

Ваши деньги пойдутъ на призрѣніе бездомныхъ дѣтей и дѣтей-сиротъ воиновъ въ дѣтскихъ трудовыхъ артеляхъ и учрежденіяхъ "маяки", состоящихъ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

Т. А. ЛЕВЕНКО. МОСКВА.

¹ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 90.

На деньги комитета и отделений открывались и содержались площадки для детей воинов, народные детские сады и столовые.

Открывались приюты для детей и при поддержке Ольгинского комитета. Романовский и Алексеевский комитеты изначально были нацелены на поддержку детей.

Романовский комитет не выдавал пособий ни самим детям, ни их родственникам непосредственно, а оказывал помощь детским учреждениям. К началу 1915 г. было открыто 18 приютов и 16 общежитий при начальных училищах. Комитет выделил также средства на расширение 130 приютов, в которых призревало 5,6 тыс. детей, обеспечил почти 8 тыс. детей запасных и ополченцев горячую пищу, теплую одежду и обувь, установил 225 стипендий для крестьянских сирот и детей запасных, выделил свыше 20 тыс. рублей на призрение 450 сирот¹. К 1917 г. комитет помогал 45 тыс. детей в 770 приютах.

Приюты делились на разные типы в зависимости от возраста воспитанников, их содержания, трудовой направленности и пр. Существовали мелкие сельские приюты для детей от 2 до 12 лет, дневные ясли, крупные сельскохозяйственные приюты, общежития при ремесленных мастерских, монастырские приюты и пр. Если маленьких детей обучали в основном грамоте и не сложному рукоделию, то подростки овладевали уже различными специальностями и ремеслами.

Таким образом, вполне очевидно, что Алексеевский комитет и другие государственные, общественные и благотворительные организации играли важную роль в организации помощи детям-сиротам, несколько смягчали тяжелое экономическое положение и условия жизни таких детей.

¹ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 100.

ГЛАВА 3.

ДЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

3.1. Бегство детей на фронт: дети-солдаты

В истории было немало примеров детского участия или соучастия в войнах и военных конфликтах. Один из них – Детский крестовый поход 1212 г., когда немецкое войско прошло через Кельн и в его рядах насчитывалось около 25 тыс. детей и подростков, направляющихся в Италию, чтобы оттуда морем достигнуть Палестины. В более поздние эпохи дети также стремились убежать на войну, стать воинами, защищать Отечество. Тем не менее, до начала XX в. эти беглецы были исключением из правил, являли собой единичные случаи детской героизации фронтового быта.

Уже англо-бурская война 1899-1902 гг. вызвала стремление детей и подростков бороться за независимость буров. Эта война явилась первой войной XX в., которая нашла отклик в детских сердцах¹. Примечательно, что детские впечатления о той далекой войне сохранялись у современников даже на склоне лет. Так, К.Г. Паустовский писал почти через полвека: «Мы, дети, были потрясены той войной. Мы жалели флегматичных буров, дравшихся за независимость, и ненавидели англичан. Мы знали каждый бой, происходивший на другом конце земли...»². Илья Эренбург вспоминал, как он, стащив у матери 10 руб., отправился на театр военных действий³. Дети с удовольствием играли в войну буров с англичанами, причем все хотели быть именно бурами. В воспоминаниях С.Я. Маршака отмечается: «Буром

¹ Давидсон А.Б., Филатова И.И. Россия и первая война XX века // Исторические записки. Вып. 11 (129). 2008. С. 323.

² Паустовский К.Г. Далекие годы: повесть о детстве и юности. М., 1946. С. 45-46.

³ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1 и 2. М., 1961. С. 27.

был и я, играя на улицах слободки и на гимназическом дворе»¹. Сестра участника революционного движения в Тамбовской губернии Г. Усиевича вспоминала, что ее брат «...на печке рассказывал ребятам, что слышно нового о войне. Он хорошо знал имена всех вождей и генералов, названия городов, места боев»².

В годы русско-японской войны 1904-1905 гг. довольно большое количество детей пыталось бежать в армию, чтобы принять непосредственное участие в боях на далеких полях Манчжурии³. Однако именно тотальный характер Первой мировой войны способствовал появлению особого феномена – детей-солдат. Эти дети и подростки, представлявшие особую социально-демографическую группу населения воюющих государств, вполне идентифицировали себя с военными структурами, отвергали детские привычки и традиции воспитания, позиционировали себя как защитники Отечества.

Отметим несколько наиболее существенных причин развития данного явления в начале XX в.:

1. Дети и подростки оказывались едва ли не самой подверженной влиянию официальной патриотической риторики группой общества. Заметим, что власти всех стран стремились максимально использовать детский энтузиазм и патриотизм в пропагандистских и иных целях.

2. Дети-солдаты являли собой особый социокультурный феномен человеческой цивилизации, один из элементов стереотипного гендерного воспитания мужчины, формирования образа мужественности в большинстве стран мира в начале XX в.⁴

Пути формирования данных признаков типично «мужского» поведения являлись:

– почти в каждой семье были воевавшие или служившие в армии мужчины. И это милитаризм и преклонение перед воен-

¹ Маршак С. Соч.: в 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 526.

² Центр документации новейшей истории Тамбовской области. Ф. 382. Оп. 1. Д. 303. Л. 5.

³ См.: Звягинцев Е. Указ. соч. С. 7.

⁴ Канаев И.Н., Щербинин П.П. Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Вып. 8 (64). Тамбов, 2008. С. 207.

ными традициями были составной частью семейного воспитания и традиций мужественности;

- часто первыми, а затем и любимыми игрушками ребенка были «военные» игрушки: сабли, ружья, ножи, другие имитации оружия;

- детская одежда нередко копировала военные мотивы и военную моду (цвет хаки, гимнастерка, китель и пр.);

- в школьном образовании традиционно большую роль занимала история войн, история подвигов на войне, мифологизировалась военная доблесть и патриотизм;

- детская литература изобиловала сюжетами о детях-воинах, детях-героях (особенно, это героизация детей на войне усилилась после начала Первой мировой войны)¹.

Точное число детей-солдат в воюющих странах установить вряд ли возможно, так как бегство на фронт почти всегда носило тайный характер. Дети скрывались в поездах, на пароходах, в воинских частях. Они объявлялись лишь на передовых позициях, когда их трудно было уже отправлять домой. Условно можно говорить о тысячах юных беглецов, стремившихся стать солдатами уже в 1914 г.

Возраст детей-солдат варьировался от 8 до 17 лет. Причем, дети часто «увеличивали» свой возраст на три-четыре года, надеясь остаться в армии. Кроме того, большинство беглецов на фронт называли себя, а нередко и действительно являлись, сиротами. Солдаты жалели несчастных, голодных и полураздетых детей и часто оставляли их при частях, подкармливали, одевали, заботились о них. В России типичным являлся для ребенка-солдата возраст – 12-15 лет, в Германии, Франции и Великобритании – 15-17 лет².

¹ Shcherbinin P.P., Khludentsova E.A. Child soldiers during the First World War, 1914-1918: The experience of European children as witnesses to the war // Children and War: Past and Present (30 September 2010 – 02 October 2010). University of Salzburg together with the University of Wolverhampton. Salzburg, 2010. P. 56.

² Щербинин П.П. Социокультурные аспекты формирования военного опыта детей в России и Германии (результаты и последствия Первой мировой войны 1914-1918 гг.) // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой миров

С начала Первой мировой войны дети и подростки всех слоев общества в большом количестве начали бежать в действующую армию. Легко принимаемые в свою среду нижними чинами юные добровольцы делались любимцами приютившей их части, привязывались к солдатской походной жизни. Стимулировали побегі многочисленные фронтовые корреспонденции в газетах с описанием подвигов юных разведчиков.

О розыске пропавших учеников сообщалось по телеграфу на ближайшие железнодорожные станции, где чаще всего беглецов задерживали и отправляли домой в семьи. В архивах сохранились нехитрые объяснения несостоявшихся воинов: «На фронте мы бы разносили патроны и ходили в разведки...»¹.

Что же толкало детей на эти поступки? Как они видели свое участие в войне? Чем это оборачивалось для самих «юных защитников Отечества»? В своем очерке «Дети и война», опубликованном в 1915 г., К. Чуковский заметил, в первые месяцы войны «повторился детский Крестовый поход», а в газетах ежедневно мелькали телеграммы о бежавших на войну детях². Эти телеграммы публиковали сведения прежде всего о бежавших детях из высшего круга, но и крестьянских детей бежало без счета. Провинциальные издания полны сообщениями о пропав-

Безымянные герои

войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): мат-лы междунар. науч. конф. 11-12 нояб. 2008 г. Тамбов, 2009. С. 61-70.

¹ Ватник Н.С. Учащаяся молодежь в годы Первой мировой войны // Номо бели – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII-XX вв.: мат-лы Рос. науч. конф. Н.-Новгород, 2000. С. 111-112.

² См.: Чуковский К. Дети и война // Нива. 1915. №51. С. 960.

ших детях, направлявшихся на театр боевых действий¹. В 1914 г. в Пскове ежедневно задерживалось около десяти бежавших на войну школьников. В первые шесть месяцев войны из Вильно убежало до сотни подростков. Полиция сбилась с ног, разыскивая их и отправляя обратно². Чаще всего подростки убегали партиями по три, по четыре человека³. Все бежавшие на войну были как правило не старше 16 лет, чаще всего от 10 до 13.

Малолетний герой разведчик, крестьянский мальчишка с. Крестинкова, Симбирского уезда, Василий Наумов, 12 л., дважды ранен, награжден двумя Георгиевскими крестами, Георгиевской медалью и произведен в старшие унтер-офицеры.

¹ См., например: Тамбовский листок. 1915. 20 февраля.

² «Уже в начале августа – сообщал «Тамбовский край» – из Тамбова скрылись два мальчика: сын местного мещанина 15 лет и сын крестьянина, 14 лет. В пятницу 22 августа они были присланы в Тамбов. Они добрались зайцами до австрийской границы и заявили о желании поступить добровольцами, но их как малолетних отправили на Родину» // Тамбовский край. 1914. 24 августа.

³ См.: Чуковский К. Дети и война // Нива. 1915. №51. С. 960.

Примечательно, что среди юных добровольцев встречались и девушки¹. Из Вильно на театр военных действий, переодевшись в мужское платье, бежала шестнадцатилетняя Кира Башкирова². На Курском вокзале была задержана гимназистка пятого класса г. Каинска Стефания Уфимцева в форме юноши-добровольца. Она бежала из родительского дома на войну, желая поступить добровольцем³.

По анкетам 1915 г. на войну идти хотели 37% опрошенных детей, причем девочки не сильно отставали от мальчиков – 33%, а мальчиков 40,5%. Многие девочки хотели идти на войну и быть там сестрами милосердия, но и некоторые мальчики стремились быть санитарями на войне. С другой стороны у многих девочек воинственный пыл: «Я пошла бы на войну, – заметила девочка 12 лет, – но боюсь, а, если бы пошла, то воевала бы. Убью, так убьют!»⁴.

Зачем они стремились на войну, никто из них не знал. Жажда убежать на край света, жажда приключений и подвигов, которая каким-то атавистическим трепетом пробуждалась в каждой десятилетней душе, находя свое утоление на кровавых полях. Майн-ридовские скальпы, пампасы, мустанги, москиты, термиты с успехом заменялись фугасами и шрапнелью. Детская

¹ Так, бежавшая из Тамбова на театр войны 14-летняя ученица Толмачевского высшего начального училища Лидия Давыдова была задержана и прислана в Тамбов к родным. См.: Тамбовский листок. 1915. 22 марта.

² Кайский А. Дети на войне. Пг., 1915. С. 17.

³ Современные амазонки // Искры. 1914. № 37. С. 294.

⁴ Зеньковский В.В. О влиянии войны на детскую психику (по данным анкеты) // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 63.

романтика находила новое поприще. Поэты слагали в честь таких детей хвалебные, восторженные оды¹.

Из всех классов общества наблюдаются побеги на войну среди детей и побеги эти часто являлись источником преступления. Надо было украсть денег на дорогу «с патриотической целью», а вернувшись обратно, без крова, без дела, без хлеба, без родных, опять нужны деньги на первое время пока найдется работа².

Как только была объявлена война и к западным границам потянулись первые воинские эшелоны, к ним стали присоединяться дети-добровольцы. Тринадцатилетний мальчик Коля Петушков бежал от родителей, и никем не замеченный, уехал с одним воинским эшелоном³.

Другой малолетний воин, Павел Гусарин, задержанный в Вильно на вокзале, бежал из Вологды, рассказывал о себе, что он круглый сирота, воспитывался в сиротском доме. Прислушивался к рассказам о войне, читал газеты и решил бежать на войну. Затесался в уходящий из Вологды эшелон и проник к солдатам в поезд. Его заметил офицер и прогнал, но юнец взобрался вначале на крышу вагона, а затем нашел себе удобное место под поездом, в ящике между тормозными цилиндрами. Три дня ехал так до Вязьмы. Потом вылез, его пожалели и добрался до фронта⁴.

Антон Власин из Минской губернии, круглый сирота, рассказывал: «...отыскал командира и попросился. Командир согласился, записал меня, дал солдатскую одежду, и я поехал. Научили меня стрелять из винтовки, а как пришли на войну, назначили на разведки». Ходил он на нее в сопровождении двух взрослых солдат, которые держались метров на 20 сзади. Мальчик махал им флагами, давая сигнал: если красным, то противник близко, если размахивал белым, то свободно, никого нет⁵.

¹ Горный В. Война и дети // Народный учитель. 1916. № 14. С. 8.

² Огронович В. Положение беспризорных детей в Петрограде в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 1-2. С. 79.

³ Кайский А. Дети на войне. Пг., 1915. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 25.

Часто детей просили взять и нижние чины, которым было жаль беспризорных подростков¹. Многие дети были круглыми сиротами, или выдавали себя за таковых. Вероятно, в этом таилась одна из разгадок, почему детей все же нередко принимали в полк. Конечно, солдаты и офицеры могли просто жалеть пареньков, которые не имели часто средств к существованию и крыши над головой, но одним из мотивов возможно было желание получить малозаметного, юркого разведчика, который бы помогал выполнению боевых задач. Эти мальчишки были мало пригодны к бою и штыковым атакам, но в плане выполнения разведывательных поручений они были незаменимы. Десятки тысяч таких детей бродили в тылу и на театре военных действий и они могли успешно смешиваться с местным населением и вести наблюдение за дислокацией и перемещениями противника.

Дети не только занимались разведкой, но и охотились за неприятельскими аэропланами и цеппелинами, под огнем неприятельских снарядов таскали солдатам в окопы патроны².

Солдаты привечали юных добровольцев и потому, что те знали грамоту и могли писать солдатам письма домой³. Конечно, дети и перевязывали раненых солдат. Те же, кто знали немецкий, служили разведчиками⁴.

Бежали из Петрограда, из Москвы, из Одессы, из Киева и других городов, бежали из сел и деревень. Одинокое бегство, каким оно было в первый период военных действий, со временем сменялось бегством групповым. В начале октября 1914 г. в Пскове была задержана группа юных добровольцев в числе семи человек. Среди них было два брата Мурашкиных, из которого одному было девять, а другому одиннадцать лет. Судя по их словам, они бежали на войну, чтобы разыскать своего отца и помогать ему сражаться с неприятелем.

¹ Об одном из таких случаев вспоминает военный врач Л.М. Василевский – «По следам войны. Впечатления военного врача. Пг., 1916. С. 25.

² Василевский Л.М. По следам войны. Впечатления военного врача. Пг., 1916. С. 22.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 56.

Двенадцатилетний сын лейб-хирурга бежал вместе с мальчиками из булочной Филиппова: бежали гимназисты, кадеты, ученики реальных училищ и городских школ.

В газетах чуть ли ни каждый день попадались объявления: «Родители Шуры пятнадцати лет, бежавшего на войну, умоляют его вернуться. Мама заболела»¹. Многие из юных беглецов, со слезами на глазах, возвращенные под родительский кров, делали новые попытки к бегству. Но в некоторых случаях жажда детского подвига была так велика, что попытки их к бегству повторялись до тех пор, пока они не осуществлялись. Так трое добровольцев из Екатеринбургa 12 лет бежали трижды на войну и последняя попытка для одного из мальчиков оказалась успешной. Двое других «сдались» полиции в Москве, так как им совсем не было что кушать².

В воспоминаниях военного врача Л.М. Василевского отмечается появление в лазаретах «солдатиков-детей». Один из таких юных героев, лет 14, был ранен в руку. Мальчик, иззябший, с детской жадностью набросился на еду, и лишь потом «отвалился» и начал рассказывать: «Сейчас еду в Самарскую губернию отца-мать навестить. Известно, беспокоятся: старики. Но я скоро там справлюсь и, айда, опять на войну. Опять патроны буду подносить. Я из под самого Львова – все патронами занимаюсь»³.

¹ Василевский Л.М. По следам войны. Впечатления военного врача. Пг., 1916. С. 13.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 25.

Многие дети весьма своеобразно, но при этом основательно готовились к предстоящим боям. В Баку группа гимназистов в количестве 10 человек собрала 100 рублей, накупила кухонных ножей, запрятала их в голенища сапог и в таком виде отправилась на войну. На станции Баладжар солдаты, смеясь, посадили их в свой вагон. Уведомленные по телеграфу жандармы проверили весь эшелон, но беглецов не нашли: солдаты спрятали их под шинелями. В пути они кормили ребят из своего котла, но детям очень хотелось сладкого. На одной из остановок они, хоронясь от жандармского ока, пробрались к станционному буфету и накупили сладких пирожков. Здесь их, жующих и жмуриящихся от удовольствия, застал станционный жандарм. Путь на войну оказался отрезанным. «Чудо-богатыри» взмолились: – Господин жандарм, отпустите нас на войну, а мы вам 25 рублей дадим. Но суровый жандарм был неумолим. – Никак нельзя-с, – разводил он руками. – К родителям пожалуйте. Жандарм был прав. Для зачисления добровольцем в армию несовершеннолетнему требовалось письменное согласие родителей¹.

По справедливым оценкам А.А. Сальниковой, тот романтический флер, который обычно окутывал войну в детских представлениях (практически вплоть до непосредственного соприкосновения детей с ее ужасами и зверствами), был благодатной почвой для воспитания патриотических настроений, формирования чувства гражданственности, лояльности и преданности существовавшему режиму. Во все времена дети, в первую очередь, мальчики, стремились «убежать» на войну. Во все времена дети (как мальчики, так, кстати, и девочки – при совместных, обычно подвижных, играх) играли «в войну» (наиболее обобщенным, идеологически отвлеченным видом такой игры, построенной на противостоянии «воюющих» сторон, является хорошо известная игра в «казаки-разбойники»). Игровая сущность войны была близка и понятна детям. Воинский мундир, военная форма и ее атрибуты, военная символика и эмблематика, такие качества характера, как мужественность, смелость, даже неко-

¹ Ермолов В. Женщины и дети в сражениях Первой мировой войны // Первой сентября. 2003. № 9. С. 12.

торая отчаянность (отсюда известное выражение, характеризующее высшую степень оценки человеческих качеств, высшую степень доверия – «я бы пошел с ним в разведку») традиционно трактовались как истинное проявление маскулинности и в равной степени высоко ценились как мальчиками, так и девочками: первыми – как образцы для подражания, вторыми – как предметы восхищения, а нередко – и зависти. Первая мировая еще более актуализировала все эти «военные» идеалы, ценности и практики¹.

На фото наследник престола с детьми, 1914 г.
(<http://s5.stc.all.kpcdn.net/f/3/image/17/46/1944617.jpg>)

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 144.

В ноябре 1914 г. российские газеты и журналы обошла фотография 14-летнего разведчика-добровольца Александра Маркова, раненного при разведке под Сувалками, а в начале 1917 г. – информация о подвиге 13-летнего разведчика Ивана Соболева, который во время боя вывел пулеметную двуколку из-под вражеского огня и получил георгиевскую медаль. Народная память зафиксировала не только мужественные поступки этих детей, но и факты низжайшего преклонения взрослых перед проявлениями их детского героизма¹.

В первые месяцы войны газеты были полны рассказами о том или другом мальчике, приставшем к полку и оказавшем в бою неоценимые услуги. Так, 11 октября 1914 г. журнал «Нива» рассказывал о 12-летнем герое Андрее Мироненко, который жил в Харькове, но бежал на фронт: разносил по окопам патроны, делал перевязки раненым и оттаскивал их в безопасные места. Пошел в разведку, отвинтил замки у двух вражеских пушек и вернулся в полк с трофеями. Юный герой награжден Георгием².

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 156.

² 12-летний герой // Нива. 1914. № 41. С. 796.

В печати с восторгом отмечалось, что санитарный поезд, среди других раненых, привез раненого героя-ребенка. Детей в солдатских шинелях, с заломанной набекрень папашой, с шашкой через плечо, с георгиевским крестом на груди можно было видеть каждый день на улицах и вагонах трамвая. Взрослые смотрели на них и радовались, ибо геройские подвиги детей трактовались как яркий показатель степени охватившего страну патриотического подъема. А их сверстники, кадеты и гимназисты, забрасывали учение и после ряда бессонных ночей, в которых им мерещились перенесенные в обстановку войны сцены из Майн-Рида, ночные разведки, рукопашные схватки и, как венец всего, Георгиевский крест, – скрывались на войну¹.

¹ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 423.

К сожалению, современники сами способствовали формированию детской экзальтации, героических символов детей-подростков на войне. Один из таких героических примеров поместил на своих страницах «Тамбовский вестник»: «В ноябре 1914 года тайно бежал из дома 15-летний Саша Кравков воспитанник 3-го класса Тамбовского реального училища. Кое-как, при содействии солдат, он добрался до фронта и был прикомандирован к саперной части, а затем к разведочной команде. Участвовал в нескольких разведках, отличился в одной из них, был, вместе с другими товарищами, представлен к награде и лишь потому не получил ее, что не имел при себе документов. Участвовал также в нескольких боях на австрийском и германском

фронтах. Другой воспитанник третьего класса местного реального училища Василий Сперанский тайно бежал. Участвовал во многих боях с австрийцами. В одном из штыковых боев получил легкую сабельную рану, остался в строю, но вскоре был снова ранен пулей в ногу навывлет»¹. Серьезное воздействие на детей оказывала и лубочная литература, где ярко и красочно описывались подвиги русских солдат и трусость врага².

Подпись на фото. Георгиевский кавалер доброволец в возрасте 14 лет на лошади командира корпуса. 1915 г. близ г. Остроленка Ломжинской губ.

В детских книжках мальчики-герои окружались особым ореолом. Так, пользовалась популярностью статья «Доброволец», в которой рассказывалось, как мальчонка Алексашка Находный, убежавший на войну, геройски защищал один-единешенек целую траншею от немцев и, – к зависти всех мало-

¹ Тамбовский листок. 1915. 20 января.

² Горный В. Война и дети // Народный учитель. 1916. № 14. С. 8.

летних читателей, – получил от начальства награду: «– Ну, Алексашка, – сказал ему ротный, – не я буду, если не выхлопочу тебе Георгия. Заслужил его. «– Верно! Заслужил! – похвалили солдаты»¹. Конечно, после чтения таких историй, а они публиковались почти в каждом детском журнале, в детской душе возникала иллюзия реальности своего боевого участия в войне, опасная страсть к боевому делу. Выходили и специальные книжки с описаниями детских подвигов².

Лавров, Александр Алексеевич (1857-).

Я и праздничка дождался И без елки не остался: почтовая карточка.
 Москва: Типо-литография Т.Д. Гарри Гельме и Ко, между 1914 и 1917.
 Цветная автотипия; 9,1x14 см.

¹ См.: Чуковский К. Дети и война // Нива. 1915. №51. С. 961.

² Кайский А. Дети на войне. СПб., 1914; Выходили специальные пропагандистские брошюры, поддерживавшие идею добровольчества. Так, выпуск «Юные герои», увидевший свет в 1915 г., был целиком посвящен героизму на войне юных беглецов. Автор подчеркивал, что «...Наши дети оказались достойными переживаемых событий... переполненные своей безумной отвагой юности, священной жажды принести помощь, переживающей великую годину испытаний Родине, бросили они родительские дома, теплоту семейного уюта и уходили в темную даль трудных военных будней, туда, куда влекло их сознание долга и пылкое воображение. Уходили из дома юноши, подростки, мальчики, совсем дети...». См.: Юные герои. Вып. 7. Пг., 1915. С. 3.

Но реальная фронтовая жизнь была иной, и подростки, так рвавшиеся на войну, являлись лишь помехой, обузой для армии, принося только дополнительные хлопоты. Сами фронтовики, рассказывая о детях на войне, отмечали, что «...они мешают. Они создают неудобства. Их раны бесполезны, и бесполезна их смерть. Детям не место на войне. Им надо учиться <...> Неужели не странно, что Россия, которая может выставить шестнадцать миллионов солдат, имеет в рядах своих войск детей! Попадет такой малец в плен к немцам, и там воспользуются им, чтобы показать войскам: «Смотрите, как истощена Россия! Детей посылает на войну!»¹. «Разве ребенку здесь место? – говорили солдаты. – Мальчонок, можно сказать, до этих пор не дорос, а туда же – убивать»². Некоторые офицеры считали, что после войны из таких детей вырастут преступники, форменные головорезы. Один из солдат вспоминал, что два 12-летних мальчика примкнули к их полку под Вильной. Они с увлечением ходили в разведку, а однажды, убив двух австрийских часовых, пригнали лошадей. Дети с упоением рассказывали, как трепыхался зарезанный ими солдат³.

В воспоминаниях Вержболовича Б.Г. отмечается, что при сборе полка никак не могли отделаться от потока добровольцев, главным образом в возрасте от десяти лет и старше. Куда только не прятались юные патриоты, стараясь попасть на фронт. Их находили и под брезентами, которыми были накрыты наши платформы с орудиями и боеприпасами, прятались они и между тюками прессованного сена, а наиболее смелые залезали даже в вагоны с лошадьми. Расчет у них был один – эшелоны пойдут на фронт, а там уже их не выбросят на полотно железной дороги⁴.

Вне всякого сомнения война оказала влияние и на мирозерцание беспризорных детей. Так многие из них усвоили себе стройное и оригинальное мышление бродяг. Эти дети путешест-

¹ Русское слово. 1915. № 269.

² Окунев Я. Дети на войне // Русская школа. 1917. № 5-8. С. 2.

³ Там же. С. 2-3.

⁴ Вержболович Б.Г. Вторая Отечественная война, или Первая мировая (1914-1918). М., 2004. С. 125.

вовали по городам и весям, разным странам. Встречались дети, побывавшие в Швеции, Константинополе... В военное время они оказались в Галиции и горели жадной подвигов. Доставленные администрацией при расспросах заявляли, что опять проберутся на позиции, ибо здесь скучно. И действительно необъяснимыми способами преодолевали они препятствия и попадали в «местности, входящие в районы и границы военных действий».

Появляясь затем в тылу оборванными и голодными, они рассказывали о прекрасном отношении к ним солдат. Одни мальчик из Австрии долго путешествовал по различным городам, во время войны ходил с австрийскими военными частями, наконец, побывав у русских солдат во Львове, твердо решил, что у нас лучше и явился к коменданту железнодорожной станции, просил отправить его подальше в Россию.

К этим бродягам война присоединяла массу впечатлительных детей и подростков, которые со всех концов, в погоне за приключениями и подвигами, устремлялись в Галицию. Бывали дни, когда в Киев доставляли по 30-40 таких беглецов.

Иногда дети бежали на войну, чтобы очиститься от прежних грехов. Не раз беспризорные подростки, замеченные в карманных и квартирных кражах, являлись и просили отправить их на войну, чтобы они стали другими людьми и «чтобы никто до них приставать не имел права». И хотя эти дети спрашивали, сколько медалей можно получить, если участвовать в 11 сражениях, или что дают за прострелянную ногу, но чаще всего ими двигало искренне стремление стать лучше, порвать с печальным прошлым¹.

Современники отмечали, что «...школьный возраст отличался повышенной впечатлительностью... Отсюда культ героев в детском возрасте, любовь к приключениям и необыкновенным событиям. Почвой, в которой коренятся эти события, являются хранящиеся в нашей душе в потенциальном состоянии атавистические пережитки, унаследованные нами от наших

¹ Левитский В. Беспризорные дети и война // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 14.

очень отдаленных предков, которые вели еще полуживотный образ жизни, сражались и побеждали, пользуясь своей силой и выносливостью, и помощью доведенных до крайней остроты внешних органов чувств... Подростку герой представляется окруженным ореолом необычайности, совершающим свои эффектные подвиги, которые не под силу обыкновенным людям, и у него появляется неудержимое стремление подражать ему. Отсюда необыкновенная тяга детей на войну, о чем свидетельствуют очень многие газетные сообщения. Нельзя поощрять в детях культ героев, так как дети увлекаются лишь внешними атрибутами героя, показной, эффектной стороной его деяний, в сущность же героизма они не вникают»¹.

¹ Володевич Н.Н. Современная война и задачи воспитания // Дети и война. Сб. статей. Киев, 1915. С. 25.

Божья маленькая рать

Хоть мальчик ты,
но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой:
Ты не один – орлиная вы стая.
Настанет день, и,
крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно
в смертный бой...
Завидна смерть за честь
родного края.

(К.К. Романов. «Крылья». Отрывок из сонета).

С наступлением зимы 1914 г. юные добровольцы стали простужаться в своих скитаниях, попадать в лазареты и эвакуироваться в Москву и другие города. Часть мальчишек, попавшихся на глаза начальству или задержанных полицией по пути на фронт, возвращались внутрь империи. Они по прибытии в Москву направлялись до выяснения их личностей в Центральную пересыльную тюрьму, где им приходилось долгое время ждать удостоверения о своей личности¹. 30 апреля 1915 г. по просьбе великой княгини Елизаветы Федоровны было учреждено общежитие для юных добровольцев. Там проводились для бывших «детей-солдат» учебные занятия, велось обучение сапожному ремеслу, осуществлялось лечение воспитанников. Всего через общежитие с конца марта 1915 г. по 1 января 1916 г. прошло 139 добровольцев, из них было дворянами 5, из крестьян 107, детей других сословий – 18. К родным было отправлено 29 человек, помещено на места – 18, определено в средние учебные заведения приходящими – 5, в другие учреждения – 12, выбыло из общежития по собственному желанию – 16 и один умер.

¹ Отчет общежития ЕИВ Великой княгини Елизаветы Федоровны для юных добровольцев в Москве за время с основания по 1 января 1916 г. М., 1916. С. 4.

По образованию добровольцы делились на: совсем или малограмотных, годных для прохождения программы городской школы и годных к поступлению в средние учебные заведения¹.

Из 139 мальчиков в возрасте от 10 до 17 лет преобладающим был возраст 12-14 лет. Почти все губернии были представлены юными добровольцами, но наибольшее количество мальчиков дали губернии, занятые неприятелем. Среди добровольцев было немало детей с плохой наследственностью и заметными признаками дегенерации².

Кроме того, довоенная жизнь и условия походной жизни оставили в психике детей глубокое воздействие. Мальчики поступали в общежитие с приобретенными вредными привычками. Почти все прибывавшие носили с собой папиросы; с уст даже 10-летних не сходила грубая брань. Некоторые бежали на войну из исправительных учреждений.

Понятие собственности имелось лишь у некоторых, у большинства же оно отсутствовало. Присвоение или повреждение чужого не составляло для них недопустимого. Они легко одевали одежду товарища и не смущались этим. Подаренные книги и вещи не вызывали у добровольцев бережливости. Для них не существовало и понятия – личная собственность³. Мальчики страдали в своем большинстве негативизмом, упрямством, непослушанием и неусидчивостью, особенно при работе.

Воспитатели отмечали, что для «бывших фронтовиков» была характерна небрежность, неаккуратность, неопрятность. Эти дети не имели понятия о добре и зле, не чувствовали к другим благодарности. Очень редко встречался доброволец, который бы не лгал. При первоначальных опросах многие умышленно скрывали своих родителей, присваивали себе вымышленные фамилии, неверно указывали части войск, где они находились и места своего происхождения. При обнаружении обмана, большинство

¹ Отчет общежития ЕИВ Великой княгини Елизаветы Федоровны для юных добровольцев в Москве за время с основания по 1 января 1916 г. М., 1916. С. 20-22.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 64-65.

не испытывало никакого смущения. Большинство добровольцев рано становились самостоятельными, имитировали привычки взрослых, создавали свои понятия о доблести, чести, обо всех атрибутах человека, стоящего над другими. Эти подростки чувствовали себя вполне детьми жизни; в них пробуждалось стремление переходить с места на место, инстинкт бродяжничества преодолевал сдерживающие стимулы.

Отрицательное влияние на психологию подростков оказывала и лазаретная обстановка. Участливое отношение к юному добровольцу со стороны служащих лазарета, потакание его желаниям, неизбежно участливое внимание к мальчику, иногда как к «герою», развивало в деревенских детях преувеличенное мнение о себе, а ласка и участие, которых он был лишен в предшествующий период, вызывали капризы и прихоти, препятствуя приобретению навыка к работе. Добровольцы охотно ходил в отпуск в «свой» лазарет, получая там подарки и гостинцы, приучаясь не зарабатывать, а получать деньги. Получая деньги на сладости дети приобретали на них папиросы, а иногда, собрав 2-3 рубля, вновь отправлялись на фронт¹.

Перед поступлением в общежитие почти все добровольцы перебивали в том или ином лечебном учреждении, откуда выписывались уже поправившимися. Возвращались они с театра военных действий по разным причинам. Почти 1/3 вернулась, как получившие контузию или ранение, причем с более значительными ранами и с оставшимися после них рубцами было 9 человек. Пять человек вернулись после заболевания брюшным и сыпным тифом. Около 1/3 вернулись по поводу общей слабости, анемии и простудных заболеваний – бронхита, ревматизма, ларингита и пр. Трое вернулись с органическими пороками сердца, а многие с сильным расстройством нервной системы, истерией или неврастенией. С сентября 1915 г. стали поступать мальчики, возвращенные не по болезни, а по малолетству, даже не с позиций, а ссаженные с поездов или возвращенные с мос-

¹ Отчет общежития ЕИВ Великой княгини Елизаветы Федоровны для юных добровольцев в Москве за время с основания по 1 января 1916 г. М., 1916. С. 69.

ковских вокзалов. У трех мальчиков была обнаружена чесотка, у одного сифилис, и они были изолированы и отправлены в специальные лечебные заведения¹.

Вполне уместно будет привести выдержки из сочинений юных добровольцев:

...Как дружно русские солдаты
За Русь Святую в бой идут;
И даже маленькие дети
Большую помощь подают.
Артемке только лет пятнадцать
Он добровольцем в бой пошел,
В Сибирский 11 полк зачислен,
С которым он в окопах был,
И храбростью своею детской
Солдат усталых веселил.

(Артемий Краснопеев)²

«...Бежал на фронт я с солдатами, которые меня приняли сначала не очень дружелюбно, а потом как родные. На войне я узнал, что позиция совсем не подходит на преждевременные мои фантазии... Я все время бегал за патронами, носил по одной цинке. 25 января 1915 г. меня контузило и меня эвакуировали вглубь России»³.

Многие дети писали, что хотели учиться, но денег не было и они рассчитывали попасть на войну, а потом в училище. 12-летний Кауров вспоминал, что «я стал задумываться как бы попасть на войну, а с войны куда-нибудь в училище»⁴. 13-летний Дмитрий Маркелов до войны жил в Киеве и учился в императорской гимназии. «...И вот однажды я захотел на войну, только не с тем, чтобы помочь Отечеству, а ради удовольствия... Я попал в 11 Псковский полк, ходил в разведку, вынес

¹ Отчет общежития ЕИВ Великой княгини Елизаветы Федоровны для юных добровольцев в Москве за время с основания по 1 января 1916 г. М., 1916. С. 95.

² Там же. С. 209.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же. С. 216.

документы и был награжден Георгием 4 степени, затем был контужен и попал в лазарет»¹.

14-летний Н. Арефьев учился до войны в коммерческом училище, но «... не понравилась мне тихая семейная жизнь и я задумал ехать на войну, искать приключений... Много мытарств пришлось вынести дорогой, но особенно плохо пришлось в тюрьме²».

15 летний Михаил Жуковский вспоминал, что в деревню пришли солдаты и увидели меня, что я плачу и спрашивают меня: «Отчего ты, мальчик, плачешь?», я ответил: «я плачу от того, что у меня нет ни отца, ни матери и мне некуда деться». Они отвечают: «идем с нами», я согласился³.

Николая Панченко 15 лет солдаты в одном вагоне вытолкали в затылок, а в другом вагоне меня приняли⁴. Михаил Стригалева вспоминал, что «в 11 лет, когда мама умерла, то я пошел в санитарный поезд и подавал раненым пить»⁵ (см. Приложение 1).

Примечательно, что бежали на фронт даже взрослые семинаристы. И этот массовый порыв встревожил архипастырей, а тамбовский архиепископ был вынужден даже обратиться со специальным обращением к семинаристам, рекомендуя им, прежде чем идти добровольцами, спрашивать разрешение у родителей: «Нынче, как вы знаете, наше дорогое отечество переживает весьма тяжелые дни войны, войны, требующей очень много жертв и громадных напряжений. Естественно, что у каждого верного сына своей отчизны теперь является желание так или иначе выразить охвативший его огонь воодушевления любви к родине. Есть, наверное, такое желание и среди многих из вас. Но в данный момент лучшим способом действительного осуществления своих патриотических порывов является исполнение каждым из вас своего долга... Не могу не остановить сво-

¹ Отчет общежития ЕИВ Великой княгини Елизаветы Федоровны для юных добровольцев в Москве за время с основания по 1 января 1916 г. М., 1916. С. 219.

² Там же. С. 220.

³ Там же. С. 234.

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Там же. С. 238.

его внимания на одном явлении, которое теперь особенно бросается в глаза, явлении добровольчества. Настоящая война привлекла в ряды наших войск особенно много добровольцев. Есть такие и из нашей среды. Конечно, само по себе явление это в высшей степени похвально. Но как ваш Архипастырь и даже просто отец, я считаю долгом преподать вам мой совет. Не решайтесь брать на себя подвига добровольчества, не испросив ранее согласия на то родителей»¹.

Более цивилизованной была отправка на фронт добровольцев: семинаристов, гимназистов, других учащихся и студентов. Многие из них поступали в армию добровольно, а некоторые предпочитали уходить на четырехмесячную подготовку в военные училища, а потом направляться на фронт². Заметим, что ученики-добровольцы имели льготы: специальным циркуляром Министерства народного просвещения они освобождались от платы за обучение, за ними сохранялось право по возвращении из действующей армии снова поступить в учебное заведение³. Источники свидетельствуют о больших потерях среди юных воинов, многие из которых погибли или вернулись домой инвалидами⁴.

По мнению С. Бахрушина, атмосфера войны, ужасы ее сопровождающие не могли не отразиться на душевном равновесии подростков. Обстановка лагерной жизни, впечатления кровопролития, иногда участие в убийствах, и может быть в грабежах, – все это развращало подростков, а внимание, которым окружают маленьких добровольцев и в лагере, и в тылу, усиливало это развращение. Один из сотрудников Собежа писал о малолетних добровольцах: «Десяти-двенадцатилетний мальчик живет в атмосфере крови и насилия. У него складывается особая, патологическая психика, которую ввести в норму мирной жизни после войны вряд ли удастся»⁵. Вполне подтверждает данное заклю-

¹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1914. 27 сентября. С. 1117-1119.

² Тамбовский листок. 1915. 5 мая.

³ Тамбовский листок. 1915. 22 апреля.

⁴ Тамбовские Епархиальные ведомости. 1915. №34. С. 876.

⁵ Бахрушин С. Борьба с детской преступностью в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 5. С. 392-393.

чение история 14-летнего тамбовского реалиста Василия Сперанского. В 1915 г. мальчик самовольно оправился в действующую армию, но был возвращен оттуда. Вел себя в гимназии плохо и постоянно получал замечания от инспектора училища И.И. Ширавского. 13 декабря 1915 г. реалист застрелил инспектора выстрелом из револьвера в спину, когда тот одевался, чтобы уходить домой¹.

Иногда военное начальство принимало меры к удалению малолетних из лагерей, но форма «спасения» детей от ужасов войны была нередко неверной, лишь усилением зла. Малолетних гнали обратно на их местожительство по этапу, на остановках держали в тюрьмах. Дети пребывали в одной камере с взрослыми арестантами и они позже давали немалый процент клиентов судов для малолетних. Судебная практика давала два довольно типичных случая: либо подросток, убегая на войну, для осуществления целей побега крал и даже не считал это за грех, так как цель оправдывала средства, а цель была патриотическая; либо, возвращенный на родину, юный доброволец уже настолько заболтался, что не хотел жить в семье, убегал из нее, начинал бродяжничать и красть².

В качестве послесловия к этому разделу книги можно привести фрагмент воспоминаний офицера Белой армии о том, что и в период Гражданской войны «бегство на фронт» оставалось важным проявлением детской восприимчивости к важнейшим событиям в жизни страны и своей семьи.

«Знают все, как плечом к плечу с офицером и солдатом ходили в атаки в наших цепях гимназисты, реалисты, кадеты – дети Добровольческой армии. В строю шли вместе в огонь офицеры, студенты, солдаты из пленных красноармейцев и дети-добровольцы.

Мальчики-добровольцы, о ком я попытаюсь рассказать, может быть, самое нежное, прекрасное и горестное, что есть в образе Белой Армии. К таким доброволь-

¹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1-с. Д. 1837. Л. 154.

² Бахрушин С. Борьба с детской преступностью в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 5. С. 393.

цам я всегда присматривался с чувством жалости и немого стыда. Никого не было жаль так, как их, и за всех было стыдно, что такие мальчуганы обречены с нами кровопролитию и страданиям. Кромешная Россия бросила в огонь и детей. Это было как жертвоприношение.

Подростки, дети русской интеллигенции, всюду поголовно отзывались на наши призыв. Я помню, как, например, в Мариуполе к нам в строй пришли почти полностью все старшие классы местных гимназий и училищ. Они убежали к нам от матерей и отцов. Они уходили за нами, когда мы оставляли города. Кадеты пробирались к нам со всей России.

Русская юность без сомнения отдала Белой Армии всю свою любовь, и сама Добровольческая армия есть прекрасный образ юности русской, восставшей за Россию.

Мальчуганы умудрялись протискиваться к нам сквозь фронты. Они добивались до кубанских степей из Москвы, Петербурга, Киева, Иркутска, Варшавы.

Сколько раз приходилось опрашивать таких побродяжек, загоревших оборвышей в пыльных стоптанных башмаках, исхудавших белозубых мальчишек! Они все желали поступить добровольцами, называли своих родных, город, гимназию или корпус, где учились.

— А сколько тебе лет? — Восемнадцать, — выпаливает пришлый, хотя сам, что называется, от горшка три вершка. Только головой покачаешь.

Мальчуган, видя, что ему не верят, утрет обезьяньей лапкой грязный пот со щеки, переминается с ноги на ногу.

— Семнадцать, господин полковник. — Нет, не ври.

Так доходило до четырнадцати. Все кадеты, как сговорившись, объявляли, что им по семнадцать.

— Но почему же ты такой маленький? — спросишь иной раз такого орла. — А у нас рослых в семье нет. Мы такие малорослые.

Конечно, в строю приходилось быть суровым. Но с такой нестерпимой жалостью помотришь иногда на солдатенка во все четырнадцать лет, который стоит за

что-нибудь под винтовкой, сушит штык, как у нас говорились. Или как внезапно падало сердце, когда заметишь в огне, в самой жаре, побледневшее ребяческое лицо с расширенными глазами. Кажется, ни одна потеря не была так по душе, как неведомый убитый мальчик, раскидавший руки в пыльной траве. Далеко откатилась малиновая дроздовская фуражка, легла пропотевшим донышком вверх.

Мальчуганы были как наши младшие братья. Часто они и были младшими в наших семьях...¹»...

3.2. Дети-шпионы и русская контрразведка

Проблема использования детей и подростков для шпионской деятельности особенно остро проявилась в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. Детский шпионаж был тесно связан с патриотическими настроениями юных патриотов, их бегством на фронт, желанием принимать участие в защите Отечества.

Делами о бежавших на фронт мальчиках занималась русская контрразведка. Понятно, что детей в качестве шпионов могли и охотно использовали представители разведок всех стран. Так, германская разведывательная служба достаточно активно привлекала детей и подростков в своих целях шпионажа. В июне 1915 г. на фронте одной из русских армий был пойман 15-летний мальчик, сознавшийся, что немцами послано в тыл русским еще 10 таких же подростков с разведывательными заданиями. По признанию военных специалистов, при тщательном подборе и подготовке подростков они легче всего могли проникнуть в тыл противника, свободно чувствовать себя, вращаясь в солдатской среде и легко собирали весьма ценные данные. Такие подростки обычно устраивались при разных штабах и обозах под тем или иным благовидным предлогом,

¹ Туркул А. Дроздовцы в огне: Картины гражданской войны, 1918-1920 гг. Л.: Ингрия, 1991.

завоевывали симпатии и доверие не только солдат, но даже и офицеров. Вращаясь среди военных, они подслушивали их разговоры и передавали сведения, куда следует. Многие из них разъезжали по железным дорогам под видом добровольцев и, пользуясь благосклонным отношением к ним солдат, легко извлекали нужные сведения, а в подходящих случаях выкрадывали бумаги у зазевавшихся ординарцев и писарей¹. Российские контрразведчики указывали, что германская разведка возлагала на подростков и функции диверсионной деятельности: порчу телефонных и телеграфных проводов, развинчивание рельс, возбуждение паники и пр.²

Георгиевский кавалер Владимир Владимиров 11-ти лет.
Казак. Доброволец. Ушел на войну со своим отцом-хорунжим казачьего полка.
После гибели отца был взят в команду разведчиков. Участник многих разведывательных операций. Во время одной из них, попал в плен. Из плена бежал, добыв при этом, ценные сведения.

¹ Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т.2. М., 1931. С. 59-60.

² Там же. С. 60.

Директор 1-го департамента полиции МВД генерал-майор Климович в циркуляре губернаторам 8 июня 1916 г. сообщал, что немцы насильственно вербовали мальчиков и девочек в возрасте 12-16 лет, детей занятых ими местностей Российской империи. Обучив их в специальной шпионской школе в г. Варшаве, немцы отправляли их под видом беженцев в Россию, снабдив небольшой суммой денег и надлежаще проинструктировав. Австрийская разведка также активно использовала детей и подростков австро-венгерского подданства, славянской национальности, командировав их в Россию под видом беженцев¹.

Пользуясь своим положением, юные неприятельские агенты свободно проникали в глубокий тыл и, появляясь в больших центрах и на линиях железных дорог, в особенности на узловых станциях, получали полную возможность, оставаясь вне подозрения, не только собирать интересующие неприятеля сведения о передвижении войск (для чего иногда пристраивались в качестве «добровольцев» к войсковым частям), но также совершали поджоги недостаточно охраняемых складов военных запасов, в особенности легковоспламеняющихся предметов². Департамент полиции просил усилить наблюдение за появляющимися без взрослых подростками нерусской национальности обоего пола в целях выяснения их личности и выяснения того обстоятельства, не принадлежат ли они к числу юных неприятельских разведчиков.

13 июля 1916 г. ротмистр Тарасевич сообщал начальнику Тамбовского ГЖУ, что в ночь с 7 на 8 июня 1916 г. на станции Здолбуново был задержан 12-летний гимназист А. Радонежский, который с момента занятия австрийскими войсками Люблинской губернии с июля по ноября 1915 г. обучался в топографической школе в селе Дубовец той же губернии.

В ноябре 1915 г. 28 детей и подростков перебрались через Румынию в Россию и разбились по партиям с целью пробраться в Ровны и Луцк. Некоторым было поручено пробраться в Москву, Петроград, Киев и Одессу. В Киеве А. Радонежский фотографировал мосты, имеющимся у него карманным аппаратом³.

¹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1954. Л. 218.

² Там же. Л. 219.

³ Там же. Л. 240.

Начальник контрразведывательного отделения штаба 11-й армии сообщал 27 июня 1916 г. начальнику Тамбовского ТГЖУ о том, что 24 июня в г. Дубно был задержан, шатавшийся в ночное время в районе войсковых частей, 13-летний мальчик, назвавшийся австрийским подданным И.В. Маховским, жителем г. Броды. При допросе задержанный мальчик объяснил, что около двух лет тому назад, в самом начале войны, был командирован из Брод в Россию для цели военной разведки офицером австрийской армии Т. Чинским. Вместе с ним в разведку было отправлено еще 23 мальчика, командированных постепенно группами по три-четыре человека. Вместе с Маховским были отправлены мальчики «Иван» и «Яков», при чем все были отправлены под видом беженцев, частью пешком, частью по железной дороге в Киев. Затем мальчик приехал в Тамбов, где работал в качестве чернорабочего на станции. В Тамбове заболел тифом и пролежал целую зиму в земской больнице. Выздоровев, отправился в Саратов и затем в Дубно, где и был задержан¹.

26 января 1917 г. ротмистр Тарасевич сообщал начальнику Тамбовского губернского жандармского управления, что в октябре 1916 г. немцами были направлены в Россию два подростка, работавшие в окопах противника². Было предписано обращать внимание на детей и подростков, проявлявших повышенный интерес к военным эшелонам и военным объектам в тыловых регионах страны.

Вполне понятно, что в период войны внутренняя и прифронтовая Россия была наводнена всевозможными агентами-резидентами и агентами-ходоками с самыми разнообразными задачами³. При всяком отступлении противник всегда оставлял многих тайных агентов на покидаемой территории, причем австрийцами оставлялись большей частью агенты парами – взрослый резидент и мальчик-бегун для связи.

¹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1954. Л. 257.

² Там же. Д. 2011. Л. 21.

³ Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время. Ч. 1. Томск, 1919. // Антология истории спецслужб. Россия. 1905-1924 / вступ. ст. А.А. Здановича. М.: Кучково поле, 2007. С. 209.

По мнению генерал-майора Генерального штаба П.Ф. Рябикова, очень много было выслано агентов мальчиков 13-16 лет под видом беженцев, нищих и русских солдат-добровольцев, отбившихся от своих частей; пользуясь доверчивостью и добродушием, они выведывали нужные сведения, причем им рекомендовалось выпрашивать все, что можно, у раненых солдат, ездить в санитарных и воинских поездах и пр.; при малейшей возможности они должны были воровать воинские документы. Сплошь и рядом немцы советовали своим агентам поступать в число наших разведчиков¹.

Точные данные о количестве немецких шпионов, действовавших до войны 1914-1918 гг. на территории России, отсутствуют, но ясно, что их насчитывались десятки тысяч². В годы войны австро-венгерская разведка перебрасывала в Россию целые толпы мальчиков-подростков, которые под видом добровольцев принакали в эшелоны, так как пользовались любовью солдат. Не вызывая никакого подозрения, они без всякого опасения расспрашивали решительно обо всем и очень часто похищали документы у зазевавшихся писарей³.

В 1916 г. немецкая разведка стала комплектовать шпионские кадры из подростков и детей среди жителей занятых немцами районов. Обычно немцы вербовали мальчиков и девочек в возрасте 12-16 лет, обучив их в специальной разведшколе, немцы отправляли их под видом беженцев в Россию, снабдив небольшой суммой денег и надлежаще проинструктировав. Немцы арестовывали родителей или ближайших родственников, угрожая расстрелом их в случае невозвращения агентов или умышленного невыполнения задания⁴. Особенно охотно вербовались дети и подростки от 12 до 19 лет. Юным шпионам реко-

¹ Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время. Ч. 1. Томск, 1919. // Антология истории спецслужб. Россия. 1905-1924 / вступ. ст. А.А. Здановича. М.: Кучково поле, 2007. С. 210.

² Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914-1918 гг. М.: ОГИЗ, 1942. С. 10.

³ Турло С.С., Залдат И.П. Шпионаж // Антология истории спецслужб. Россия. 1905-1924 / вступ. ст. А.А. Здановича. М.: Кучково поле, 2007. С. 502.

⁴ Там же. С. 10.

мендовалось находиться вблизи обозов, знакомиться с военными лицами для получения от них требуемых сведений¹. Была создана школа юных шпионов для подготовки детей и подростков в с. Дубовец Люблинской губернии, Варшаве, Ковно и др.²

Только в одной Варшавской разведшколе для малолетних шпионов обучалось 72 русских мальчика и 300 девочек, в остальных школах – по 30 и более детей. Сроки обучения колебались от 2 недель до 5 месяцев, в зависимости от важности предстоящего задания. В числе предметов преподавались топография, подрывное дело, строение русской армии, методы передачи донесений и др.³

При направлении на задание малолетние шпионы снабжались деньгами; мальчики в сумме 15 руб., девочки – 20 руб. Никаких документов на руки не выдавалось. Одевались они на шпионские задания все однообразно. Мальчики в черное ученическое пальто с белыми пуговицами или в черную короткую куртку с нагрудными продольными карманами, черные высокие сапоги, серую ученическую рубаху с двумя белыми гимназическими пуговицами, такие же штаны, черную, высокую каракулевую шапку с суконным острым верхом. По верхнему и нижнему краям шапки имела внутренняя картонная прокладка для хранения записок. Девочки – в черное широкого покроя пальто; такое же платье, черный платок и черные на пуговицах ботинки с лаковыми носками и синее полупальто, такого же цвета платье, белые шарфы и черные ботинки; взрослые девицы – в короткое черное пальто или более длинное синее, коричневое платье, лаковые туфли с белыми пуговицами, черную с маленькими полями шляпку со стрелой из пера спереди.

По окончании обучения в школе малолетние шпионы прикомандировывались к русским войсковым частям. Номер войсковой части, куда был прикомандирован ребенок, был ему про-

¹ Сайдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. М.: Госвоениздат Наркомата Оборона СССР, 1939. С. 39.

² Галвазин С. Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001. С. 13.

³ Дресвянин С. Секретная война. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 147-148.

пуском для возвращения из разведки. Обученные в школе для малолетних агентов дети засылались на разведку партиями или в одиночку, преимущественно в Петроград и Москву.

Очень много диверсионных актов совершили малолетние неприятельские агенты в Первую мировую войну в тылу России. Маленькие «ангелы смерти» устраивали пожары на оборонных заводах и фабриках, интендантских складах с фуражом, лесопильных заводах, взрывали поезда, бросая в топку мины, закамуфлированные под кусок каменного угля и т.п. Кроме того, эти маленькие агенты широко занимались военным шпионажем¹.

В 1916 г. было зарегистрировано большое количество случаев задержания малолетних шпионов. К. Мельников, восьмилетний шпион, задержанный на станции Полица, рассказал, что в апреле 1916 г. он вместе с четырьмя другими мальчиками был послан вглубь страны для того, чтобы собрать агентурные сведения об Орле, Туле, Брянске и Смоленске. Пристроившись к 236-му запасному пехотному полку, они прожили некоторое время в Орле, собирая материал, и затем выехали в Минск, чтобы пробраться к немцам².

В Российском государственном военно-историческом архиве среди документов контрразведывательного отделения штаба МВО сохранилось дело о добровольце Донского казачьего полка И. Липовском (он же Иван Морозов). 7 июля 1917 г. был составлен протокол чиновником особых поручений отдела контрразведки штаба МВО Белем о том, что мальчика «звуют Липовский-Морозов Иван Исаевич, лет ему 15, еврей, православного вероисповедания, мещанин, определенного жительства не имеет. Его мать проживает в Смоленске. Отец умер лет 12-13 тому назад, назывался он Исааком Липовским, родители мои евреи, отец по профессии музыкант. Мать моя вышла вторично замуж за казака Морозова, служащего в качестве приказчика в магази-

¹ Осипов А. Резонтова Н. Школа малолетних шпионов и секс-бомбы для русских солдат. <http://www.pravda.ru/districts/volga/nizhnynovgorod/26-11-2002/7783-0/>

² Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914-1918 гг. М.: ОГИЗ, 1942. С. 23.

не Барч в г. Смоленске <...> В 1914 г. зимой я убежал из родительского дома в г. Новочеркасск, там я познакомился с казачьим офицером, который устроил меня добровольцем в команду разведчиков в 52 лейб-гвардейский Атаманский полк. В этом полку я пробыл до конца мая месяца 1917 г.¹, когда был ранен, а также заболел воспалением слепой кишки и был помещен на излечение в гомельском военном госпитале, там я пробыл 12 дней и был отправлен домой к матери в г. Смоленск. Мать моя не хотела принять меня и говорила, что я ей совершенно не нужен, тогда я с партией солдат приехал в Москву и явился к воинскому начальнику, который выдал мне документ – проходное свидетельство на право свободного проезда в свою часть. Доехал я в июне 1917 г. до Козлова, познакомился с прапорщиком Туркиным, начальником контрольной команды нижних чинов на ст. Козлов. Прапорщик Туркин выдал мне удостоверение и я стал контролировать поезда, мною задержано несколько дезертиров. В июле я был задержан»². Таким образом, вполне очевидно, что в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. использование детей в качестве шпионов стало массовым явлением.

5 февраля 1915 г. Департамент полиции МВД разослал циркуляр № 21646 о порядке отправления на родину самовольно отлучившихся на театр военных действий подростков, стремящихся стать добровольцами. Было рекомендовано отправлять их не этапным порядком в составе арестантских партий, а по возможности в сопровождении нижних полицейских чинов³. Министерство внутренних дел также было вынуждено издать специальное циркулярное распоряжение «О малолетних добровольцах», согласно которому «задерживаемые малолетние, самовольно отправившиеся на театр военных действий с целью вступления в ряды действующей армии добровольцы» должны были препровождаться к месту жительства их родителей или родственников не по этапу через тюрьмы, а – во избежание

¹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 14. Д. 2815. Л. 10.

² Там же. Л. 10 об.

³ Там же. Оп. 2-с. Д. 101. Л. 41.

вредного влияния – отдельно, «в сопровождении нижних полицейских чинов»¹.

Усталость от войны, военные неудачи, общее падение настроения российского населения к концу 1915 г. сказались и на явлении добровольчества. С этого времени оно резко идет на убыль и в 1916 г. очень редко пресса сообщала о бежавших на фронт подростках, а проведение мобилизации стало более сложным. В 1917 г. газеты начали уже печатать списки лиц, уклоняющихся от призыва.

3.3. Дети и сбор пожертвований в военные годы

Изучение повседневной жизни населения России в годы войны невозможно без осмысления участия детей в патриотической деятельности. Вне всякого сомнения, детская повседневность военной поры серьезно отличалась от довоенной, сопровождалась глубокой деформацией социального поведения и психологического восприятия, норм и социокультурных условий жизни детей и подростков. Первая мировая война 1914-1918 гг. выявила удивительные проявления детского патриотизма.

Каковы же были мотивы участия детей в патриотических акциях военных лет? Насколько эффективным было детское участие в сборе пожертвований? Отвечая на эти и другие вопросы, необходимо использовать как опубликованные, так и архивные источники. В региональных архивах наиболее полная информация о сборе пожертвований содержится в фондах канцелярий губернаторов. Дело в том, что лишь губернатор мог санкционировать организацию сбора пожертвований и проведение других патриотических акций и мероприятий, а самовольный, не утвержденный властями патриотизм, запрещался. Каждый участник сбора пожертвований обязан был иметь документ с правом проведения такого сбора, а также опечатанную кружку или коробку, куда собирались деньги или другие пожертвования. В канцелярию губернатора поступал затем отчет о собран-

¹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 2-с. Д. 101. Л. 48.

ных средствах и их распределении нуждающимся в помощи, кроме того, такой отчет обычно публиковался в местных газетах и журналах. Заметим, что периодическая печать военной поры охотно сообщала о патриотической деятельности детей, и почти в каждом номере публиковались заметки под названием: «Юные патриоты», «Сбор пожертвований в гимназии» и др.

**Гимназисты
Женя и Коля
с Е.В. Богатыревой**

Важным источником детской повседневности военных лет являются и фотодокументы, а также использование образов детского патриотизма в целях пропаганды¹. Дети, собиравшие пожертвования, нередко одевались в соответствующую военному времени одежду: девочки – в наряд сестры милосердия, а мальчики в солдатскую униформу.

Наиболее активными сборщиками пожертвований были учащиеся низших и средних учебных заведений. Сам сбор пожертвований проводился обычно различными способами: с помощью подписных листов, сборам в кружки на улицах, при обходе квартир и домов, проведении благотворительных мероприятий, отказа от завтраков, проведения праздников, в частности новогодних елок, с передачей освободившихся средств на нужды войны. Наибольшие результаты давал нередко кружечный сбор, когда дети ходили по улицам и пожертвования текли

¹ Подробнее о символах и образах войны см.: Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999; Сальникова А.А. «Детский текст и детская память в эпоху катастроф» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. статей. Челябинск, 2004 С. 413-430.

к ним в кружки довольно обильно. Жизнерадостность молодежи невольно подкупала всех и заставляла раскошелиться.

Наравне со взрослыми детвора принимала участие в помощи больным и раненым воинам. В Петрограде, во время сентябрьской недели белья, десяти-двенадцатилетние девочки, дети зажиточных родителей, научились обращаться со швейными машинками и шили кисеты для табака. В одной белошвейной мастерской двенадцатилетняя девочка в течении нескольких дней не завтракала и истратила деньги на покупку материала для белья раненым солдатам. Две другие девочки принесли на пункт 15 копеек, объяснив, что они вместо того, чтобы идти в кинематограф, отдают их солдатикам¹.

Одна из девочек написала в своем письме, которые сопровождали подарки на фронт: «Дорогие солдатики, дай Бог Вам здоровья и перебить наших врагов и взять много городов и возвратиться опять здоровыми». Другая написала: «Здравствуйте дорогие воины, я посылаю вам письмо, мы сидим, а вы страдаете за нас, и проливаете кровь свою за нас. До свидания, дорогие

¹ Кайский А. Дети на войне. Пг., 1915. С. 58.

солдатики»¹. Когда в Петербурге производился сбор в пользу разоренной Польши, то дети несли на сборные пункты свои игрушки. В дни сбора табака маленькая девочка Даша писала: «Мой милый папочка тоже на войне, но только он не курит, так я прошу вас купите ему шоколаду от меня и моей сестрички Любы»².

В дни всевозможных сборов дети жертвовали – правда, полученные от родителей – деньги и вещи. Городские учащиеся иногда отказывались от «сладкого», отправляя суммы на устройство лазарета; сельские школьники ходили на поденщину и пересылали заработанные деньги «на пользу наших дорогих отцов и братьев», девочки вязали для солдат носки, чулки, перчатки, шили белье³.

В Козлове в ноябре – декабре 1914 года проходил сбор пожертвований через учащихся и учащихся на нужды, связанные с войной. Всего удалось собрать 240 руб.38 коп. и массу вещей (чулок – 333 пар., портянок – 130 пар и т.д.). Вырученные деньги были потрачены на изготовление теплых вещей – 14 руб. 61 коп., на мыло – 18 руб., на 300 коробок мази от насекомых – 9 руб., 9 ящичков табаку (6 пудов 10 фунтов) – 40 руб., 7 стопок курительной бумаги – 9 руб. 10 коп., почтовую бумагу, конверты и карандаши – 2 руб.40 коп., отрезки сапожного товара для починки солдатских сапог – 6 руб., машинку для стрижки волос – 3 руб. Всего было истрчено 199 руб.11 коп. Все собранное было разложено по посылкам. В каждую посылку укладывались нитки, иголки, бумага, конверты, курительная бумага, коробочка с мазью от насекомых, табак. Посылки в Холмский и Томский полки отправлялись 8 ноября 1914 года и 11 декабря 1914 года⁴.

В воспоминаниях В.Н. Лосского отмечается, что детям нравилось шить кисеты для солдат. Дети охотно посещали лазарет

¹ Кайский А. Дети на войне. Пг., 1915. С. 59.

² Там же. С. 58.

³ Борис Фроммет. Борьба с «военной» психологией // Свободное воспитание. 1916-1917. № 6. С. 41.

⁴ См.: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8767. Л. 1.

для «легкораненых». Обычно, дети ходили туда по воскресеньям играли с солдатами в шашки¹. После переименования Петербурга, дети завели копилку для взыскивания с обмолвившихся домочадцев и гостей штрафного гривенника в пользу раненых². «..Узнав, что две ученицы младших классов отказались в пользу раненых от рождественских подарков, мы с братом, скрепя сердце, решили последовать их примеру. Однако в праздничный вечер мы нашли у разукрашенной елки обычное количество всякого баловства»³.

К посылаемым в действующую армию подаркам обязательно прилагались записки или письма. Их писали и мальчики, и девочки, но писали по-разному. Мальчики обычно сочиняли более свободные и творческие послания (нередко даже в стихах), содержание и формуляр девичьих писем отличались однообразием и трафаретностью (от которых девочки, по наблюдению педагогов-современников, избавлялись не ранее достижения возраста 15-16 лет). Вначале шло стандартное обращение («дорогой солдатик, защитник родины, доблестный воин» и т.п.), затем – пожелания («защищайте нашу золотую родину», «дай вам Господи вернуться со славою на родину святую, победить врагов», «хотя бы кончилась эта противная война!», «желаю каждый день побеждать сильного и злого врага», «не сдавайтесь в плен... Бейтесь до капли крови, стойте за Русь православную, за веру христианскую»), следом перечислялись посылаемые подарки, в конце неизменно стояла просьба о присылке ответа («пиши ответ поскорее», «как получишь, прямо пиши», «прошу вас сердечно, напишите мне письмо»), завершали послания адрес и подпись. В некоторых письмах содержалась информация о последних событиях на фронте, явно почерпнутая из газет, и почти никогда – информация о себе (девочки обычно лишь кратко констатировали, что у них «все хорошо», хотя встречались и редкие исключения – «а у нас живется плохо, говядина

¹ Лосский Б.Н. Наша семья в эпоху лихолетья 1914-1922 годов // Минувшее: Исторический альманах. 11. М.; СПб., 1992. С. 134-135.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 137.

очень дорога стала»³). Элементы личной презентации в этих письмах были весьма и весьма ограничены¹.

Сами вещевые пожертвования складывались в зависимости от потребностей фронта. Так, вначале жертвования от церковных школ состояли в основном из холста, денег и белья для раненых. Потом, с наступлением зимних холодов, стали жертвоваться теплые чулки, варежки, перчатки, платки. Как только ученики узнали из писем с фронта от своих отцов и родственников, а также и из газет, что солдаты очень нуждаются в табаке, спичках, мыле, то из школ стала поступать махорка, курительная бумага, спички, кисеты и мыло. Ученики церковной школы села Калиновки принесли 5 деревянных ложек. Когда учительница поинтересовалась, нужны ли на фронте эти ложки, то один из учеников рассказал, что его отец в письме просил прислать ему на войну ложку, так как там ложки достать негде. Может быть, и другие солдаты нуждаются в этом, вот почему они и жертвуют ложки².

Ученики первого тамбовского духовного училища заявили своему училищному начальству о единодушном желании, чтобы были отменены выдаваемые им в учебное время завтраки, с употреблением имеющихся освободится денег, более 1000 рублей, на надобности военного времени³. На кисетах ученицами вышивались какие-нибудь приветствия, например: «От Верочки-маленькой девочки русскому солдату за храбрость и отвагу посылаю табак и бумагу».

Так, в 1916 г. церковно-приходские школы Борисоглебского уезда передали в земские союзы несколько тысяч пудов картофеля и капусты для нужд армии⁴. Учащиеся церковных школ активно приобретали и облигации военного займа, надеясь, что этот их вклад поможет модернизации армии и скорой победе над врагом. Например, ученицы 8 женского приходского училища г. Тамбова приобрели за 50 руб. облигаций военного займа⁵.

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 149.

² Тамбовский листок. 1915. 23 марта.

³ Там же. 1914. 2 декабря.

⁴ Тамбовский земский вестник. 1916. 25 августа.

⁵ Тамбовский земский вестник. 1916. 22 декабря.

Многие учителя поддерживали проявление гражданственности и милосердия, поручая детям разную работу по помощи раненым и больным воинам. Школьники активно участвовали в различных комитетах и комиссиях, возникавших с началом военных действий. Часто учащиеся отказывались от награждения за прилежную учебу, передавая эти деньги раненым воинам. Иногда учащиеся, желая увеличить сумму пожертвований, учитывая, что не все жители могли и хотели помогать деньгами, проводили сбор вещей и продуктов, которые потом продавали, а на вырученные деньги покупали все необходимое для отправки на фронт.

Охотно проводили учащиеся и благотворительные концерты, вечера, спектакли, сборы с которых шли либо на нужды действующей армии, либо в пользу раненых или сирот воинов. Как же проводились подобные мероприятия? Вполне типичным был, проведенный в тамбовской мужской гимназии 22 октября 1914 г. музыкально-литературный вечер, на котором разыгрывались вещи, пожертвованные учащимися и их родителями. Входной билет на мероприятие стоил 25 коп., а вещи продавались от 50 коп. до 5 руб. Вечер длился недолго: с 7 до 10 ч. вечера. Среди разыгрываемых вещей было много таких, которые учащиеся изготовили самостоятельно: самоварники, кофейники, вазы, чашки, сахарницы, статуэтки, детские игрушки, книги, вышивка и т.п. Большая часть дохода от этого вечера пошла на помощь местным лазаретам.

Какие же вещи чаще всего приносились детьми и их родителями в качестве пожертвований? Это были предметы важные для солдатского обихода: ватные фуфайки, рубахи, кальсоны, чулки и носки, перчатки, платки, полотенца, простыни и наволочки, портянки, кисеты для табака, бинты, иголки и нитки. Нередко дети сопровождали свои пожертвования и подарки на фронт трогательными надписями, писали письма на фронт. Когда же школьники получали ответные письма, то с радостью читали их своим товарищам, подругам и чуть не каждому встречному.

В 1917 г. среди населения снизился интерес к пожертвованиям, но дети продолжали оказывать помощь солдатам, находив-

шимся на фронте. Так, учениками земской и церковной школы деревни Ястребовки Тамбовского уезда было собрано на подарки в армию около 25 руб., несколько пар варежек и несколько аршин холста. На собранные деньги куплены папиросы, спички, конфеты, бумага, карандаши. Все это было отправлено по назначению¹.

Ученики Гремяченской церковно-приходской школы к Рождеству изготовили для воинов проходивших лечение в лазаретах 69 кисетов, 68 мешочков, которые положили крестики со шнурками, чай, сахар, мыло, в качестве подарков².

Учащиеся Знаменской, Покровской и Петропавловской церковно-приходских школ города Тамбова изготовили и отправили в действующую армию: 6 рубашек, 2 кальсон, 6 пар чулок, 5 пар перчаток, 9 полотенец, 6 кисетов и др. вещи. Дети – школьники заготавливали «пасхальные подарки» воинам в действующую армию, писали и клали в кисеты свои письма. Одна из учениц писала: «Милый солдатик! Посылаю тебе в подарок кисет, который я сама шила. Мой отец тоже на войне. Будь здоров. Мы о вас помним и молимся за вас Богу, а убитых поминаем за упокой на молитве. Адрес... Ученица Пелагея Толчеева».

Таким образом, изучение патриотической деятельности детей в периоды войн начала XX в. позволяют оценить не только мотивы и значение их поведения и настроений, но и выявить существенные стороны военной повседневности. Вне всякого сомнения, детский патриотизм военной поры отражал важнейшие проявления развития гражданственности и самореализации юных россиян и россиянок, также свидетельствовал о модернизации и европеизации общественного сознания в России начала XX в.

3.4. Дети и скаутское движение в России (1914-1918 гг.)

Расцвет скаутизма в Российской империи был тесно связан с Первой мировой войной 1914-1918 гг. При помощи взрослых людей в разных городах России стали формироваться скаутские

¹ Тамбовский земский вестник. 1917. 5 января.

² Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 42. С. 1107.

отряды. Дети дежурили на станциях, помогали встречать поезда с ранеными, ухаживали за ними в госпиталях, развлекали солдат, собирали подарки для фронта. В 1915 г. в скауты был зачислен наследник престола Алексей Романов¹.

Впрочем, необходимо иметь в виду, что уже с конца XIX в. вошел в историю феномен и стал формирующим фактором милитаризм. Возрастала роль армии, место военных ценностей в гражданском обществе. Многие детские организации создавались по армейскому образцу и подобию: дисциплина, чинопочитание, построение, военные упражнения, игры в маневры². В скауты принимали в возрасте от 12 до 18 лет согласно «Уставу русского скаута»³.

Во время первой мировой войны (1914-1918) скауты несли службу связи при различных учреждениях, при Красном Кресте, работали в качестве помощников санитаров в лазаретах, организовали отдел по поиску квартир для беженцев, присматривали за детьми беженцев. Интересно отметить также организацию тревоги на случай налета германских цеппелинов, когда всякий скаут должен был уведомить двух ближайших товарищей. Оказалось, что через 25 минут, скауты, которых к этому времени насчитывалось около 600, могли сообщить о налете по всему городу. К началу революции в двух Петроградских дружинах числилось около 1000 детей⁴.

В 1915 году появились отряды скаутов на юге России: в Одессе, в Ростове-на-Дону, в Киеве. Основателем и необычайно деятельным руководителем Киевской организации был доктор А.К. Анохин. К концу 1915 года в Киеве было свыше 700 скаутов и около 150 девочек скаутов. Киевские скауты помогали крестьянам в сельскохозяйственных работах; так, на-

¹ Кучин В.Л. Скауты России XX век. Воспоминания старших поколений. М., 2003. С. 34.

² Кудряшов Ю. Российское скаутское движение. Исторический очерк. Архангельск, 1997. С. 21.

³ Анохин А.К. Спутник юного разведчика. Организация и занятия с юными разведчиками. Киев, 1915. С. 55.

⁴ Сокольский А. История русского скаутизма (1909-1918) // Опыт. 1955. № 19. С. 26-29.

пример, осенью 1915 года 40 скаутов во главе с доктором Анохиным в селе Зарубницы обслуживали 60 крестьянских семейств заменяя ушедших на войну хозяев. С ростом скаутского движения и русское общество стало проявлять к нему значительный интерес и перед первыми руководителями скаутизма встала задача: создать общественную организацию, которая могла бы помогать развитию новой организации молодежи.

С этой целью по инициативе О. И. Пантюхова в августе месяце 1914 г. было учреждено Всероссийское Общество содействия мальчикам-разведчикам «Русский Скаут». В сентябре 1914 г. был утвержден устав общества. Для того чтобы создать благоприятные условия для дальнейшего успешного развития скаутизма, это общество устроило два всероссийских съезда «деятелей по скаутизму». Первый съезд состоялся в 1915 году в Петрограде, с 27 по 30 декабря. В это время в России было 24 независимых скаутских организаций в разных городах.¹ Второй съезд прошел через год – с 29 декабря 1916 по 4 января 1917 г. К этому времени в России насчитывалось 143 разнопрофильных массовых скаутских организаций². В съездах при-

¹ Полчанинов Р. 75-летие ОРИОР // Опыт. 1985. № 80. С. 27.

² Полчанинов Р. 75-летие 1-го отряда Юных Разведчиков // Опыт. 1983. № 78. С. 24-26.

нимали участие не только активные руководители, но и друзья скаутов, видные профессора, литераторы, педагоги и общественные деятели. Труды этих съездов были весьма продуктивны. На них были приняты окончательные тексты русских скаутских законов, заповедей, выработаны программы разрядов и, кроме того, были сделаны чрезвычайно интересные доклады, легшие в основу идеологии русского скаутизма.

В период войны отряды скаутов (разведчиков) создавались и при учебных заведениях, в гимназиях и училищах. Стал выходить раз в две недели журнал «Будь готов», в котором активно пропагандировалось скаутское движение. 29 мая 1915 г. в Петрограде во время кружечного сбора пожертвований, состоялось шествие детей-школьников с национальными флагами. Парадное шествие открывала стройная колонна скаутов Петроградской дружины¹. В конце 1914-1915 гг. возникают 1-й и 2-й Московские отряды юных разведчиков. В основном это были воспитанники средних учебных заведений. Большая часть детей были одеты в форму, принятую для бойскаутов: широкую, мягкую шляпу, блузу с погонами, заправленную в штаны, гетры, ремень, на груди знак разведчика². Появились отряды и в провинции: Баку, Вятке, Гомеле, Архангельске, Ялте, Анапе, Севастополе, Саратове, Пензе, Ставрополе, Симферополе, Риге, Владивостоке, Гомеле, Ростове на Дону, Екатеринославе и др. городах. К концу 1915 г. скаутское движение охватило 24 города.

Скаутами с письменного разрешения родителей становились юноши, преимущественно представители учащейся молодежи: гимназисты, реалисты, ученики частных гимназий. Семинаристов, юнкеров, мастеровых не было, как не было и мусульман, хотя никаких ограничений на этот счет не существовало. Скаутская форма одевалась только на сборы, а в повседневной жизни носилась форма своих учебных заведений и скаутский значок с лилией³.

¹ Фурс М.В. Скауты в дореволюционной России. М., 1996.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 20.

В отдельных случаях разрешалось организовывать отдельные команды «медвежат» и «волчат» из детей более раннего возраста, при условии некоторого отличия в форме одежды¹. 16 августа 1915 г. последовало утверждение устава Общества содействия мальчикам разведчикам «Русский скаут» и 16 сентября состоялось учредительное собрание общества.

Наиболее удобным покроем одежды разведчиков был признан принятый английскими бойскаутами с тем исключением, что в плохую погоду голые колени можно скрывать шароварами. Одежда должна была быть защитного или темно-синего, темно-зеленого или серого цвета. Снаряжение разведчиков составляли: мешок для провизии, пояс, посох, свисток, цветной шарф или галстук².

Из небольшого отряда петроградских разведчиков добрая половина из числа достигших 16 лет выхлопотала от родителей разрешение и отправилась добровольцами на фронт³.

В конце 1915 г. в «Новом времени» была напечатана телеграмма их Киева: «Организуется третий отряд юных разведчиков и первый отряд юных разведчиц, в который принимаются все желающие девицы с разрешения родителей от 12 до 18 лет. Желающих очень много»⁴. Затем организации девушек-разведчиц возникли в Петрограде⁵, в 1916 г. в Москве. Занятия в них велись по общей программе скаутизма с некоторыми дополнениями (уход за детьми, цветоводство, кулинарное искусство и домашнее хозяйство)⁶.

¹ Жуков И.Н. Русский скаутизм. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Пг., 1916. С. 14.

² Листок общества содействия мальчикам разведчикам «Русский скаут». 1915. № 1. С. 2.

³ Там же. № 3. С. 1.

⁴ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 422.

⁵ Жуков И.Н. Русский скаутизм. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Пг., 1916. С. 10.

⁶ Стрельников В.А. Патриотическое воспитание российской молодежи в начале XX века (1900-1914) // Патриотизм – духовный стержень народов России / Отв. ред. Г.А. Куманев. М., 2006. С. 149.

По вполне обоснованному мнению историка скаутского движения Ю. Кудряшева, к началу 1917 г. в стране насчитывалось около 20 тыс. скаутов в 115-120 организациях, а осенью их было около 25 тыс. человек¹. На втором съезде представителей скаутских организаций, состоявшемся 28 декабря 1916 г. – 1 января 1917 г. в Петрограде было рекомендовано организовывать секции «волчат» и «птенчиков», оставить для девочек название «герл-скаут», и в подражание «соколам» использовать обращение «брат» и «сестра»².

Программа занятий с девочками активно обсуждалась в царскосельском кружке членов «Общества содействия». Там же были выработаны ее основные принципы:

- придерживаться программы занятий с мальчиками-разведчиками;
- обратить серьезное внимание на физическое развитие, исключив из гимнастических упражнений все то, что признано вредным для девочек; при выборе системы гимнастики отдавать предпочтение подвижным играм;
- считать обязательным изучение всех разведческих игр;
- широко поставить дело помощи и самостоятельности дома и вне дома;
- шире, чем для мальчиков поставить изучение санитарного и кулинарного дела;
- считать желательной подготовку по разным специальностям;
- обучать сигнализации Морзе;
- уделять больше внимания работам в огороде и поле;
- обучать фехтованию;
- уделять почетное место водному спорту;
- обучать стрельбе в цель;
- устраивать экскурсии и летом лагеря.

В 1917 году девичьих отрядов стало значительно больше. Летом 1917 года для девочек-скаутов Царского села был устро-

¹ Кудряшев Ю. Российское скаутское движение. Исторический очерк. Архангельск, 1997. С. 130.

² Там же. С. 135.

ен лагерь в Царской Славянке, начальницей которого стала А.П. Цитович. Обязательным элементом программы был труд на огородах и ягодных плантациях.

Война преопределила многие направления деятельности русских скаутов, как мальчиков, так и девочек. Они участвовали в уличных денежных сборах в благотворительных целях; исполняли роль распорядителей и ближайших сотрудников при организации детских праздников; работали в госпиталях и встречали беженцев. Летом 1917 года царскосельские бой- и герл-скауты помогали на огородах, предоставленных властями солдаткам. Но был и чисто девичий вариант приложения своих сил и оказания «добрых услуг» – работа в детских садах, где было много сирот погибших воинов. По субботам и воскресеньям они ходили на окраины, к бедным, приносили подарки, помогали по хозяйству, играли с детьми¹.

Таким образом, вполне очевидно, что скаутское движение в России активно поддерживалось властями и общественностью, вбирая в себя лучшие черты европейского детского движения. В тоже время оно активно опиралось на патриотические страницы отечественного детского движения и самосознания населения.

¹ История движения девочек-скаутов в России // www.girlscout.ru

ГЛАВА 4.

НОРМА И ОТКЛОНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ДЕТЕЙ В НАЧАЛЕ XX В.

4.1. Детская преступность в период войн начала XX в.

Оценивая влияние Первой мировой войны 1914-1918 гг. на детскую повседневность, исследователи традиционно обращают внимание на такие ее проявления, как патриотические подвиги учащихся по сбору пожертвований, бегство детей на фронт, детские настроения. Между тем, проблемы девиантного поведения (детская преступность, проституция, алкоголизм, наркомания) детей и подростков в кризисные периоды Отечественной истории требуют специального научного анализа и изучения. Структуры военной повседневности отражали весь спектр противоречий общественной жизни и социокультурной атмосферы дореволюционного российского общества, являлись составной частью будней и праздников, работы и отдыха, семейных и социальных традиций, опыта прошлых поколений.

Девиантное поведение, девиантность (*лат.* *deviato* – отклонение) – это поступок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям. Термин «девиантность» как социальный феномен получил в последние годы широкое распространение в мировой литературе¹. По мнению Н.Б. Лебиной, норма и аномалия тесно связаны исторической антропологией и историей ментальности, а также с историей отклоняющегося поведения².

¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. М., 2000. С. 12.

² Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 19120-1930-е гг. СПб., 1999. С. 12-13.

Примечательно, что уже после русско-японской войны 1904-1905 гг. был отмечен сильный рост преступности. Детская преступность или преступность несовершеннолетних составляла с 1872 по 1912 гг. около 16-17% с максимальными колебаниями от 13 до 22%. Так, в 1904 г. она составила 20,5%, а в 1905 – 22,1% (для сравнения в 1902 – 13 %, а в 1904 г. – 18,5%)¹.

Очевиден был рост детских и юношеских правонарушений не только в России, но и в других европейских государствах². По мнению современников, в том числе судей детских судов (по делам о несовершеннолетних), война усилила поступательный рост детской преступности, отмечавшийся, хотя и в меньшей степени, еще задолго до начала войны.

Причинами роста детской преступности в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. по мнению современников являлись:

1) *Семейные условия*. Уход отца на военную службу. Это не обязательный упадок семьи, потому что были и казенные пособия, применение женского труда. Но важнее, что утрачивалась семейная дисциплина, которая держалась при отце. Таким образом, уход отцов во многом способствовал развития детской преступности и беспризорности³.

2) *Школьные условия*. Война нарушила весь строй школьной жизни, особенно в больших городах. Ряд училищных зданий занят под лазареты, и учебный процесс шел путем сдваивания или даже страивания отдельных училищ в одном помещении. Для этого приходилось сокращать время пребывания детей в школе, – иначе занятия затянулись бы до позднего вечера. При послеобеденных занятиях класс представлял собой толпу детей нервных, взвинченных и утомленных утренними впечатлениями, беготней по улицам и неизбежными драками с товарищами первой утренней очереди, устало сидящих в тяжелой атмосфере

¹ Василевский Л.М. Детская «преступность» и детский суд. Тверь, 1923. С. 54-55; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. М., 2000. С. 137-136.

² См.: Лилина З. Солдаты тыла. Женский труд до и после войны. Пг., 1918. С. 81-82.

³ Бахрушин С. Борьба с детской преступностью в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 5. С. 387.

плохо проветриваемого помещения. Позднее возвращение домой тоже имело ряд отрицательных последствий. Дети приучались весь день проводить на улице в игре в перышки, в драках.

3) *Условия труда* изменились и закрылись многие мелкие мастерские в связи с уходом хозяев на войну. На улицу было выброшено много подростков и детей. Опрос подростков в притонах Хитровского рынка в Москве показал, что 54% попали туда вследствие потери места – то есть увольнения¹.

4) *Уличные беспорядки* наблюдаемые в целом ряде городов сопровождались участием в них подростков. Когда осенью 1914 г. произошел первый антинемецкий погром в Москве, то кондитерские магазины разбивались даже учениками средних учебных заведений. Во время майского погрома 1915 г. в Баку, сопровождавшегося убийствами, официально были замечены подростки. Но главное не непосредственное участие в погромах, а в том моральном развращении широких масс подрастающего поколения, которое оно влекло за собой. Возможность громить и грабить, открытая продажа награбленного, беззастенчивое и откровенное пользование приобретенными благами..., полное смешение морально допустимого и недопустимого, все это надолго оставляло след на наиболее впечатлительной части участников беспорядков, – на детях и подростках². Война, по сути, усилила, ускорила поступательное движение детской преступности.

Большинство детей-преступников вставали на путь нарушения закона очень рано, с 8, 10, 12 лет³. Современники, исследовавшие развитие преступности в начале XX века констатировали, что преступность несовершеннолетних устойчиво росла с 1913 по 1916 гг. Эта тенденция особенно проявлялась в крупных городах. Так, в Петербурге количество дел в судах о малолетних выросло за эти годы с 1640 до 3217, в Москве – с 1514 до 3684⁴. По подсчетам Е. Тарновского за первые десять лет XX в. число

¹ Бахрушин С. Борьба с детской преступностью в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 5. С. 390.

² Там же. С. 395.

³ Гальперин В.И. Проституция детей // Дети-преступники: сб. статей / под ред. М.Н. Гернега. М., 1912. С. 81.

⁴ Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 376.

осужденных за преступления в возрасте от 10 до 17 лет возросло более чем в два раза. Автор признавал, что рост детской преступности есть явление общеевропейское, но увеличение числа осужденных несовершеннолетних в России за первое десятилетие XX в. являлось исключительным по высоте и не находило себе примеров в государствах Западной Европы¹.

В 1910 г. были открыты специальный детский суды в Санкт-Петербурге, затем в Харькове и Москве².

В камере у детского мирового судьи в Москве. Перед судьей.
Фото В.А. Быстрова.

В первые месяцы войны ими был зафиксирован небывалый рост детской преступности³. Так, за август, сентябрь и октябрь

¹ Тарновский Е. Движение числа несовершеннолетних, осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901-1910 гг. // Журнал министерства юстиции. 1913. № 10. С. 45-50.

² Тарновский Н.А. О суде для малолетних и введении его путем судебной практики. СПб., 1913. С. 59.

³ Левитский В. Из камеры судьи малолетних // Призвание и благотворительность в России. 1916. № 122. С. 10-62.

1914 г. по делам малолетних поступило 450 дел. В Москве мировой судья по делам малолетних заявил, что у него количество дел растет с каждым месяцем войны. В Петрограде число дел о малолетних нищих мальчиках увеличилось на 20%, девочках на 57%, а дела о кражах увеличились почти на 30%¹.

Большое количество малолетних в тюрьмах объяснялось в значительной степени особенностями российского дореволюционного уголовного законодательства. По этому законодательству не привлекались к уголовной ответственности лишь не достигшие 10-летнего возраста. Относительно обвиняемых 10-17 лет в общих судах ставился вопрос, действовали ли они при совершении преступления с разумением или без разумения. Даже при отрицательном ответе на вопрос подростки 14-17 лет могли быть направлены в особые помещения при тюрьмах и арестных домах на сроки по решению суда, но не более, как до наступления 18-летнего возраста. Вместо каторжных работ и на другие сроки, а также вместо поселения несовершеннолетние заключались в тюрьмы на срок от трех до восьми лет².

Дети-преступники. Обучение столярному ремеслу. Фото В.А. Быстрова

¹ Левитский В. Беспризорные дети и война // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 15.

² Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1952. С. 380.

Важно заметить, что число исправительных заведений для малолетних преступников было незначительным¹. Всего 41 заведение к началу XX в., через которые проходило в год около 4300 человек. По оценкам М.Н. Гернета, в общих камерах со взрослыми арестантами нередко можно было видеть детей в возрасте до 10 лет². Совместное пребывание несовершеннолетних и взрослых арестантов в одних и тех же камерах приводило к самым тяжелым последствиям. Для несовершеннолетних тюрьма становилась настоящей школой порока и дальнейшего развращения. Антисанитарные условия тюрем и их переполнение отражались на физическом состоянии детей и подростков сильнее, чем на взрослых. Недостаток воздуха, недоедание, холод способствовали ослаблению детского организма и юные преступники чаще являлись жертвами эпидемических заболеваний.

Дети, заключенные в тюрьмы, нередко становились объектами половых посягательств, в первую очередь, педерастии, процветавшей в тюрьмах. Дети показывали, что насилие над ними производили по 3-4 человека в ночь. Малолетнее жертвы педерастов носили название «плашкетов» или «маргариток». В отдельных случаях такое изнасилование детей в тюрьмах приводило к заражению их венерическими заболеваниями³.

Кроме того, тюрьма становилась для малолетних преступников хорошим «университетом» и многие из них в дальнейшем связывали свою жизнь с уголовным миром. Малолетний обычно заканчивал в тюрьме школу воровства, насиловался, заражался и превращался у типичного преступника. В 1914 г. к суду привлекались 29000 малолетних, вместо 20000 в прежние годы⁴.

Другим важным моментом увеличения детской преступности в связи с войной надо считать повышение возраста. По оценкам современников, «...с уходом на войну 18-летних, наши 14-15 летние мальчуганы заняли их места, почувствовали себя

¹ Мышкис В.С. Малолетние преступники в Петербурге. Пг., 1914 г.

² Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1952. С. 379.

³ Там же. С. 382.

⁴ Гогель С. К чему пришли на съезде в Москве по вопросам призрения детей // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 3. С. 123.

взрослыми, хозяевами, хотя глупость осталась детская. Дома они приняли развязный тон, матери грубят, не ставят ее ни в грош. Зарботки некоторых мальчиков доходят до 75-100 руб. в месяц и кружат им голову. Находятся товарищи более взрослые и сманивают в трактиры и биллиардные, половая жизнь начинается рано, заболеваемость на этой почве увеличивается. Есть мальчики 15 лет имеющие 2-х возлюбленных, которые обходятся им в 60 руб. в месяц¹. Попав в 14 лет во взрослые, не зная цены деньгам, не зная жизни, такие мальчики быстро переходили к кражам... На улице малолетние посещали трактиры, притоны. Здесь они пили чай, спускали деньги, играли в азартные игры. Хозяин трактира своих не выдавал, даже матери, которая со слезами на глазах приходила разыскивать своего ребенка. Дети ночуют на подстилках под бильярдом². Дети жили в атмосфере ругани, разврата, росли без ласки матери, не слыша теплого слова.

Общая дезорганизация жизни, отсутствие порядка, когда люди доходят до того, что кулаками пробивают себе дорогу в трамвай, сталкивая более слабых, и из-за очереди в «хвостах» убивают ударом бутылки по голове, показывают ненормальность, нервозность жизни, пробуждение низших инстинктов, сознание того, что жизнь обесценена, что «все можно», неуверенность в завтрашнем дне³.

По оценкам Д.К. Бородина, пьянство среди детей в начале XX в. пустило в России глубокие корни. Мальчики в возрасте 9-13 лет были уже знакомы с опьяняющими напитками. Виною тому в деревнях обычай подносить всем без изъятия и даже детям, пришедшим посмотреть на свадьбу⁴.

Современники отмечали, что нередкими были случаи когда сами родители угощали детей водкой или пивом, приговаривая: «Пусть мальчонка приучается, смолоду начнет пить – под старость она ему противной станет». Детвора служила предметом

¹ Огронович В. Положение беспризорных детей в Петрограде в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 1-2. С. 77.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 80.

⁴ Бородин Д.К. Пьянство среди детей. СПб., 1910. С. 16.

спора взрослых о том, кто кого перепьет, то есть Митька или Ванька, или наоборот¹.

9-11 мая 1915 г. в Москве проходило противоалкогольное совещание, на котором Д.П. Никольский отметил, что потребление спиртных напитков среди детей и учащихся все более и более возрастает, получив уже название детского алкоголизма. Процент пьющих среди школьников мальчиков колебался от 66 до 83 процентов, среди девочек от 45 до 79. Значительный процент пьющих встречался в возрасте 6-8 лет. Главными виновниками по ознакомлению детей со спиртными напитками являлись, по оценкам участников совещания, их родители, родственники, товарищи и т.п.².

Известный дореволюционный исследователь преступности Е. Тарновский отмечал, что в России во время Крымской войны 1853-1856 гг., Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., русско-японской войны 1904-1905 гг. число преступлений увеличивалось³. В 1918 г. этот же автор предпринял попытку анализа состояния преступности в период Первой мировой войны 1914-1918 гг., отметив, что с 1916 г. происходит новый всплеск преступности⁴. Примечательно, что, если преступность взрослых сократилась в целом более, чем в два раза, то преступность несовершеннолетних почти удвоилась. Отсюда их доля в общем числе осужденных повысилась в 1916 г. по сравнению с 1911 г. в четыре с половиной раза⁵.

Статистика преступности военной поры не сохранилась, но явно росли правонарушения малолетних, судя по отчетам особых мировых судов по делам о малолетних. В Петрограде за 10 месяцев 1916 г. преступность возросла в 2 раза по сравнению

¹ Бородин Д.К. Пьянство среди детей. СПб., 1910. С. 17.

² Термитин Ф. Противоалкогольное совещание в Москве 9-11 мая // Земское дело. 1915. № 13-14. С. 783.

³ Тарновский Е. Влияние войн на движение преступности // Журнал министерства юстиции. 1915. № 6. С. 86-87.

⁴ Тарновский Е. Война и движение преступности // Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918 № 1-4. С. 102-104.

⁵ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 90.

с 1913 г. В Киеве отмечалось повышение детской преступности в 1915 г. на 32% и в 1916 г. на 50%¹. Необходимо иметь в виду, что огромное количество совершаемых малолетними проступков не доходило до суда: виновные или оставались необнаруженными или потерпевшие ограничивались против них принятием мер домашнего воздействия, до классической порки включительно².

Таким образом, Первая мировая война 1914-1918 гг. оказала глубокое воздействие на повседневную жизнь детей и подростков, способствовала росту девиантного поведения, в том числе и криминальных проявлений в детском социуме. Конечно же, повышение уровня детской преступности уже в первые месяцы войны отмечалось во всех воюющих странах Европы, но в России отмечались самые высокие показатели вовлеченности детей в противоправные деяния.

По мнению Е.М. Балашова, преступность несовершеннолетних не только выросла количественно, но и начала принимать новые формы. Во многих городах отмечался рост числа убийств, совершенных детьми и подростками нередко по ничтожному поводу. Участились случаи грабежей и многие пригороды контролировались шайками малолетних. Наряду с этим ширилось и число обычных правонарушений несовершеннолетних, таких как кражи, хулиганство и другие циничные выходы³.

Структура детских правонарушений показывает, что имущественные преступления в годы войны составляли 83% (кражи, сбыт краденого, укрывательство, присвоение, мошенничество), нищенство и бродяжничество – 8%, остальные виды преступлений 9%⁴.

¹ Левитина М.И. (Маро) Беспризорные. Социология, быт, практика работы. М., 1925. С. 62.

² Левитский В. Очередные задачи общественного призрения детей в г. Киеве // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 3-4. С. 179.

³ Балашов Е.М. Школа в Российском обществе 1917-1927 гг. Становление нового человека. Санкт-Петербург, 2003. С. 152-153.

⁴ Левитина М.И. (Маро) Беспризорные. Социология, быт, практика работы. М., 1925. С. 74.

Анализ сословного и семейного положения малолетних преступников показывает ярко выраженное влияние их происхождения и социального положения на вовлечение детей в криминалитет. Так, по отчетам главного тюремного управления, не менее половины детей, поступивших в исправительные колонии или тюрьмы, были сиротами, полусиротами или внебрачными детьми, что как правило свидетельствовало об угнетающей семейной обстановке и тяжелых материальных условиях¹. После осуждения дети-преступники нередко становились рецидивистами. По наблюдениям современников, ребята рецидивисты были пропитаны уличным духом. Они отвыкали от труда, от порядка, легко возбуждались, сквернословили, грубили, рано привыкали к водке, к кокаину, рано начинали жить половой жизнью².

Статистические данные Петроградского мирового судьи по делам о малолетних выяснили, что 73% детей, обвиняемых в преступлениях, влекущих за собой тюремное заключение, являлись беспризорными³.

Первая мировая война породила и такое явление как беспризорность. К 1916 г. в России было более 2,5 миллиона беспризорных детей и подростков. Многие тысячи детей становились нищими, уличными побирушками. Среди них значительно выросла уличная малолетняя преступность, хулиганство и воровство. Дети привыкали к смене места жительства, их тянуло к путешествию. Ребенок привыкал к нужде, к тому, чтобы в случае нужды, продать сначала свою одежду, обувь, а потом, когда станет совсем голодно, взять и чужое⁴.

Воровство нередко отражало «рыночные» перспективы сбыта краденого. Так, после появления дефицита электрических лампочек и резкого роста цен на них, участились кражи детьми лампочек с целью последующей их продажи. И все же, почти

¹ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 87.

² Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. М., 1925. С. 70.

³ Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6-7. С. 725.

⁴ Левитина М.И. (Маро) Беспризорные. Социология, быт, практика работы. М., 1925. С. 58.

90 процентов несовершеннолетних осуждались за кражи и насильственное похищение имущества¹. Можно предположить, что тяжелые условия жизни, голод и неустроенность толкали детей к данным преступным проявлениям.

Интересно, что малолетние преступники украденные деньги тратили не на покупку хлеба или других необходимых продуктов питания, а на развлечения (посещение кинематографа, цирка, чайных и кафе). Причем дети-преступники легко сорили деньгами, а торговцы и хозяева заведений охотно принимали у себя этих «богатеньких» клиентов. С юными уголовниками всегда были почтительны лакеи и извозчики, ожидая весомых чаевых.

Криминализация отдельных сторон детской повседневности военной поры свидетельствовала о наличии серьезных конфликтов и противоречий не только между поколениями, но и в средствах воспитания и социокультурном развитии российского детского социума в целом.

Специального рассмотрения заслуживает рост хулиганских проявлений среди несовершеннолетних в период войны. Необходимо заметить, что на развитие хулиганства в среде детей и подростков указывали в годы войны почти все современники. Особенно заметно было развитие этого явления среди сельской молодежи. Однако уголовное законодательство дореволюционной России не имело соответствующей статьи (она впервые вошла в уголовный кодекс только в 1922 г.)². В феврале 1918 г. съезд русской группы Международного союза криминалистов признал невозможность введения в законодательство понятия хулиганства, как самостоятельного деликта, в виду разнообразия его бытового содержания³.

Понятно, что и в довоенное время страницы газет и журналов пестрели заметками о хулиганстве. Так, в феврале 1912 г.

¹ Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 87.

² Первое упоминание в советском законодательстве о хулиганстве относится к декрету о революционном трибунале (4 мая 1918 г.). См.: Хулиганство и хулиганы: сб. М., 1929. С. 11.

³ Хулиганство и хулиганы: сб. М., 1929. С. 16.

было созвано особое совещание губернаторов для выработки мероприятий по борьбе с хулиганством. Было выработано решение, которое отражалось в обязательных постановлениях губернаторов: штраф до 300 рублей и арест до трех месяцев за:

- 1) озорство и бесчинство, вызывающее недовольство окружающих;
- 2) назойливое приставание к кому-либо или иное действие, нарушающее свободу движения или передвижения;
- 3) озорная порча и истребление чужого имущества;
- 4) появление в публичных местах и помещениях в заметном для окружающих нетрезвом виде;
- 5) вторжение против воли или без ведома других, в их жилье, во двор, в усадьбу и пр.;
- 6) пребывание в этом помещении и местах вопреки требования хозяина¹.

Учитывая слабое развитие правосознания и привычки к исполнению правовых норм, можно отметить рост нигилизма, противоречий в самореализации детей и подростков в предвоенные годы. Такая накопившаяся энергия находила проявление в озорных выходках, буйствах, бесчинстве, что получило, копируя иностранную практику понятие «хулиганство».

Психологи подмечали, что корни группового хулиганства были заложены в особенностях психологии молодого возраста. С 13-14 лет в мальчиках наблюдалась тяга к образованию небольших замкнутых коллективов, которые тяготели к авантюрным проявлениям. Знакомые с детства образы пиратов, разбойников, солдат, отважных путешественников, смелых авантюристов давали образцы для подражания. Дети и подростки начинали пробовать свои силы по отношению к социальной организации и общественным отношениям. Основное переживание ребенка и подростка в этот период – стремление к самоутверждению и самореализации. Фактически война сформировало у многих подростков чувство вседозволенности и безнаказанности. Современники отмечали ухудшение кри-

¹ Утевский Б. Хулиганство в эпоху 1905-1914 гг. // Хулиганство и хулиганы: сб. М., 1929. С. 31.

миногенной обстановки среди детей и повсеместное развитие хулиганства.

Духовенство в своих отчетах констатировало, что к 1916 г.: «...Уход на войну людей зрелого возраста, домохозяев, фактически распорядителей и блюстителей, породил среди оставшейся молодежи ничем не сдерживаемое самовластие и своеволие, с оттенком бесшабашности и озорства... Непочтительность к старшим, грубые шалости стали обычном явлением среди подростков. Борьба с этим злом крайне трудна и мало результативна»¹. По оценкам специалистов в хулиганских преступлениях часто лежали элементы бессмысленности и озорства, а большинство хулиганских проявлений сопровождалось алкогольным опьянением. В этом смысле нечеткое исполнение требований «сухого закона» усугубляло криминогенную обстановку и разгул преступности в период Первой мировой войны 1914-1918.

Подводя итоги, можно отметить, что война деформировала не только повседневную жизнь малолетних россиян, но и во многом сформировала особый тип поведения и правового ниглизма, сознания вседозволенности и стереотипы агрессивности и раскрепощенности. Криминальные опыты калечили души и сердца детей, способствовали нравственному опустошению и создавали почву для развития преступности в России и в послевоенный годы.

4.2. Детская проституция в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг.

Под проституцией (лат. *prostituere* – выставлять публично) понимается вступление за плату в случайные, внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении². Детская проституция представляла собой наиболее травматичную и унижительную форму эксплуатации женского тела.

¹ Земцов Б. Н. Революция 1917 г.: Соц. предпосылки. М., 1999. С. 212.

² Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. М., 2000. С. 59.

Особую опасность, несомненно, представляла неофициальная детская проституция, особенно развитая в столице империи – Петербурге. Обследования домов милосердия в 1910 г. показали, что проституция среди малолеток значительно превзошла по количественным показателям Западную Европу. Имелись даже случаи «ночной работы» детей с 7 лет. По некоторым данным, в числе тайных проституток Петербурга дети 10-12 лет составляли более 10%. Спрос на услуги малолеток стремительно возрастал. Торговали детьми так называемые «тетки-комиссионерки», выдававшие девочек за своих племянниц, а также проститутки, подбиравшие бездомных девочек.

Конечно, вовлечение малолетних в торговлю любовью – в целом явление не новое и не уникальное в истории. Но все же в России этот промысел приобрел особый размах именно в начале XX в. Девочки, торгующие собой, представляли наиболее безразличную в нравственном отношении категорию проституток. Многие продавались за коробку конфет.

Замечу, что резкий рост детской проституции встревожил современников военной эпохи. Не случайно, первые работы о детях-проститутках, развитии венерических заболеваний среди подростков, появились в военные годы¹. Врачи, журналисты, педагоги били тревогу по поводу раннего вовлечения подростков в сексуальные отношения, пытались объяснить причины и результаты детской проституции. Практически все они признавали, что вовлечение детей в продажу своего тела существовало и до войны.

В предвоенные годы проституирование девочек-подростков объяснялось сиротством и неблагополучием в семье. Сексуальные травмы юности сильно провоцировались распадом семейных связей, поэтому круглые сироты давали большой процент проституток, многих из них приучали к промыслу с 8-12 лет. При вечерних полицейских обходах бань, гостиниц, ночлежных

¹ Проституция, война, половые болезни // Русский журнал кожных и венерических болезней. 1915. № 4-6; Шеперович М.В. Как не следует бороться с проституцией // Медицинский современник. 1915. № 16; Левитский В. Из камеры судьбы малолетних. Очерки // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 1-2; Его же. Дети-проститутки в дни войны // Вестник воспитания. 1917. № 2.

домов часто попадались проститутки от 11 до 15 лет. При опросах выяснялось, что это дети бедных родителей, часто сироты, полусироты, незаконнорожденные или неизвестного происхождения¹. Причем, подростковая сексуальная коммерция продолжала отчасти оставаться явлением наследственного характера – продавали себя дети проституировавших ранее женщин, подражая примеру матерей и нередко по их инициативе. По мнению петербургских исследователей данной проблемы Н.Б. Лебиной и М.В. Шкаровского, в дореволюционном Петербурге нередко сами родители отправляли дочерей на улицу, ссылаясь на крайнюю нужду, отсутствие кормильца, безработицу. Путь на панель нередко начинался с насилия, которому девочка подвергалась со стороны отчима или других родственников. Психика таких детей, как правило, была серьезно нарушена².

Другие исследования подтверждали эту картину. Врач-психиатр П.Н. Тарновская, которая изучала антропометрические, биолого-физиологические показатели взрослых «кадровых» проституток, признавала, что многие из них с раннего детства испытывали сексуально психологические травмы. В проституцию ловили часто на пороге самостоятельной жизни, раннее дефлорирование (почти 90% до 18 лет) и ранняя регулярная половая жизнь (она начиналась обычно с 13-17 лет) делали свое дело. Не случайно почти четверть проституток начинали заниматься своим промыслом с юного возраста до 16 лет³.

Современники признавали, что бедность и скученность расселения семей способствовали раннему половому «просвещению» детей. В деревне в единственной комнате избы набита не только вся большая семья, но в зимнее время и домашние животные. Еще хуже были повседневные реалии в городских угловых квартирах, ночлежках и трущобах. В избе спят родственники, члены одной семьи. В углах совершенно разные, чужие друг

¹ Елистратов А. Задачи государства и общества в борьбе с проституцией // Публичные лекции. М., 1911. С. 42-43.

² Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге 90-е гг. XIX в. 40-е гг. XX в. М., 1994. С. 68.

³ Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб., 1998. С. 36.

другу люди. Дети и подростки тут знают все и видят все. Отношения полов иллюстрируются перед ними часто и откровенно. Самые несдержанные бесчинства разврата проходят как нечто привычное и нормальное¹. Девочки привыкали к такой обстановке и скоро теряли стеснительность и стыдливость.

Среди детей рабочего населения особенно больших фабричных городов бродяжничество детей очень развито. В то время, когда родители и родственники находятся на работе, дети остаются без призора на улице, вместо школы, в которую они отправляются, забавлялись играми. Бывали случаи, когда матери гоняли гнали своих детей на улицу попрошайничать у прохожих. Улицы нередко изобиловали подростками-девочками, пристающими к публике с денежной помощью; можно встретить и таких из них, которые навязывают всякому какие-либо ничтожные вещи, игрушки, цветы и т.п. Красивые девочки заманивались развратниками, растлевались, еще не успев развиться физически, и затем становились проститутками².

Причины раннего проституирования были различными, но часто девочки рассказывали довольно схожие истории своего вовлечения в «разврат». В исследовании доктора Б. Бентовина приводится рассказ Степаниды, которая в 14 лет прибыла в Петербург из Новгородской губернии. Устроилась нянькой, несколько раз меняла места. Затем на нее обратил внимание старший дворник того дома, где она жила. Угрожая ей за просрочку паспорта, он насильно добился близости и заразил ее сифилисом³. Нередко девочки 10-12 лет, отдаваемые на обучение «в мастерство» (обучение швейному делу) являлись объектами побоев, постоянного переутомления и недоедания. Постепенно они втягивались в занятие проституцией под покровительством «дядечки» и затем уже пополняли ряды «жриц любви».

С детской проституцией старались активно бороться журналисты, врачи, общественные деятели и деятельницы в предво-

¹ Бентовин Б. Торгующие телом // Русское богатство. 1904. № 11. С. 99.

² Сабинин А.Х. Проституция. Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции. Историко-профилактический этюд. СПб., 1905. С. 88.

³ Бентовин Б. Торгующие телом // Русское богатство. 1904. № 11. С. 84.

енные годы. Выходили статьи и книги, осуждавшие детский разврат и вовлечение несовершеннолетних (а им по законам Российской империи считался человек в возрасте до 21 года) в занятие проституцией, возникали различные общества с целью «защиты женщин от эксплуатации в целях разврата»: «Общество попечения о молодых девицах», «Дом милосердия для падших женщин» и др.

Все выше приведенные сведения позволяют говорить о том, что проституирование детей в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. не было явлением уникальным и неожиданным в жизни российского социума. Оно отражало черты развития российского государства и общества, слабость социальной защиты малообеспеченных слоев населения, а также рост мобильности, разрыв традиционных семейных, профессиональных, социокультурных связей, люмпенизацию и маргинализацию населения Российской империи.

Начавшаяся в 1914 г. мировая бойня, выявила значительный резерв проституции, как со стороны беженцев и вынужденных переселенцев, перемещенных из западных районов страны, так и взрыв малолетней проституции. Одной из причин вовлечения детей в торговлю своим телом являлось ослабление в семье мужского контроля, так как многие отцы и братья были призваны в армию. Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что материнский надзор над детьми также резко ослаб из-за необходимости для женщин-солдаток искать средства к жизни и наниматься на работу. Таким образом, нарушившиеся внутрисемейные связи и резкое ухудшение экономического положения солдатских семей приводили к росту сексуальной эксплуатации детей.

Учитывая, что города, являясь центрами мобилизации мужчин на войну и местом расположения запасных частей армии, можно констатировать значительный рост и потенциальных «потребителей» услуг продажных женщин. Фактически военный быт способствовал развитию внебрачных половых связей, росту венерических заболеваний и возрастанию рядов проституировавших женщин. Девочки-подростки охотно расхватавались «мадами» из публичных домов и притонов, а также вливались в ряды преступных группировок. Часто занятия прости-

туцией сопровождалась для девочек-подростков кражами, игрой в карты, пьянством. В скверах и садах, около театров и кинематографа, просто в уличной толпе российских городов были заметны девочки-подростки, предлагавшие свое тело первому встречному. В кафе, ресторанах и гостиницах было полно предложений малолетних проституток со стороны сутенеров, а нередко и администрации заведений¹.

Криминалитет охотно использовал возможность «продажи» детского тела и существовала целая сеть притонов бездомных подростков, промышлявших проституцией. Такие бездомные дети ночевали по кладбищам, постоянным дворам и ночлежкам. Примечательно, что прибыльность сексуальной эксплуатации малолетних породила и особый вид фальсификации – подделку совершеннолетних проституток под малолетних.

В отчете Врачебно-полицейского комитета за 1914 год указывалось: «Что касается малолетних, задержанных на улице полицией за приставанием к мужчинам и доставляемых в комитет, то таковых комитет надзору не подчиняет, так как это не дозволено законом, а передает их посредством той же полиции родителям или их родственникам. Но так как последние часто толкают девочек на разврат с корыстной целью, то эта мера оказывается мало действенной»².

По мнению В. Левитского, абсолютное большинство бездомных девочек торговали собой не из-за голода, а скорее под влиянием беспомощности и незащитности в профессиональном и правовом положении, а также отношении к ним как возможным объектам сексуальной эксплуатации. Военная повседневность приводила к тому, что на промышленных предприятиях игнорировалось нормирование рабочего дня, постановления о нормальном отдыхе малолетних работниц. Детей заставляли работать, сколько хотел работодатель. Заработная плата устанавливалась произвольно при «добровольном соглашении» самими малолет-

¹ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 241.

² Детская проституция: мифы и реальность // Ленинградская правда. 9 июля. 2003.

ними девочками. Всякое улучшение положения малолетних работниц обуславливалось обязательным предоставлением ими своего тела мастеру. В «модных» мастерских все было организовано в расчете на «побочный заработок» несчастных учениц. В столовых, кафе, гостиницах, а нередко и в частных домах, девочка-прислуга должна была быть в тоже время и проституткой.

Серьезные нарушения психики и нервные заболевания были распространены среди малолетних проституток, которые отличались повышенной впечатлительностью, нередко мечтали о самоубийстве. Иногда пробовали выпить ядовитые вещества, чаще в не смертельных дозах. Такие девочки часто теряли и вновь приобретали привязанности, хотели, но не могли довести до конца начатую работу. У них часто менялось настроение, и они очень любили общество, развлечения, игры, были тщеславными и самолюбивыми. Большую роль в жизни малолетних проституток играла внешность и наряды. Они часто совершали опрометчивые поступки, а потом часами плакали и раскаивались в этом.

Соседи и ее близкие нередко говорили о таких детях: «Это маленькая девочка с большим кошельком». И этот ее кошелек они стремились у нее выманить, выкрасть или отнять¹. Очевидно, что деньги были важной козырной картой юных куртизанок. Не случайно, таких «барышень» очень любили в гостиницах, с ними всегда были почтительны лакеи и извозчики. Многие матери не противились из-за хороших заработков занятиям дочерей проституцией. Деньги порой определяли и правовое положение проститутки. Ей был не нужен паспорт, так как всегда можно было подкупить полицию. Ей не обязательно было прописываться, потому что она всегда могла уехать. Ее даже уважали за ее деньги и возможность удовлетворять капризы, быть первой среди подруг.

Стоит признать, что отмечавший рост детской проституции был не только российским явлением, а носил общеевропейский характер. Подобные явления отмечались практически во всех воюющих государствах. Но все же, в отличие от России, на Западе была достаточно отлажена система помощи бездомным

¹ Левитский В. Дети-проститутки в дни войны С. 172-175.

детям и девочкам-подросткам, занимавшимся торговлей своим телом, существовали многочисленные приюты и колонии для малолетних преступников, была развита общественная помощь и благотворительность. В России же в условиях войны система реабилитации детей-проституток фактически отсутствовала. Если полиция и задерживала девочку-проститутку, то после допроса ее часто возвращали под надзор родителей, которые нередко и провоцировали детей на занятие проституцией.

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что первая мировая война привела к оттоку взрослых проституток поближе к фронту и на места, освобожденные взрослыми встали подростки и даже дети¹.

И хотя в печати часто писали о важности борьбы «с ранней испорченностью», но до реальных дел дело почти не доходило. Лишь в Петрограде, Москве, Киеве и еще нескольких крупных городах силами общественных организаций и отдельных благотворителей были устроены дома милосердия, убежища и детские колонии. В ряде городов империи возникли Особые суды по делам малолетних. Свои отделения стремилось развернуть и общество Защиты женщин, однако в целом это не влияло на ситуацию с девиантным поведением малолетних проституток. Все также по городам раздавались крики уличных девочек, которых тащили городские. Детей продолжали гонять по этапам, содержать в общих камерах при полиции, в тюрьмах и арестных домах. Государство фактически ограничивалось мерами пресечения преступлений, но не их профилактикой и предотвращением.

Провинциальные газеты 1917 г. отмечали чрезвычайное развитие по городам детской проституции. Мировой судья Никулин сообщал, что в Одессе только за март прошло через камеру более 200 девочек проституток в возрасте от 10 до 16 лет. Из них половина оказалась больными венерическим заболеванием. Однако в Одессе не было ни общежития, ни приюта, куда эти дети улицы могли бы быть помещены². Кроме девочек про-

¹ Князькин И.В. История Петербургской проституции. СПб., Балтика, 2003. С. 240.

² Новое время. 1917. 27 августа.

ститутки имелись и мальчики-педерасты, которые за деньги предлагали свое тело желающим¹.

Власти и общество с тревогой констатировали, наряду с ростом детской проституции, увеличение числа кокаинисток, сторонниц лиг любви и т.п. Все же конкретных шагов и продуманной государственной политики, общественной инициативы по данным проблемам не было. Военно-мобилизационная деятельность определяла вектор взаимоотношений человека и государства, не оставляя шансов для решения злободневных и острых общественных противоречий. Революционные потрясения 1917 г. и гражданская война лишь обострили состояние детской проституции, с которой пришлось уже бороться новой власти в Советский России.

4.3. Детская беспризорность в условиях военной повседневности

Необходимо учитывать, что беспризорные дети 20-х гг. XX столетия являлись представителями военного поколения, с молоком матери познавших тяготы военной повседневности. Беспризорность губила и детей из богатых классов общества. В суд для малолетних были доставлены 3 гимназиста. Учились хорошо, отец ушел на войну, матери часто не было дома. Одни из них подделывал чеки: «Мне очень тяжело и стыдно, я не могу вернуться в гимназию, не могу оставаться в домашней обстановке, потому что знаю, что мне не справиться, я слаб волею. Хочу все переменить – уехать на войну и там или я погибну от пули, или найду свое спасение»².

По справедливому мнению В.Ф. Залесского преступность среди детей являлась прямым последствием беспризорности. Беспризорными детьми являлись в собственном смысле сироты и дети, покинутые родителями. От беспризорности отличалась

¹ Левитина М.И. (Маро) Беспризорные. Социология, быт, практика работы. М., 1925. С. 71. Мещерский Г.И. Программа чтений по венерическим болезням. М., 1921. С. 5.

² Огронович В. Положение беспризорных детей в Петрограде в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 1-2. С. 73.

нравственная беспризорность, когда родители допускали или даже принуждали детей заниматься нищенством, бродяжничеством и проституцией¹.

В России законодательства о беспризорных совсем не было, как не было возможности лишить родительской власти за неисполнение родительских обязанностей и нет законов о принудительном воспитании. Родительская власть – по статье 178 законов гражданских – «прекращается единственно смертью естественною или лишение всех прав состояния, когда в последнем случае дети не последуют в ссылку за своими родителями»².

Очевидцы свидетельствовали, что в больших городах среди вокзалов и базаров росло много детей неизвестно откуда взявшихся, неизвестно кому принадлежавших. Некоторые из них были привезены из деревень и брошены в городе на произвол судьбы, другие остались круглыми сиротами после смерти родителей, третьи, наконец, совсем ничего не знают о своем происхождении. Кормились они около базаров, воровали и просили милостыню, ночевали по ночлежкам и чайным, когда есть деньги, по общественным клозетам и сорным ящикам, когда денег не хватало. Временами их арестовывали, и снова отпускали для прежней жизни в виду малолетства, только в 10 лет они попадали в суды для малолетних³.

Кроме того, на основании 993 и 1588 статей «Уложения о наказаниях», за «умышленное развращение нравственности детей, а ровно и за потворство, также с намерением их разврату», родители – кроме наказания – «лишаются навсегда права иметь над малолетними и несовершеннолетними надзор», то есть в сущности лишались родительской власти⁴. Принудительное воспитание применялось к малолетним преступникам.

¹ Залесский В.Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916. С. 526.

² Там же. С. 554.

³ Гинзбург Е. Условия попечительской работы (III глава из отчета Особого суда для малолетних в Киеве за 1916 г.) // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 6-7. С. 500-552.

⁴ Залесский В.Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916. С. 551.

До 1897 г. по статье 137 «Уложения о наказаниях» дети, которым более семи, но менее десяти лет от роду, не подвергались определенному в законах наказанию, а отдавались родителям или благонадежным родственникам для домашнего исправления. То же правило распространялось и на детей от 10 до 14 лет, если они признавались действовавшими без умысла¹.

В предвоенное десятилетие жители больших городов часто имели возможность видеть таких беспризорных детей, бездомных, слонявшихся по улицам. Народная молва окрестила их: ни-чи-и дети. У некоторых запасных солдат, уходивших на войну, серьезно болели жены или они были вдовцами и им не на кого было оставить своих детей. Таких детей помещали в приюты, которые открывались как правило в крупных губернских городах².

Воспитанницы приюта, организованного Обществом помощи бесприютным и беспризорным детям призванных на войну, доят коров.

Новгородская губерния, ст. Торбино. Фотограф Булла. Август 1916 г.

¹ Залесский В.Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916. С. 552.

² Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6-7. С. 666.

Воспитанники с козами и козлятами на лугу вблизи приюта, организованного Обществом помощи бесприютным и беспризорным детям призванных на войну, доят коров. Новгородская губерния, ст. Торбино. Фотограф Булла. Август 1916 г.

Одним из самых тяжелых последствий войны было детское сиротство. Тотальный характер Первой мировой войны отражался в том числе и огромным увеличением числа сирот. Дети, лишались своих отцов, взятых в армию и часто лишались и единственного кормильца семьи. По сути, как указывали современники, сиротство таких детей начиналось уже с того момента, как отец уходил на войну, так как общественная помощь, заменяющая заработок отца, не всегда была организована. Матери были вынуждены отдаваться работе вне дома, искать заработок, и дети оставались без призора, становились беспризорными¹.

Некоторые семьи перебивались до войны поденным, случайным заработком (ремесленники, мелкие торговцы, служащие) и война заставила их перестроить весь уклад жизни². Дру-

¹ Афанасьев Г.Е. Введение к беседе на тему «Дети и война» // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 1.

² Малиновский Н.П. Дети запасных // Призвание и благотворительность в России. 1914. Октябрь-ноябрь-декабрь. № 8-9-10. С. 1090.

гие уехали из городов в деревни, чтобы там при помощи родных переждать трудное время. Такие семьи сокращали до последней степени свой бюджет, лишив детей теплой одежды, обуви, перестали посылать их в школу, стараясь пристроить для помощи по дому или на работу. Часть семей призванных на войну могла рассчитывать лишь на помощь правительства и благотворительных организаций.

Выдача пособий в комитете 3-го Городского Попечительства о бедных.
Фотограф Булла (1915-1916 гг.)

Наибольшее влияние войны сказывалось на детях-подростках. Дело в том, что родители нередко уже были не в силах держать их у себя. Многие оказались лишены не только поддержки, но и всякого надзора. Маленькие дети (до 11 лет) попадали в очаги и дневные приюты, дети более старшего возраста лишались связи с семьей, выталкивались на улицу, должны были сами заниматься поиском хлеба насущного. Переходный возраст 13-14 лет был очень опасен для детей. Им в это время была бы важна поддержка и надзор старших. Большинство детей оканчи-

вали начальное образование, поступали к ремесленникам, начинали работать в различных промышленных предприятиях, магазинах, конторах. Часто дети, попав в незнакомую обстановку, бежали, ходили по соседям, укрывались у знакомых. Причины этих побегов были различны. Иногда это был сильный протест против жестокого обращения или плохого питания, дурного влияния товарищей. Иногда это был просто детский страх. «Я увидел, что машина крутится, так и убежал», рассказывал один из таких бегунов¹.

Главными приманками улицы были: заработок газетчика и веселая компания. Мальчики-газетчики скоро превращались из ребенка в развязного хулигана. Резкой бранью отвечали они на уговоры матери вернуться домой. Бывали случаи, когда такой зазнавшийся подросток, заплатив за квартиру, говорит матери: «Смотри! Я теперь первый в доме человек». Большие размеры заработка газетчика способствовали полной эмансипации его от родительской власти. Иногда даже наблюдались случаи подчинения родителей детям, от которых они экономически зависели. Иногда родители заставляли детей заниматься разными видами розничной торговли на улицах с 6 лет².

Легкость заработка газетчика разрушало сложившееся трудовое мировоззрение, приводило детей к выводу, что всякую другую работу надо бросать. Предоставленные сами себе, поставленные в неблагоприятные условия, благодаря постоянному пребыванию на улице, ночной торговле и неопределенности заработка, газетчики скоро начинали тяготиться домашним укладом, с его определенным расписанием дня и ночевать у товарищей или по притонам или совместным квартирам. Дети начинали играть в орлянку, в пристенку и др. игры газетчиков, а по вечерам выясняли отношения в драках и творили безобразия³.

¹ Левитский В. Беспризорные дети и война // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 10.

² Левитский В. Очередные задачи общественного призрения детей в г. Киеве // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 3-4. С. 182.

³ Левитский В. Беспризорные дети и война // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 11.

Как же питались эти дети-газетчики? Их опрос показал, что питание их было однообразным. Ответы почти всегда были такими: «больше всего покупаю пирожные», «не обедаю, ем хлеб и яблоки», «никогда дома не ем, покупаю хлеб и пирожные», «утром купил фунт хлеба и 2 огурца и на 78 копеек пирожных и шоколадных шариков» и т.п.

Стали появляться притоны, где дети-газетчики ночевали на общих нарах, проигрывали не только деньги, но и последнюю одежду. Некоторые предприниматели стали давать газетчикам деньги под чудовищные проценты и выманывать у них все заработанные деньги.

Карьера газетчиков часто заканчивалась печально. Привыкнув к толпе, мелким обманам, легкой наживе и дурной компании, узнав, что секрет успеха в ловкости и проворстве, «что работают только дураки, не понимающие веселой и интересной жизни», газетчики начинали пробовать счастья в краже. Часто первые кражи совершались для развлечения, на спор, по уговору товарищей, и только затем становились обычным занятием. Более половины уличенных в карманных кражах в Киеве подростков на вопрос о занятиях отвечали: «торговал газетами»¹.

Конечно же, на увеличение числа беспризорных детей влияли и другие факторы. Первое место среди них занимало бегство. Много детей, бросив насиженные места, попадали в тыловые регионы России. Было немало случаев, когда в города из деревни попадали дети 13-15 лет, так как после ухода на войну отца, им незачем было находиться в деревне и они надеялись найти применение своему труду в городе².

Следует признать, что общество не было равнодушным к нуждам бездомных. В Москве было организовано Бюро по приисканию занятий, которое организовала Великая княгиня Елизавета Федоровна. Существовали ночные приюты, коечные квартиры, бюро труда, трудовые артели разносчиков, столяров,

¹ Левитский В. Беспризорные дети и война // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 12.

² Там же. С. 13.

сапожников и пр. Но специальных учреждений для бездомных и беспризорных детей не было¹.

Так, в Киеве только после начала войны было организовано Трудовое убежище для детей запасных Киевского патроната, в котором девочки от 12 до 17 лет имеют полное содержание и обучаются шитью белья, а более способные из них, крою и рукоделиям. Мальчики в том же убежище только ночевали, а работали на стороне. Работу им давало бюро труда для детей запасных. За три месяца своего существования бюро имело 450 клиентов. Мальчиков и девочек устраивали на работу к ремесленникам, в конторы, магазины, торгово-промышленные заведения, в качестве прислуги у частных лиц. Некоторых детей бюро снабжало теплой одеждой и обувью. Но само общество существовало на частные пожертвования².

Вполне очевидно, что проблема детской беспризорности была особенно острой в военные годы, одна власти не принимали адекватных мер по оказанию помощи таким брошенным детям, что способствовало росту безнадзорности, преступности и криминализации детей и люмпенизации поколения военной поры.

4.4. Дети-беженцы в период Первой мировой войны 1914-1918 гг.

Беженцы являлись одной из самых наиболее уязвимых категорий населения России военной поры, а дети-беженцы подверглись не только губительному влиянию военной повседневности, но и сполна испытали горести и тяготы, лишения и страдания Первой мировой войны.

Из всей массы детей-беженцев можно выделить несколько категорий: 1) те, кто умирали, не выдерживая тягот и трудностей после ухода из дома; 2) те, кто заболели и имели позже

¹ Левитский В. Беспризорные дети и война // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 17.

² Там же.

значительные проблемы со здоровьем; 3) дети, потерявшие в дороге своих близких, осиротевшие и потерявшиеся. Дети видели картины опустошения и разорения, убитых и раненых, нередко бежали с родных мест под градом сыпавшихся снарядов¹.

Шнейдер А.П. Молитва беженцев галичан.

Пг.: Комитет Е.И.В. великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, между 1914 и 1917. Цветная автотипия; 14 x 9 см.

Э ОИр638к/1-13898, инв. 206727

Беженство 1915 г. приводило к тому, что многие семьи разъединялись, а дети терялись. Такие осиротевшие или временно потерявшие родителей дети попадали в приюты общест-

¹ Борис Фроммет. Борьба с «военной» психологией // Свободное воспитание. 1916-1917. № 6. С. 38.

венных учреждений, благотворительных обществ, к отдельным частным лицам и к различным войсковым частям¹.

Современники признавали, что самой хрупкой группой беженцев являлись дети, многие из которых затерялись в сутолоке беженского движения и еще больше осиротело. Тяжелые, часто губительные даже для взрослых, условия жизни беженцев представляли особенно благоприятную почву для развития детской заболеваемости и смертности. Ночевки в поле в холодные осенние ночи, непригодная для детского организма грубая пища, выдаваемая на питательных пунктах, изнурительная жизнь в продолжении месяцев в повозке, и наконец, грязь, как необходимое следствие кочевой жизни, – все это способствовало развитию эпидемий и болезней среди детей. Росла детская смертность².

При спешной эвакуации, при том беспорядке, который царил на железных дорогах, при стихийности движения и при скоплении населения стали наблюдаться многочисленные случаи разъединения семьи, потери отцом или матерью детей и т.п. В Москву с северо-западного фронта прибывали поезда с беспризорными детьми. По путям следования поездов с беженцами стали создаваться ясли-приемники, куда стали свозить сирот и потерявшихся детей. Затем детей направляли в приюты и карантин³.

Отдел по устройству беженцев Всероссийских Земского и городского союзов с самого начала своей деятельности по прирению детей установил особую систему их регистрации, что дало ему возможность издать три печатных списка детей-сирот и потерянных родителями. В эти списки вошло свыше 11000 детей, помещенных в приютах, основанных в различных местах преимущественно по почину земцев.

¹ Щербинин П.П. Дети-беженцы: страдания, лишения и болезни (1915 и 2015 гг.) // Национальная безопасность в условиях глобализации: средства и способы реализации: III международная INTERNET-конференция (Тамбов, 4 июня 2015 г.). Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2015. С. 15.

² В.К. Заботы о детях беженцев на Юго-Западном фронте // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 4. С. 276.

³ Там же. С. 280.

В 1917 г. Отдел по устройству беженцев опубликовал список более 1000 детей, которые были потеряны родителями. Эти сведения были взяты со слов беженцев, разыскивавших своих детей¹. Наиболее типичными причинами потери детей были: «отстал на станции», «взят сестрой милосердия», «остался на попечение односельчан», «попал в солдатский обоз», «сдан в приют для беженцев» и др.

В списках публиковались и имена детей, которые не знали своих фамилий. Так, например: «Вера Наумовна, 6 лет, Гродненской губ., Слонимского уезда, села Долгое. Находится в Переяславле-Залесском, Владимирской губ., Федоровском женском монастыре»².

Власти принимали возможные меры к социальной адаптации беженцев и особенно детей. Учителя с удовольствием отмечали, что их воспитанники чутко реагировали на нужды детей-беженцев и помогали им. «Где же мы дети посадим новенького,

¹ Список детей беженцев, разыскиваемых родными через посредство Отдела по устройству беженцев Всероссийских Земского и городского Союзов. М., 1917. С. 2.

² Список детей беженцев: сирот и потерявших родителей. Всероссийский Земский и городской союзы. Отдел по устройству беженцев. Вып. 1. Январь 1916. С. 45.

Ведь у нас совсем нет свободного места» – обращается учитель к ребятишкам. «Да мы сами сядем ближе друг к другу, вот и место» – заявляют карапузы. Не хватает или книг, или ручек. Детишки и тут приходят на помощь. Федя с Володей уговорились учиться по одной книжке, а освободившийся учебник отдали новому товарищу. Маня Сулова решила нынешнюю зиму писать старой ручкой, а свою новую белую ручку с голубыми цветочками отдать Т. Нэцкович¹.

Значительная часть детей теряла родителей и оказывалась совершенно без надзора. Дети оставались жить на вокзалах, питались в бесплатных столовых, нищенствовали, воровали и пр. Когда их пробовали приютить, из них вырастали уже типичные бродяги: они не уживались в приютской обстановке и бежали оттуда².

Но важнее всего была деморализация всей массы детей-беженцев. Жизнь из была в корне нарушена, они были вырваны из привычной обстановки, не учились в школе, теряли работу, если она имелась ранее. Все условия движения беженцев нервировали детей. Приехав в место своего назначения семьи беженцев скучивались в самых невозможных условиях, в наскоро организованных общежитиях: дети и взрослые, мужчины и женщины вместе. В результате дети были нервными, взвинченными, истеричными, склонными к всевозможным эксцессам³.

На этих детях уже сказывалось пагубное влияние жизни за счет общественной благотворительности: попрошайничество, лицемерие, лживость.

На 1 июня 1916 г. в России было 3254301 беженец, в Тамбовской губернии – 124656, а в Тамбове – 11885⁴. В приютах Пет-

¹ Школьники и дети-беженцы // Педагогический журнал. 1915. № 11. С. 66.

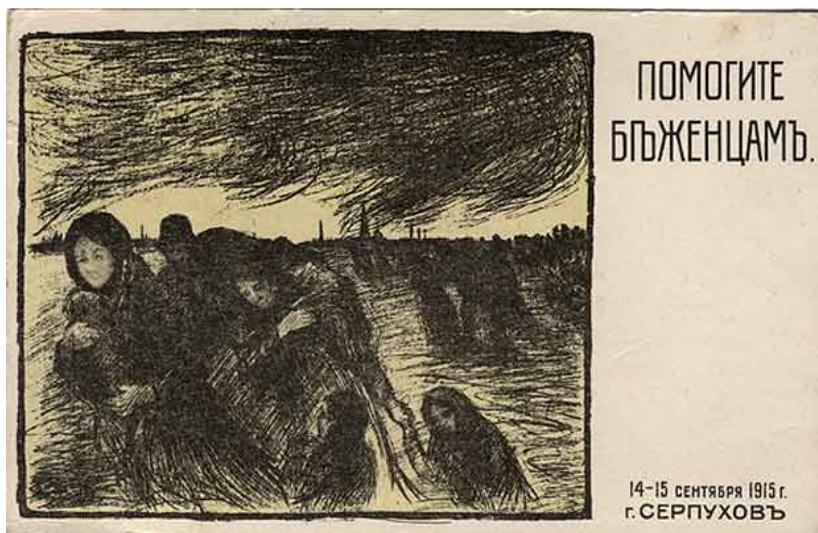
² Дети-беженцы: страдания, лишения и болезни (1915 и 2015 гг.) // Национальная безопасность в условиях глобализации: средства и способы реализации: III международная INTERNET-конференция (Тамбов, 4 июня 2015 г.). Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2015. С. 15-16.

³ Бахрушин С. Борьба с детской преступностью в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 5. С. 396.

⁴ О числе беженцев в империи на 1 июня 1916 г. // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 6. С. 630.

рограда 2600 детей беженцев, зарегистрировано по России – 15000¹.

Важнейшим потоком пополнявшим ряды детской проституции были беженцы. В работе П. Гетрелла указывается, что «нужда и отчаяние» вынуждали многих женщин-беженок и даже детей 7-8 лет заниматься проституцией². В работе Ф. Шустера «Дай мне кусочек хлеба, и я дам тебе девушку» справедливо отмечается, что проституция являлась для беженцев одним из способов обеспечить свой собственное выживание и сохранение жизни членов семьи в военное время³. Не случайно, дети беженцев были одной из самых уязвимых категорий населения Российской империи в военные годы.

¹ Огронович В. Положение беспризорных детей в Петрограде в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 1-2. С. 82.

² Гетрелл П. Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С. 126.

³ Шустер Ф. «Дай мне хлеба, и я дам тебе девушку». Бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во время Первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914-19120 годов и судьбы восточноевропейского еврейства / отв. ред. О.В. Будницкий. М., 2005. С. 16.

Эвакуированные из западных губерний учащиеся размещались на базе действующих учебных заведений, что сразу же привело к скученности, переполнению классов, занятиям в две смены и т.п. Рассказы эвакуированных, а позже и беженцев о пережитом постепенно разрушали романтические представления детей о войне¹. Отделения Татьянанского комитета в губерниях России выдавали пособия на приобретение учебников, одежды, вносили плату за учеников беженцев. Содержались и общежития для учащихся².

Проблема повседневных реалий детей-беженцев может быть рассмотрена лишь при пристальном рассмотрении правового положения, демографического и социального поведения беженского сообщества, уровней взаимоотношений «коренного» местного населения и массы людей, как писали о беженцах современники, «пострадавших от войны».

¹ Ватник Н.С. Учащаяся молодежь в годы Первой мировой войны // *Nomobelli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII-XX вв.: мат-лы Росс. научной конференции.* Н.-Новгород, 2000. С. 115.

² Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны: монографическое историко-краеведческое пособие / И.С. Писаренко и др. Калуга, 2001. С. 67.

ГЛАВА 5.

ДЕТИ-УЧАЩИЕСЯ И ИХ ПОМОЩЬ ФРОНТУ И ТЫЛУ

5.1. Сельскохозяйственные дружины

Изучение военной повседневности детей невозможно без анализа их самостоятельности и инициативности в кризисные периоды Отечественной истории, которым и явилась Первая мировая война 1914-1918 гг. Детский патриотизм не мог ограничиться только проведением сбора пожертвований и отправкой посылок на фронт. Общественная самореализация и опыт старших поколений (наличие широкого спектра дамских комитетов, организаций помощи беженцам, комитетов по поддержке солдатских семей и т.п.) были заразительны для детей и подростков, вызывая и у них стремление к общественной инициативе и самореализации.

Учащиеся старших классов охотно сотрудничали с организациями общеземского союза и союза города, других общественных организаций, участвовали в помощи раненым, беженцам, проведении переписей нуждающихся в помощи семей и т.п. Одним из направлений патриотической деятельности учащихся в период Первой мировой войны явилась трудовая помощь семьям призванных на войну. На селе особенно остро ощущалась нехватка рабочих рук, и одним из источников пополнения трудовых ресурсов, помощи семьям солдаток явилась организация ученических дружин¹.

Конечно, от многих учащихся, не знавших прежде сельскохозяйственного труда, сложно было ожидать больших успехов в этом деле, но все же помощь солдатским семьям, оставшимся без кормильца, была весьма ощутимой. Многим солдаткам ученические дружины помогли не только в сборе урожая, но и

¹ Турук Ф. Трудовые сельскохозяйственные дружины // Известия по народному образованию. 1917. № 3-4.

в других домашних заботах (заготовке дров, вывозе навоза и пр.). Уже осенью 1914 г. трудовая помощь в деревне на полях семей запасных, призванных в армию, была осуществлена учащимися сельскохозяйственных низших и средних учебных заведений Главного управления землеустройства и земледелия. В этом патриотическом почине приняли участие 79 представители сельскохозяйственных школ 48 губерний России¹.

Уборка сена. Фото В.А. Быстрова

Важно заметить, что многие учителя и учащиеся не ждали распоряжений начальства, а сами оказывали посильную помощь осиротевшим крестьянским хозяйствам. Так, на летних каникулах 1914 г. ученики Виленского учебного округа стали помогать отдельным крестьянским хозяйствам. Учащиеся работали отдельно друг от друга, доля их участия была незаметна и о ней знали лишь родные да ближайшие соседи. Затем школьники стали объединяться по три-четыре человека и такими группами

¹ Щербинин П.П. Сельскохозяйственные дружины учащихся периода Первой мировой войны 1914-1918 гг. как индикатор общественной инициативы, опыт взаимодействия власти и общества // Общество и государство в России: традиции, современность, перспективы: сб. науч. статей. Вып. 2. Тамбов, Изд-во ТГУ, 2006. С. 121-125.

оказывали помощь селянам. Примечательно, что труд их был бескорыстным: они получали лишь помещение для проживания и питание. Их инициатива привлекала внимание преподавателей учительских институтов и семинарий, а затем и минского губернатора, который приказал выработать правила оказания помощи учащимся сельским жителям, которые позже использовались по всей России при организации ученических дружин. В результате личной заинтересованности губернатора с 1 мая по 20 августа 1915 г. помощь семьям ратников в полевых работах оказывали несколько дружин, которые были сформированы из учащихся г. Минска¹.

Вязка снопов. Работа дружины учеников московского реального училища инж. О.Д. Дмитриева на полях крестьян, призванных на войну

Примерно в это же время, в апреле 1915 г., члены Петроградского родительского кружка призвали учащуюся молодежь отправиться в страдную пору в деревню и помочь осиротевшим

¹ Минакова В.П. К истории организации в России движения трудовых ученических дружин. Воронеж, 2002. С. 4-5; Лебедев С. Трудовые дружины учащейся молодежи в деревне // Русская школа. 1916. № 1. С. 4.

крестьянским семьям¹. Вполне очевидно, что инициатива помощи крестьянским семьям проявлялась в разных регионах России, отражая насущную потребность такой поддержки сельских жителей.

В следующем 1915 г. ведомство земледелия вообще отменило переводные экзамены и предложило учителям и учащимся вновь оказать помощь населению на сезонных сельскохозяйственных работах. В соответствии с этим распоряжением во всех низших и средних сельскохозяйственных школах занятия были прерваны до наступления весенних полевых работ. Часть учащихся (физически слабых и не приспособленных к сельскохозяйственным работам) была распущена по домам, а из другой части были сформированы трудовые сельскохозяйственные дружины².

Всего в России насчитывалось около 10000 дружинников. Вполне типичным развитием событий была ситуация в одной из мужских гимназий г. Омска, где было принято решение о комплектовании дружин из учащихся, начиная с 12 летнего возраста. Во главе отрядов гимназистов было решено ставить «начальника» – ученика местного сельскохозяйственного училища. На несколько дней отряды отправляли на ферму сельскохозяйственного училища, где дети знакомились с уборочными машинами и орудиями³.

6 июня 1915 г. министр народного просвещения Игнатьев издал циркуляр о желательности участия старшеклассников в сельскохозяйственных работах во время летних каникул. Однако министр лишь подхватил инициативу с мест, так как первые ученические дружины стали появляться в России уже весной 1915 г. Сведения об их создании и работе приходили из разных концов Европейской России, Кавказа и Сибири: из Пензы, Тамбова, Ельца, Томска, Ачинска, Минусинска, Иркутска, Ви-

¹ Русская школа. 1916. № 9-10. С. 76.

² Минакова В.П. К истории организации в России движения трудовых ученических дружин. Воронеж, 2002. С. 3.

³ Детские дружины для оказания помощи семьям призванных на войну во время полевых работ в г. Омске // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 5. С. 371.

тебска, Одессы, Таганрога, Тифлиса, Феодосии, Новочеркаска, Архангельска, Пскова, Перми, Оренбурга, Воронежа, Екатеринослава и др.¹. Всего по подсчетам В.П.Минаковой, в полевых работах по оказанию помощи семьям воинов, призванных на войну, приняло участие 265 дружин в составе 7025 учащихся, работавших в 23 губерниях России².

Трудовые артели организовывались не только из учеников, но в некоторых местах и из учениц средних учебных заведений³. Данное явление было новым и впервые в российской истории давало возможность представителям разных полов реализовывать свои патриотические почину и проявлять общественную деятельность.

Какие же работы выполняли прежде всего учащиеся в деревне? В большинстве случаев, дружины принимали участие в сенокосе, сушке и уборке сена, жатве хлебов. Затем они работали на пашне, боронили, а также вывозили навоз, рубили и заготавливали дрова, корчевали луга и молотили. Принимали они также участие в садово-огородных, в мелких хозяйственных работах (починке изгородей, очистке двора, носке дров, воды и пр.). Некоторые женские дружины ухаживали за детьми⁴.

По оценкам современников, выполняя пожелание министра народного просвещения, администрация и учебный персонал учебных заведений активно включились в организационную работу. Интересно, что некоторые директора учебных заведений так стремились угодить начальству, выполняя рекомендации министерского циркуляра, что стали даже принуждать учащихся в сельскохозяйственные дружины⁵.

¹ Хроника // Вестник воспитания. 1915. № 6. С. 106.

² Минакова В.П. Указ. соч. С. 6.

³ См. к примеру: И.К. Отчет об организации и работе дружины учащихся Миргородской художественно-промышленной школы имени Н.В. Гоголя в помощь семьям воинов в уборке полей // Педагогический журнал для учащихся народных школ Полтавской губернии. 1915. № 8. С. 9-18.

⁴ Лебедев С. Трудовые дружины учащейся молодежи в деревне // Русская школа. 1916. № 1. С. 5.

⁵ См.: Чембулов Ф.З. Трудовые дружины учащихся // Труды совещания по организации посевной площади в 1917 году 22 -24 ноября 1916 год. Доклады и постановления. М., 1917. С. 155.

Жатва. Фото В.А. Быстрова

В губерниях выработывались специальные правила организации трудовых дружин из учащих старших классов, в которых оговаривались различные стороны, касающиеся выезда учеников на полевые работы. Прежде всего, в этих правилах подчеркивалась добровольность формирования трудовых дружин старшеклассниками мужских учебных заведений путем подачи заявления самим учащимся и согласия его родителей.

Трудовые дружины должны были обслуживать хозяйства запасных и ратников ополчения, особо нуждающихся в рабочих силах при выполнении полевых работ, по указаниям агрономов при земских управах, их помощников и инструкторов. Дружины могли насчитывать от 10 до 15 человек во главе с участковым агрономом. Дружинники-учащиеся, как добровольцы, за свой труд не получали никакого вознаграждения, а уездные земские управы возмещали их расходы на питание и наем квартир. Обычно общее руководство деятельностью ученических дружин принадлежало лично губернатору¹.

Конкретную практическую помощь в организации работы ученических дружин оказывали земства и их агрономические

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9041 Л. 79.

учреждения, а также сельскохозяйственные общества и народные учителя. Это было вполне объяснимо, так как администрация и учебный персонал средних школ в большинстве своем далеко стоял от крестьянской жизни и работы. Все, что они могли сделать, так это оповестить и созвать учащихся для организации трудовых дружин. Следует отметить, что в некоторых случаях от земских учреждений для руководства дружинами командировались особые инструкторы, в распоряжение которых предоставлялась и сельскохозяйственная техника¹.

Перед отъездом в деревню для дружинников обычно организовывались специальные курсы по ознакомлению с основами сельского хозяйства. Финансовую поддержку отдельным дружинам оказывали и благотворительные организации. Так за счет Елизаветинского комитета содержались дружины в Новгородской, Ярославской, Вятской и других губерниях².

Власти предусматривали льготы для участников сельскохозяйственных дружин: занятия для них заканчивались за две недели до отъезда учеников в деревню; все учащиеся, участвовавшие в работах, переводились в следующие классы осенью; аттестаты об окончании курса дружинникам-выпускникам выдавались без экзаменов; прием в высшие учебные заведения участников трудовых дружин производился тоже без экзаменов. Можно предположить, что подобные льготные условия способствовали привлечению некоторых учащихся в дружины весьма широко.

Впрочем, необходимо учитывать, что не всегда преподавателям удавалось создать такие ученические дружины, так как иногда родители не давали согласие на участие детей в полевых работах из-за боязни за их здоровье. В других случаях не находился учитель, который соглашался возглавить такой ученический коллектив. Иногда не хватало средств на организацию курсов и содержание дружины. Важно заметить, что среди город-

¹ Лебедев С. Трудовые дружина учащейся молодежи в деревне // Русская школа. 1916. № 1. С. 2.

² Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 92.

ских детей была немало таких учащихся, которые никогда не были в деревне и боялись сельскохозяйственного труда.

Необходимо учитывать, что иногда инициатива работы в деревне в составе трудовых дружин исходила и от самих учащихся. Так, по воспоминаниям петроградских гимназисток, они в 1915 г. изучали историю общественных движений в России. И у одной из учениц зародилась идея об организации дружины, которая затем охватила и ее подруг. В 1916 г. девушки записались в формирующиеся дружины общества «Народная помощь». Однако отношение к женскому труду в дружинах было предвзятое и недоброжелательное. Гимназисткам объясняли, что никакой существенной пользы они принести не смогут, что они физически бессильны и не подготовлены к физическому труду и общественной работе. Но все же девушки-общественницы решили не отступать и стали сами искать возможность применения своего труда. Вскоре они получили приглашение поехать в качестве трудовой дружины в Костромскую губернию в рамках программы костромского сельскохозяйственного общества¹. Таким образом, инициатива создания дружин нередко проявлялась и сами учащимися, которые принимали активное участие в этой общественной деятельности.

К 1916 г. такие дружины действовали почти повсеместно². В апреле 1916 г. Департамент народного просвещения разослал инструкцию в учебные округа «Примерные правила организации трудовых дружин учащихся». В Одесском учебном округе было организовано 61 дружина с 2704 учащимися. По Западно-Сибирскому учебному округу было составлено 27 дружин в составе 650 дружинников³.

Отношение населения к «барчукам-горожанам», приехавшим их помогать было неоднозначным. Первая реакция сельских жителей на появление ученических дружин была скептиче-

¹ Работы и впечатления Саметской сельской трудовой дружины. Записки дружинниц. Предисл. В.Н. Фигнер. Пг., 1917. С. 1-3.

² См.: Чембулов Ф.З. Трудовые дружины учащихся. С. 155.

³ Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.). Томск, 1966. С. 183.

ски-подозрительная. Учеников принимали за пленных австрийцев или людей, уклонявшихся от воинской повинности и в наказание отправленных на сельскохозяйственные работы. Так, трудовая дружина тамбовских реалистов, прибывшая в село Большая Липовица в июле 1916 г., была встречена сельчанами с откровенным недоверием: «Что ж, погулять приехали. Погуляйте, погуляйте, у нас в деревне хорошо»¹. Сплошь и рядом можно было слышать: «Куда Вам, запачкаетесь» и прочие насмешки. Непривыкшие к благотворительности крестьяне настойчиво интересовались о цене помощи, а, узнав, что дружина будет работать бесплатно, сделали вывод: «Потом втридорога возьмут»². Некоторые крестьяне считали, что дружинники – это подкидыши из приюта, другие считали, что это пленные и пр. Аналогичное отношение имело место в разных регионах России по отношению к бесплатному ученическому труду. Населением высказывались опасения, что ученики «больше напортят, чем помогут», «могут заняться агитацией», «на свободе будут безобразничать» и т.п.³. Крестьяне нередко восторгались новой системой наказаний: «Раньше вон выгоняли, в угол ставили, еще что-то делали, а теперь ловко придумали: зиму хошь учись, хошь балуйся – учителя молчок! А к лету, если баловство делал, пожалуйста, поработайте»⁴.

В воспоминаниях гимназисток саметской дружины отмечается, что крестьяне их вначале принимали за австрийских пленных присланных на принудительные работы, потом – за Божьих людей, работающих для спасения души, и даже подозревали, что среди гимназисток есть царская дочь, которая приехала посмотреть, как живут крестьяне⁵. Население особенно подозрительно относилось к безвозмездному труду учащихся, считая,

¹ ЦДНИТО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 81. Л. 18.

² Цит. по: Слезин А.А. Тамбовская ученическая трудовая дружина // Гуманитарные науки: проблемы и решения. Вып. III: сб. научных статей / под ред. А.А. Слезина. СПб., 2005. С. 211.

³ Лебедев С. Трудовые дружины учащейся молодежи в деревне // Русская школа. 1916. № 1. С. 6.

⁴ Жулев П. Трудовые дружины // Русская школа. 1915. № 11. С. 8.

⁵ Работы и впечатления Саметской сельской трудовой дружины. С. 35.

что труд всегда оплачивается, а бесплатным быть никак не может. В 1916 г. около 10 процентов ученических дружин брали оплату за свой труд, но чаще всего крестьяне бесплатно кормили учеников, угощали их продуктами из своего хозяйства. Нередко крестьяне устанавливали очередь на получение трудовой помощи со стороны дружинников¹.

Заслуженный отдых. Угощение после работы, происходившей в Перхушевской вол. Звенигородск. уезда

Необходимо признать, что в деревне чувствовался острый недостаток рабочих рук и росли цены за выполняемые работы. Так, летом 1916 г. косцу платили 5 руб., женщине – 3 руб., подростку – 1 руб. 50 коп. в день. Скосить и связать десятину ржи стоило 18 руб.².

¹ Щербинин П.П. Сельскохозяйственные дружины учащихся периода Первой мировой войны 1914-1918 гг. как индикатор общественной инициативы, опыт взаимодействия власти и общества // Общество и государство в России: традиции, современность, перспективы: сб. науч. статей. Вып. 2. Тамбов, Изд-во ТГУ, 2006. С. 121-125.

² ЦДНИТО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 81. Л. 19.

Впрочем, отмечались и случаи, когда крестьяне проявляли потребительское отношение к деятельности ученических дружин: стремились побольше эксплуатировать учащихся, взять побольше средств за их содержание, нежелание предоставлять им продукты питания и пр.¹. Все это вызывало у дружинников горькие чувства и обиду.

Какова же была повседневность учащихся во время сельскохозяйственных работ? Насколько эффективен был их труд? Ответить на эти вопросы мы попытаемся, проанализировав деятельность конкретных ученических дружин. Так, ученики Тамбовского реального училища, работавшие в июле 1916 г. в селе Большая Липовица Тамбовского уезда, жили в первые дни в неудобной комнате, имели скудный стол (тарелку горячего, пшеничную кашу и стакан молока), спали на соломе на полу, вместо кровати. Вставали дружинники в 5-6 утра, затем шли несколько верст (верст за 8 и больше) на поля солдаток, где занимались прополкой. Вечерами досуг заполняли плясуны и балагуры. В праздничные дни послушать веселых «барчуков» приходили и стар и млад. Играли в шашки и шахматы, но особенное удовольствие дружинникам доставляли купанье и рыбная ловля². Кроме того, учащиеся охотно ходили за ягодами и грибами, ходили в гости к крестьянам, писали домой письма.

В 1916 г. в селе Березово Воронежской губернии работали дружинники-гимназисты. Их расселили в двух классных комнатах сельской школы. Питание для дружинников было организовано такое же, как и для учеников школы: хлеба ржаного – 2 фунта, хлеба пшеничного – 1 фунт, пшеница или гречневой крупы – 0,5 фунта, масла постного – 0,2 фунта, сала свиного – 1/8 фунта, сахара – 4 фунта в месяц, чая – 0,5 золотника, картофеля – 1 фунт, молока – 1 бутылка и приварок (соль и проч.). Мясо выдавалось только в воскресные дни по 0,5 фунта в день. В меню входило: на обед и ужин – щи или суп с салом, каша с постным маслом или картофель жареный и молоко, утром и на полдник – чай с белым хлебом. Однако спустя неделю

¹ Минакова В.П. Указ. соч. С. 12.

² ЦДНИТО. Ф. 381. Оп. 1. Д. 81. Л. 19.

дружинники заявили, что так они питаться не будут. Пришлось закупать для них рис и разную крупу, коровье масло, больше мяса, яиц и пр. Позже уездная земская управа распорядилась выдавать для питания гимназистов по 70 коп. на одного человека в день. Пищу для учащихся дружины готовили школьные кухарки. Кроме 70 коп. от земства, дружинники получали пищу и от тех хозяев, у которых они работали (солдатки приносили им в поле ветчину, свинину, сало, яйца, молоко, кур и проч.). Предполагалось назначать дружинников на уборку ржи жатками, однако опыт показал, что учащиеся, хотя и могли работать на жатках, но вставали поздно, и производительность в день снижалась, поэтому для работы на жатках назначались ученики местной Русановской школы. Учащиеся же занимались сборкой уборочных машин, копали землю в питомнике школы, учились косить, а потом и косили, жали рожь, занимались молотью. Рабочий день дружинников длился 6-7 часов, так как выходили они на работу только после 9 утра. Отношение населения к учащимся было различное; часто солдатки благодарили учащихся, оставались довольными их работой, но были случаи и недоброжелательного отношения к ним, когда некоторые селяне считали работу дружинников малопродуктивной, находили стеснительным их кормить¹. Конечно же, стоимость содержания дружины была выше стоимости произведенных ей работ, но учащиеся помогали солдатским семьям посильным физическим трудом, что при недостатке рабочих рук приносило несомненную пользу.

В 1916 г. работа многих ученических дружин, по оценкам экспертов, оказалась рентабельной и производительность их труда значительно повысилась². Сами ученики и ученицы, и их наставники отмечали, что, работая в составе дружин, они приобрели новые яркие впечатления, побывали в новой обстановке, обогатили свой жизненный опыт, получили возможность самореализации и общественной инициативы. Ученикам трудовых

¹ Ученики-рабочие // В дни войны. 1916. № 24. С. 20-21.

² См.: Известия Главного комитета Всероссийского земского союза. 1916. № 51. С. 28.

дружин завидовали их товарищи, которые не попали в состав этих объединений.

В целом, власти и общество были очень довольны результатами труда ученических дружин. В ряде мест раздавались голоса о необходимости ввести в 1917 г. обязательный труд учащихся в условиях острого недостатка рабочих рук в деревне и обострения продовольственного вопроса¹. Были введены новые правила, по которым дружинникам выплачивалось вознаграждение до 15 руб. в месяц, но сохранялся принцип добровольности при ее формировании². К маю 1917 г. только из московских школьников в дружинники записалось более 2000 человек.

Однако революционные потрясения 1917 г. помешали осуществлению этих и других планов по использованию труда учеников средней школы в сельском хозяйстве. Заметим все же, что опыт ученических дружин получил свое продолжение в Советском Союзе при развитии тимуровского движения и студенческих строительных отрядов.

¹ Чембулов Ф. Сельскохозяйственные дружины учащихся как воспитательный фактор // Вестник воспитания. 1917. № 2. С. 135-136.

² Минакова В.П. Указ. соч. С. 14.

ГЛАВА 6.

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ В ДЕТСКОМ СОЗНАНИИ

6.1. Милитаризация детского сознания

Первая мировая война положила начало общей трансформации детского и юношеского сознания. Это была первая по-настоящему современная война XX в., оснащенная новейшими техническими достижениями для массового уничтожения людей. Она открыла для юного поколения цену человеческой жизни и смерти, «героизм» воинов и «зверства врага». Война ярко и остро обозначила в детских представлениях образ «чужих», которых следует ненавидеть и презирать. «...В настоящее время для детской души... сгущается атмосфера, благодаря современной войне, – отмечал известный психиатр и психолог В.М. Бехтерев. – Ведь родители постоянно говорят при детях о том... сколько изранено и убито людей... сколько погибло людей от сбрасывания бомб и т. п. К тому же дети ежедневно рассматривают иллюстрации, на которых изображено, как люди колот друг друга, они слышат, какое торжество овладевает старшими при выигрыше той или иной битвы ...Это заражает детей, для которых игра в войну, в убийство становится любимой забавой»¹.

В воспоминаниях о своей детской повседневности Екатерина Мещерская отмечала, что, когда началась война, «я стояла в парке, прижав к сердцу свою любимую куклу, а передо мной на высокой насыпи железной дороги тянулись длинные составы с русскими солдатами. Я смотрела на них и на душе становилось очень тоскливо»².

¹ Цит. по: Балашов Е.М. Школьная молодежь в эпоху революций и войн (1905 – начало 1920-х гг.) // Страницы российской истории: межвузовский сборник научных трудов к 60-летию профессора Г.А. Тишкина / под ред. А.О. Боронова, Е.Р.Ольховского. М., 2001. С.169.

² Мещерская Е.В. Жизнь некрасивой женщины. М., 2007. С. 148.

На детскую психологию с первых дней войны оказывали воздействие патриотические манифестации, которыми сопровождалась подготовка на войну запасных солдат. По наблюдениям современников, эти манифестации заряжали детей нравственным подъемом, жутким восторгом от того необычного, важного и страшного, чего они являлись свидетелями и участниками. Вполне типичным было мнение одного из мальчиков, который сообщил после манифестации: «Вот бы сейчас пошел в Германию и истребил бы всех немцев»¹.

По мнению Н.Н. Володкевича, уже к 1915 г. произошла переоценка многих ценностей не только в сфере отвлеченной мысли, но и в сознании каждого отдельного человека. Особенно чутко отреагировали на военный угар учащиеся. «... Материал, из которого учащийся строит свое отношение к событиям, доходит до него в виде газетных и журнальных статей и сообщений, но главным образом в виде слухов, разговоров и наблюдаемых им поступков окружающих его лиц»². В силу свойственной молодому возрасту восприимчивости, учащийся подвергается самым разнообразным влияниям и при попытке разобраться в них оказывается опутанным противоречиями. Всякая война, а тем более настоящая, представляет собой самый полный синтез наиболее крайних проявлений доброго и злого начала души человека – величайшей любви и величайшей ненависти, беззаветного самопожертвования и самого крайнего эгоизма, мужества и страха, милосердия и жестокости, самых высоких и самых низких влечений; с необыкновенной открытостью в ней проявляются и величие и низость души человека; все, что в обыденной жизни в ней таилось и было скрыто, теперь неудержимо прорывается наружу. Таким образом факты, представляемые войной, дают начало самым разнородным чувствам в душе подростка. Но этого мало. Сюда присоединяются множество чувств, возникающих на расовой, национальной, семейной, экономической основе»³.

¹ Борис Фроммет. Борьба с «военной» психологией // Свободное воспитание. 1916-1917. № 6. С. 38; Там же. С. 40.

² Володевич Н.Н. Современная война и задачи воспитания // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 22.

³ Там же. С. 23.

В годы войны на детские настроения и миропонимание активно воздействовали издевательства над противником, находящие свое выражение в карикатурах, лубочных картинках, в театральных представлениях, кинематографе, газетной и брошюрной литературе. В № 10 журнала «Забияка» была опубликована карикатура, изображающая турка с надписью «долгой свиное ухо»¹.

Среди детей часто встречались впечатлительные натуры, которые обостренно воспринимали ужасную сторону войны, но не мало было и тех, кто остались равнодушными к человеческим страданиям и воспринимали их легкомысленно и поверхностно, чисто внешним образом². Многие дети были очень легковверны и на веру принимали всякий слух и всякое известие. У детей реальная жизнь неразрывно сплеталась с воображаемой³.

Вид искалеченных, рассказы раненых, разлука с близкими людьми – все это вносило разлад в детские души, наполняло их неведомой горечью⁴.

Постоянные разговоры о войне, забота о раненых, о пострадавших от войны – все это врывалось в детское сознание, ставило новые вопросы, вызывало напряженную работу души.

При одном из обследований было опрошено 94 ребенка: 57 мальчиков и 37 девочек. Большинство детей были в возрасте до 10 лет.

Источниками сведений о войне для детей были: письма с войны – 10%, газетные сведения – 41%, у большинства – разговоры (64%).

Один мальчик 7 лет заявил, что он любит разговоры о войне тогда, когда наши германцев бьют. Девочка 7 лет заявляет: «Я люблю разговоры о войне, но когда я слушаю, мне становится нехорошо, мне жалко». Девочка 9 лет говорила, что ей

¹ Володевич Н.Н. Современная война и задачи воспитания // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 28.

² Там же. С. 29.

³ Зеньковский В.В. О влиянии войны на детскую психику (по данным анкеты) // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 41.

⁴ Борис Фроммет. Борьба с «военной» психологией // Свободное воспитание. 1916-1917. № 6. С. 40.

страшно от этих разговоров. 12 летний мальчуган заявил, что «не верит газетам, которые пишут неправду, ждет брата с войны, который расскажет ему всю правду, когда вернется»¹.

Многие дети слышали о русско-японской войне 1904-1905 гг. На вопрос, где идет война 20% ответили далеко, 64%, что не знают, где идет война². 21% не знают какие народы участвуют в войне. Один мальчик сказал, что русские воюют с японцами, некоторые считают немцев и германцев разными народами. Один 7-летний мальчуган считает, что Турция за нас, а не против нас³. Один 13-летний мальчуган выразился так: «Америка выехала против турка, но прибудет в марте, так как ей нужно ехать через океан».

Между германцами и австрийцами проводят разницу только 27%. Мальчик 8 лет высказал мнение, что немцы не молятся, а австрийцы молятся. Один 12-летний мальчик выразился так: «германцы наши враги, их царь – зверский человек, он мучит русских, а про австрийцев ничего не слышно»⁴.

К вопросу о численности наших войск среди детей господствовали неопределенные мнения. 11-летний мальчик считает, что у нас 15 миллионов солдат, 20 миллионов корпусов или 500 миллионов солдат. 90 % не могли ответить ничего о целях войны. 5-летний мальчик сказал, что нужно же солдатам воевать, вот они и воюют⁵.

Формировался у детей и образ врага. 10-летний мальчик сказал, что «нам нельзя плохо относиться к врагам, мы не такие люди, как они – они режут языки, мучат: они некрещеные, а мы крещеные». В тоже время, многим детям было страшно от войны – 77%⁶.

Заметим, что и некоторые матери-солдатки заражались ненавистью детей к немцам. Одна из таких женщин с удовольст-

¹ Борис Фроммет. Борьба с «военной» психологией // Свободное воспитание. 1916-1917. № 6. С. 49-50.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ Там же. С. 62.

вием писала: «Ненависть к немцам у детей возрастает, вижу, с каждым днем. Вот сегодня просят исходатайствовать удаление из гимназии немца и немецкого языка. Он им прямо на нервы действует... Они тут все – шпионы. Это факт... Если б у меня не детки эти, я давно бы над Берлином бомбы бросала». Масла в огонь подливали и отдельные газеты и журналы, публиковавшие подобные призывы: – «Каждому немцу, живущему ныне в России, нужно повесить на шею табличку «подлец», чтобы все могли плевать им в харю». «Не зачем лечить в лазаретах раненых немецких солдат. Когда они умирают от жажды и просят «воды, воды», нужно давать им касторки; это было бы дело!»¹.

Безусловно, война занимала ведущее место в сфере интересов детей и подростков. Окружавшая детей повседневность, общественная жизнь, все происходившее в их семьях накладывали отпечаток на детские впечатления. Ранее не интересовавшиеся газетами, теперь ученики охотно их покупали и читали. Причем, на приобретение периодической печати они тратили деньги, которые им давали родители на завтраки или гостинцы. На вопрос, что тебя больше всего сейчас интересует, школьники неизменно отвечали «война»².

Педагогов сильно беспокоили перемены в настроениях учащихся: национальная нетерпимость, возбужденность, снижение интереса к учебе, необычайная жестокость в играх младших школьников «в войну». Известны случаи, когда ученики требовали удаления учителей-немцев и прекращения преподавания немецкого языка³.

«Весь интерес и все разговоры между учащимися, с открытием военных действий, сосредотачивались на войне. Перед началом занятий, или во время перемен, группы детей собирались около карты Европейской России, и старались отыскать на За-

¹ Чуковский К. Указ. соч. С.950.

² Рубинштейн М.М. Война и дети // Вестник воспитания. 1915. №2. С. 13.

³ Ватник Н.С. Учащаяся молодежь в годы Первой мировой войны // *Nomine belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII-XX вв.*: мат-лы Росс. научной конференции. Н.-Новгород, 2000. С. 113.

падной границе места, где происходили сражения¹, распрашивая и разглядывая, где находились русские и их союзники, либо враги. Преобладающим был конечно интерес к русскому фронту. Во оценкам современников, военная карта была изучена школьниками блистательно. Все они поголовно полюбили географию и могли безошибочно найти нужный город или селение². Рисунки детей тоже почти сплошь были посвящены войне и дети охотно «воспроизводили» военные сюжеты: от сражения под Варшавой до морского сражения или перевязывания раненных.

Война и военная история были и прежде популярными у младших школьников, которые зачарованно сидели за книжками с описанием давно прошедших сражений и подвигов. Жажда героизма, которую постоянно испытывал детский дух и ум, находя себе утешение в чтении военных рассказов, полных героизма и доблести. В дни войны интерес к военной истории, публицистике возрос многократно³.

Одним из первых внимание на детскую экзальтацию обратил К. Чуковский. В своем очерке «Дети и война» он описывает переживания детей военной поры. «Кука рассердился на маму. – Ты... Вильгельмова дочь! – сказал он ей медленно, с болью. Мама и не воображала дотоле, как свирепо он ненавидит Вильгельма. Вообще он какой-то порывистый. Увидел в газете картинку: «типы австрийских немцев» и стал ее бить кулаком: «противные, противные немцы!»⁴.

И безостановочно, ежеминутно сражался – со стульями, столами, комодами, с собственной тенью, с собственным отражением в зеркале, с игрушечными Мишками, куклами. Все Мишки у него перевязаны тряпочками: раненые, лежат в лазарете.

¹ «Кажется, ни в одной школе не найдется ученика старшей группы, который затруднился показать на карте, где находится Неман, Висла, Карпаты». См.: Тамбовские епархиальные ведомости. 1915. № 40. С. 1012.

² Ведь миллионы маленьких рук втыкают ежедневно миллионы разноцветных флажков в какие-то мушиные точки, обозначенные на географических картах. (И характерно: русские флаги движутся на них только вперед; отступлений никаких не полагается!). См.: Чуковский К. Указ. соч. С. 964.

³ Там же. С. 40.

⁴ Чуковский К. Дети и война // Нива. 1915. № 51. С. 450.

Преподаватель И. Потемкин провел анкетирование учеников 2-го, 3-го (выпускного) классов начальной школы. На вопрос, чем бы я хотел помочь своим солдатам, учащиеся отвечали, что желали бы помочь табаком. Дело в том, что в школе недавно производился добровольный сбор на табак. Некоторые предлагали помочь деньгами, мясом, хлебом¹.

Ответы детей свидетельствовали, что в их детскую жизнь глубоко проникли интересы и страдания окружающих: «Война приносит нашей семье очень много вреда, потому что у нас угнали двух мужиков на войну. Война приносит вред и крестьянам, потому что лошадей на войну взяли и солдатам война приносит много вреда: они поплатятся своей жизнью»².

С другой стороны, для многих детей из привилегированных классов война не принесла серьезных изменений в их жизни. В воспоминаниях Людимилы Миклашевской отмечается, «что в Одессе война чувствовалась мало, если не считать одной тревожной ночи, когда одесситов разбудила отдаленная пальба турецких пушек. На улицах появилось много раненых, иногда встречались раненые на костылях. В гимназии на уроках рукоделия мы щипали корпию из принесенных из дому кусков старых простынь. Наш класс устроил концерт в одном лазарете...

Появилось много приезжих из Москвы, Петербурга. Изменились моды. Платья стали короче. Пышные платья шуршали, вздувались на ветру и открывали – последний крик моды – высокие лайковые сапожки на шнурках. И хотя жизнь вздорожала, роскошь бросалась в глаза»³.

Весьма примечательны в этом отношении воспоминания В. Зернова, написанные в эмиграции. Автор пишет: «Мне было 10 лет, когда началась Первая мировая война. Я встретил это событие как что-то радостное, торжественное и благородное. Россия вставала на защиту угнетенных братьев-славян, она

¹ Потемкин И. Современная война и детское творчество (окончание) // Русская школа. 1916. № 5-6. С. 14-15.

² Там же. С. 16.

³ Миклашевская Л. Повторение пройденного. Из воспоминаний // Чему свидетели мы были. Женские судьбы. XX век / Миклашевская Л., Катерли Н. СПб., 2007. С. 79.

следовала своей исторической миссии, перед ней открывался путь к Константинополю... Казалось, пришла возможность загладить унижение, понесенное нами во время неудачной войны с Японией.

Я еще не читал сам газет, но жадно следил за разговорами старших и был, как они, уверен, что война скоро кончиться победой русских. Я готов был без конца слушать оркестр в курортном парке, исполнявший «Боже Царя храни» и красивые гимны союзных держав... На станции грузились поезда, отправлявшиеся на фронт. Вероятно, были и слезы, но мне эти проводы представлялись как что-то радостное, красочное; казаки уходили на парад, на большую джигитовку. Одно обстоятельство огорчало меня: по моему возрасту я никак не мог принять участие в этой победоносной войне, хотя у меня и рождались мысли бежать из дому, но я неизбежно убеждался в неосуществимости моих мечтаний»¹.

Вполне очевидно, что дети из привилегированных сословий мало ощущали на себе повседневность военной поры. Так, в воспоминаниях Т.Г. Морозовой о пребывании в институте благородных девиц в период Первой мировой войны практически не отражено влияние военных будней. Автор указывает, что лишь в послефевральский период 1917 г. девочки стали ощущать недостаток продовольствия и другие проявления революционного времени². Заметим, что не только в России, но и в Германии были аналогичные впечатления у части детей. Пятилетняя Ганна Клаус вспоминала, что ей было пять лет, когда началась война. Но для детей это ничего не значило и «мы радовались, бегали и играли как прежде»³.

Зинаида Шаховская отмечала, что когда объявили войну, ее восьмилетнюю девочку не тревожили предчувствия и она не

¹ Зернов В. Начало войны и революции // На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Париж, 1970. С. 252.

² Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2003.

³ Hanna Klaus Steckruebenwinter und Franzosenzeit // Zwischen Kaiser und Hitler. Kindheit in Deutschland 1914-1933. Herausgegeben von Jurgen Kleindienst. Berlin, 2002. S. 36.

понимала происходящего¹. «Зимы 1915-1916 годов слились в моей памяти. В нашей жизни не происходило иных примечательных событий, кроме тех драматических, но далеких, – что развертывались на полях сражений². Лицо войны представлялось мне скорее благодушным. Я продавала программки на благотворительных праздниках, устраиваемых матерью, собирала пожертвования для раненых, протягивая прохожим свой ящичек; давали щедро, без колебаний, золотые монетки вперемежку с медными копейками сыпались в ящик, и я радовалась, чувствуя, как он тяжелеет. Разумеется мы с Наташей вязали в огромном количестве шерстяные шлемы и шарфы, шили мешочки, куда затем складывали трутовые зажигалки, табак, плитки шоколада и дружеские записки. Иногда приходили ответы, написанные неуверенным почерком, в некоторых письмах нас просили уточнить, замужем ли мы или девицы, что нас очень забавляло»³.

Традиционное описание страданий детей в условиях военной повседневности является глубоким и устоявшимся стереотипом. Понятно, что для детей разных социальных и сословных групп военный быт и настроения военных лет были разными. Так, в воспоминаниях С. Зерновой о своих гимназических впечатлениях (девочке было 14 лет) отмечается, что «война 14-го года вначале мало отразилась на нас. Она была далеко. Первой встречей с ней был приезд в верхний этаж нашего дома «беженцев» из Польши. Я в первый раз услышала это новое для меня слово. Мне представилась широкая, пыльная дорога и бегущие по ней люди с мешками за спиной»⁴.

«Вскоре мои родители, вместе с районным попечительством на Арбате, открыли в одной из квартир в нашем доме небольшой лазарет для легко раненных и выздоравливающих солдат.

¹ Шаховская З. Таков мой век. М., 2006. С. 61.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 65.

⁴ Зернова С. Отрочество // На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Париж, 1970. С. 207.

Моя мать посылала меня два раза в неделю читать солдатам вслух. Читала я им, большей частью, или газеты или рассказы Чехова. Я мучительно стеснялась, не знала куда сесть, о чем их спросить и как к ним подойти. Было их обычно человек 6, 7, от них пахло махоркой и байковыми халатами, иногда они о чем-то переговаривались друг с другом и тихо смеялись, это еще больше смущало меня и я с нетерпением ожидала, когда пройдет час и я смогу уйти»¹.

«Шла война, а дома у нас продолжалась беззаботная и счастливая жизнь. По субботам у нас были уроки танцев и танцевальные вечера... Позднее, кроме концертов, мы ставили спектакли, устраивали кружки, диспуты, рефераты, увлекались поэзией, ходили вместе на концерты, на вечера, где выступали русские поэты»².

По воспоминаниям Н. Зернова, «объявление войны в июле 1914 г. всколыхнуло, но не потрясло Кавказские Минеральные воды, где мы, как обычно, проводили лето... В нашей семье никто не был мобилизован, и наша жизнь продолжала течь по привычному руслу. Станица пришла в большое движение. Мобилизация захватила все ее мужское население. Каждый день мимо нашего дома стали проезжать на своих лихих конях терские казаки. Они ездили в степь на воинские упражнения в полном вооружении с молодецки заломленными набекрень папахами и заливали нашу улицу песнями с присвистом и улюлюканьем. Слушая их, война мне казалась романтической, уносящей в таинственную даль, обещающей подвиги и славу»³.

Вполне очевидно, что детские настроения и детский опыт войны был различным для разных детей и нес на себе серьезный отпечаток их социально-правового и сословного положения.

¹ Зернова С. Отрочество // На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Париж, 1970. С. 208.

² Там же. С. 210.

³ Там же. С. 244.

6.2. Детские игры как отражение военной повседневности

Отголоски Первой мировой войны, начавшейся 28 июля 1914 года, коснулись буквально всех сфер жизни общества. Даже детские игрушки «пострадали» от начавшейся мировой бойни. Примечательно, что само изготовление детской игрушки, оказалось втянуто в противостояние государств-участников войны. Правда, русские крестьянские дети и дети рабочих здесь шли «не в счет». Ведь в связи с постоянным тяжелым материальным положением ребятня из многодетных семейств забавлялась в основном игрушками самодельными: тряпичными или соломенными куклами, фигурками, сплетенными из лозы, изготовленными из глины или дерева. Основным поставщиком детских игрушек в Россию до Первой мировой войны была Западная Европа. В частности, одной из стран, экспортирующих сравнительно дешевую и качественную детскую продукцию, была Германия. Для мальчиков немецкие игрушечные фабрики предлагали несколько десятков модификаций металлических заводных машинок, трамваев, пароходов. У них же можно было заказать и игрушечную электрическую железную дорогу, которая, впрочем, была слишком дорога и совсем не безопасна. Юных российских дам радовали необыкновенно красивые куклы с изящными фарфоровыми или деревянными головками, одетые в пышные кружева. В изготовлении таких кукол немецкие мастера были вне конкуренции и много лет удерживали лидерство среди изготовителей детских игрушек в Европе.

Российская же игрушечная промышленность на внутреннем рынке страны была представлена полукустарной продукцией небольшого числа отечественных производителей и не могла составить достойную конкуренцию иностранцам. С началом войны импорт игрушек в Россию полностью прекратился.

Современники отмечали: «К благоприятным последствиям освобождения от тевтонских вкусов и от немецких изделий нужно отнести избавление наших детей от плюгавых игрушек швабского изготовления. Нам нужно радоваться за детей, избавившихся от прилизанных, гладеньких, глянцевитых и безжиз-

ненно холодных германских товаров, внедрившихся в детские. Русские кустарные изделия встречали приветливый прием в союзной нам Англии. Их оригинальной красотой там восхищались...». Некоторые производители русской игрушки в патриотическом порыве взялись за изготовление игрушечных солдатиков в форме и с флагами российской армии. Но это не понравилось военному министерству и производство, а также продажу их в стране запретили. Уже перед рождественскими праздниками оказалось, что российское кустарное производство в большей степени не в состоянии удовлетворить потребность страны в детских игрушках. В херсонской прессе появились заметки несколько иного содержания: «В настоящее время наблюдается сильное вздорожание игрушек, превышающее в некоторых случаях 100-150% и даже своеобразный игрушечный голод. В частности, очень сильный недостаток в куклах. Запасы их исчисляются сотнями вместо прежних десятков тысяч. Кукла, стоившая раньше 3 рубля-3 рубля 50 копеек, теперь стоит 14-15 рублей. Такой же кризис наблюдается и в отношении заводных игрушек. Игрушек из металла очень мало, и ценятся они буквально на вес золота».

Последующие годы участия России в войне никак не улучшили «игрушечную ситуацию». А Октябрьская революция, плавно перешедшая в гражданскую войну, ее только усугубила. Стране стало совершенно не до маленьких граждан и их проблем, поэтому это поколение выросло без игрушек¹.

Игры детей в период Первой мировой войны представляют особый феномен, который требует специального рассмотрения. Сами детские игры не оставляют реальных следов и наблюдать и изучать их можно было лишь в самый момент творчества, поэтому особенно ценными являются описания игр детей, составленные педагогами, воспитателями, родителями, просто прохожими. Игры в детской, на переменах в школе, на улице отражали не только жизнь и переживания семьи, но и интересы и события всего общества. В детской из стульев, столов и другой мебели дети устраивают поезда, автомобили, броненосцы и оттуда ведут энергичный обстрел неприятельского лагеря, который

¹ Захаров А. Игрушечная война // www.xepcoh.info/news/view/22319

представляет из себя детские кровати, с разложенными на ней куклами и различными зверьками.

Во дворе школы и дома дети лепили из снега крепости, рыли окопы, вооружали пушки и завязывали между собой жесточайшую снежную перестрелку. Лепку традиционной бабы заметил снежный человек, превращавшийся по прихоти маленьких скульпторов то в офицера, то в пленного австрийца. Однажды 6-летний мальчуган с ружьем на плече стоял у снеговика и охранял его. На вопрос он ответил, что «Вильгельма, который у него в плену»¹.

«В первый месяц войны, когда мне было 12 лет, – вспоминал Н.В. Волков-Муромцев, – дети разбивались на две партии, но играли уже не в «казаков-разбойников», а в «союзников» и «противников». Каждый представлял одну из наций. Игра переменилась. Кто-то нашел в оранжерее длинные трости, собрали гниющие на земле яблоки и стали бомбардировать друг друга, насаживая яблоки на трости. Яблоки летели очень далеко. Я, как младший, был сделан «Италией», – ее считали самой слабой. Все это казалось шуткой»².

Старшие ученики начальных школ в селах Берюх, Бурынъ и других Путивльского уезда, захваченные известиями о войне организовались в «боевой потешный отряд», пригласили одного отставного унтера и стали обучаться военному делу³. В Псковской губернии, ученики приходских и городских школ стали готовиться «к войне» с первого дня мобилизации. Готовили флаги, знамена и предметы снаряжения. С наступлением школьных занятий открылись и «военные действия». Каждый день после окончания уроков, дети, вооруженные деревянными ружьями и камнями, собираются в определенные места и начинают бои. В одном из этих сражений одному юнцу, изображавшему из себя «германца», основательно пробили голову камнем. По вечерам юные воины устраивают в городских садах

¹ О.И.-Н.Т. Война в рисунках детей // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 98-99.

² Там же. С. 90.

³ Кайский А. Дети на войне. Пг., 1915. С. 61.

Пскова «проволочные заграждения», натягивая на высоте полуаршинна от земли, между деревьями, веревки¹.

В период войны можно было отметить совместную игру мальчиков и девочек. Девочкам в общих играх поручалась роль сестры милосердия, а иногда, в качестве враждующей партии, они изображали австрийцев или немцев: мальчики считали позором играть «неприятеля». Девочки же, как народ более уступчивый, мирились со своей долей, лишь бы принять участие в общем веселье.

Играя отдельно от мальчиков, девочки, уже не воевали, но их игры вполне отражали влияние переживаемого момента. Из их любимейших игр следует назвать игру в «сестер милосердия», в «лазарет».

Куклы превращались в раненых, которым маленькие сестры осторожно перевязывали раны, давали лекарство, измеряли температуру².

Примечательно, что еще в январе 1914 г. Министерство народного просвещения предложило городским самоуправлениям

¹ Кайский А. Дети на войне. Пг., 1915. С. 62.

² Там же. С. 99.

устраивать площадки для детских игр и физических упражнений. Тамбовская городская управа согласилась с необходимостью физического воспитания детей путем устройства шести площадок в г. Тамбове. Для городских детей эти площадки должны были иметь важное значение, так как избавили бы детвору, особенно бедную, от пыльных, грязных и душных дворов, в которых они вынуждены целый день проводить время. Площадки же становились для них местом отдыха, развлечения и спортивных упражнений. Правда, городская управа сослалась на недостаток наличных средств и просила у министерства денег на пособие по устройству площадок¹. Управа заказала в одном из московских магазинов следующее оборудование, которое позволяет понять, что же привлекало детей на этих площадках и как они занимались физическими упражнениями:

- 1) крокет из простой березы
- 2) лаун-тенис
- 3) футбольный мяч из буйловой кожи
- 4) сердо английское, кольца и четыре палки обм. Кожей
- 5) ядро для толкания
- 6) диск деревянный
- 7) копье для метания
- 8) гантели или гири
- 9) руководство Федоров Подвижные игры
- 10) Лайтнер – Футбол
- 11) городки²

Такие детские площадки были призваны освободить детей от вредного влияния беженских общежитий и способствовать укреплению здоровья расшатанных детских организмов³.

В Петрограде также была организована бесплатная детская площадка общества «Детский городок петроградской части», которая функционировала с 23 мая по 24 августа 1914 г. Записалось на нее в течении лета 1618 человек: 840 мальчиков и 776 девочек. В основном ходили дети 7-10 лет, но были и 2х и

¹ ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5212. Л. 18.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Л. 38.

17 летние¹. Работающих детей было 72 человека. Среди работающих мальчиков встречаются 11-летние, среди девочек – даже 10-летние.

Усталые и нагруженные приходили они на площадку после духоты и копоти мастерских и фабрик и отдавались играм с тихой, как бы затаенной радостью. Только на прогулках спадает с них невидимая пелена: они громче всех смеялись и резвее бегали².

Было заметно, что очень многие дети приходили на детскую площадку растерянными, с вопросительно-недоуменными глазами. Даже те, у кого не был взят на войну никто из родных, приходили на площадку со слезами на глазах. Оказывалось, что они подолгу простаивали у призывных участков, начинали плакать.

В словаре С.Б. Борисова отмечается, что дети охотно играли в «военные» игры, войну, войнушку³. Часто игра следовала за непосредственно наблюдаемым явлением.

Солдатушки – бравы ребятаушки.
Юмористические открытки Первой мировой войны 1914-1918 гг.

¹ Яковлева К.Т., Соболев Н.С. Деятельность бесплатной детской площадки общества «Детский городок петроградской части» в 1914 г. Пг., 1915. С. 3.

² Там же. С. 5.

³ Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск, 2006. С. 46.

По анкетам детей в 1915 г. мальчиков играло в войну 79%, а девочек – 52%. В военных играх детей отражались современные события: врагами оказывались всегда немцы, турки и т.п., а численное превосходство всегда на стороне русских, в плен попадают главным образом немцы и австрийцы. Есть дети, которые всегда играют русских: «играю в войну, заявила одна девочка, и бываю всегда Россия». Один мальчик 9 лет заявил, что «раньше мы играли в войну, а теперь не играем, так как говорят, что мы все играли и через это война вышла»¹.

Мальчуган 8 лет отметил, что, «когда играет в войну, то бывают «раненые», которых подбирает «Красный Крест», но мальчик добавил, что «на «Красный Крест» мы не нападаем». Следует отметить, что значительная часть детей любит быть солдатами, но есть дети (22%), которые предпочитают быть офицерами и генералами². «Ни за что бы не играл ни с австрийскими, ни с немецкими детьми»³.

По наблюдениям К. Чуковского, мальчик, которому подарили игрушечный пистолет, «подбежал к географической карте и – хлоп! – выстрелил прямо в Германию.

– Я Вильгельма убил! Я Вильгельма убил! – завопил он с неистовой радостью.

Его обычное состояние – дрожь, лихорадочный военный азарт. Даже спать он идет с барабанами, ружьями, пушками. Ружья, сабли, барабаны, знамена, ножи – теперь единственные игрушки детей»⁴.

Всякая детская была превращена в арсенал. Мобилизована вся мебель, все игрушки. Кажется, если собрать все оружие, которым бряцают сейчас наши шестилетние, семилетние воины, то от врага ничего не останется: мгновенно будет сокрушен и уничтожен. Дети не страдали, от недостатка снарядов. Для них каждая палка – ружье, каждая щепка – снаряд. По словам одного

¹ Зеньковский В.В. О влиянии войны на детскую психику (по данным анкеты) // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 52.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 61.

⁴ Чуковский К. Дети и война // Нива. 1915. № 51. С. 949.

наблюдателя, даже глядя на французскую булку, ребенок увлекается мыслью, что это бомба для истребления немцев¹.

¹ Речь. 1915. 27 января.

«Один маленький мальчик схватил со стола длинный парижский хлеб и стал им выделывать ружейные приемы, восклицая:

– Это ружье! Это ружье! Можно пойти на войну убивать немцев!

Что стоит купающемуся в ванне ребенку превратить свой собственный палец в британскую подводную лодку и потопить в этих мыльных волнах огромную немецкую эскадру, состоящую из губки и градусника!

Дети вооружены превосходно. Их Крупповский завод – сама природа. Она поставляет им, в качестве ядер и пуль, еловые шишки, снежки, камешки, яблоки, груши.

– «Мои мальчики целые дни воюют, – записывает у себя в дневнике одна мать. – Крыша нового чердака их излюбленная позиция, а груши, немилосердно срываемые с дерева, – пули... Сражение жаркое. По двору пройти нельзя. Я удивляюсь, как они не плачут от получаемых ударов. Чувствую, что здесь много вредных моментов, и не знаю, как на это реагировать. Допустимо ли такое разгорание страстей? Особенно Сережа возбуждается... Ненависти и злобы в этой игре много».¹

Дети в играх любили причинять боль и «убивать». Одна мама выбирала мальчику игрушки. Остановилась на ружье. Мальчик в восторге и спрашивает маму: «Можно ли убивать из него». Нет отвечает мама, – вот когда вырастешь – тогда убивай!»². Приглядываясь к играм детворы, современники понимали, что дети, как всегда и везде, старались копировать действия старших, подражая им.

Так, М. Балласс писал, что после «ахов» и возмущений взрослых за чайным столом, в присутствии детей, поступками немцев с нашими пленными были повешены мальчишками вверх ногами многие кошки и собаки. Дело доходило до того, что «румяные мордочки кукол, одетых австрийцами и германцами, обливались керосином» и поджигались³.

¹ «Вестник Воспитания». 1915. IV. С. 137.

² Колоколов Н. Опасный уклон // Женская жизнь. 1914. № 5. Декабрь. С. 13.

³ Балласс М. Детские игры и творчество // Вестник воспитания. 1917. № 5. С. 2002.

Весьма примечателен дневник матери шестилетнего ребенка о проявлении милитаризма в его играх и сознании. Ребенку было 6 лет и 11 месяцев, когда началась война. «Масик очень сильно и много переживал. Он был в курсе всех военных событий, которые буквально его захлестывали... В рисунках последнего времени одна и та же тема: подводные лодки, аэропланы, сражения и т.п.¹. Политикой Масик очень интересуется, следит за газетами, хорошо помнит сообщения главного штаба и даже числа и дни в какие были донесения и когда не было... В ребенке появилась «кровожадность»: он с азартом рассказывает, что «надо всех немцев поубивать: всех, всех я бы замучил немцев». Когда смотрит на карту, сам себе шепчет: «Ах противные! Е-е-у гадость эти немцы, я бы их! Е-у всех бы убил, вот злые гадкие!» и начинает в порыве злобы бить кулаками по карте². Однажды мальчик встал у карты и порывисто говорил: «Ах, если бы я был царем, я бы завоевал весь мир, начал бы с Германии, потом Австрию, а окончил бы в Америке! Все бы было мое. А столицей бы сделал Москву!».

Играет часто в войну, расставляет шашки, домино, назначает главнокомандующего, генералов, полковых командиров, батальонных, ротных и даже унтер-офицеров³.

Полюбил бурные игры, во время которых очень шумит, кричит, воюет сам с собой. Любимые игрушки – ружье, шашка, револьвер, стрелы. Вместе с товарищем наловил мух и стали их сжигать⁴.

«В 1915 г. русская армия отступала и Масик был очень взволнован этими событиями... Когда был взят Перемышль..., покраснев, с сжатыми кулаками подошел к карте и крикнул: «Ну, вот там вы и погибнете», заявив, что он знает наверное, что главнокомандующий нарочно немцев заманивает, чтобы их уничтожить за Перемышлем, так как в Львове все для этого го-

¹ Стахорская М.П. Дневник Масика (Льва Стахорского) // Гаврилова Н.И., Стахорская М.П. Дневник матери. Записки о душевном развитии ребенка от рождения до семилетнего возраста. М., 1916. С. 175.

² Там же. С. 178.

³ Там же. С. 178.

⁴ Там же. С. 180.

товят... Когда же был взят Львов, Максик был подавлен, долго не говорил совершенно о политике. После взятия Варшавы Максик снова как будто потерял желание читать телеграммы, к карте не подходил недели две¹. Во дворе играет с мальчиками в войну: проводят электричество, роют окопы»².

В данном случае также вполне очевидны различия в положении детей из разных социальных групп и их проявления военных игр.

В заключении уместно привести объемную выдержку из исследования Е. Звягинцева, проведенного в 1915 г.: «Дети, как известно, охотно играли и еще охотнее играют теперь в войну. И трудно сказать: играют ли они так, как, по их предположениям, в действительности воюют, или о действительной войне они судят по собственным играм? Во всякое время дети охотно подражают взрослым, при чем объект подражания, определяется возрастом и характером ребенка. Теперь же, в глазах последнего, как будто взрослые стали подражать детям и стали столь же драчливы, как они. Сугубое основание для инсценирования боевых столкновений в играх. Приведем 2-3 выписки из наших писем с описанием игр. Вот сообщение общего характера из деревни Воронежской губернии: «Как только дети выбегут из стен школы на перемену, на вольный воздух, так сейчас же у них начнется деление на «русских», «германцев», «австрияков» и «турок», выбираются атаманы или предводители и пойдет отчаянная потасовка или шумная драка до тех пор, пока обе противные стороны не выбьются из сил.

Те же картины игр приходилось наблюдать и в других соседних селах игра «в войну» сделалась самым любимым занятием». «Первое, что нужно ответить (из Киевской губ.), касается игр детских: к играм в мяч дети прибавили следующее: мяч – пуля или бомба, которой стараются попасть точно в цель, т.е. в товарища – «немца» или «австрияка»; дети разделяются на

¹ Стахорская М.П. Дневник Масика (Льва Стахорского) // Гаврилова Н.И., Стахорская М.П. Дневник матери. Записки о душевном развитии ребенка от рождения до семилетнего возраста. М., 1916. . 188.

² Там же. С. 188.

две одинаковые партии, изображающие одна – «наших», другая – врагов, и с криками «бий немца» партия «наших» бросается на кулачки на противную и тузит одна другую до тех пор, пока не победят («наши», конечно) или пока не услышать окрика учителя; настроение детей во время подобных игр живое веселое». «В минувших годах, пишет сельских учитель из Томской губ., среди учащихся почти не было игр; поиграют, например, дня два в снежки и довольно. Нынче же пришлось даже воспретить эту игру, так как возникло опасение не только за целостность одних глаз. Носовые кровоизлияния во время игры – обычное явление. Характерно то, что не слышно было от потерпевших жалоб, несмотря на сильно развитое ябедничество, но всего интереснее то, что получившие кровопускание не обижаются и не сердятся на своих врагов-обидчиков. Едва только утихли снежки, как на фоне школьных игр появилась какая-то «кулага»; раньше о ней и помину не было, откуда она взялась, не знаю. Состоит эта игра в следующем: несколько учеников становятся кучкой у одной стены, а один – у другой, изображая собою «дида». Дид говорит, обращаясь к кучке: «Кулага, кулага!» Те в один голос отзываются: чего тебе диду надо? – «Засучайте рукава!» – На чьи бока? – спрашивают, в тоже время засучая рукава. Дид произносит имя одного из играющих учеников. Остальные должны ударить названного дидом, и дид в свою очередь обязан стукнуть раз. Битый становится дидом, и игра продолжается. Несмотря на то, что будущему диду здорово достается, играют ребятки с величайшим задором».

Драки, долженствующие воспроизводить происходящую теперь сложную борьбу народов, доминируют в детских играх, внося в детскую душу немало огрубения и ожесточения. В меньшей степени воспроизводимы в играх другие стороны войны, но такие игры все-таки есть. Их можно выделить в три, так сказать, сюжета. Первый – это полет и битва аэропланов и цеппелинов; второй – деятельность врачей и сестер милосердия, и третий – инженерно-саперные сооружения. Будучи более содержательными по сравнению с кулачками и примитивным мордобитием, эти игры, однако, находят для себя материал

в запасе реальных представлений и фактических сведений как у самих детей, так и у окружающих взрослых. Вот несколько сообщений о такого рода играх, переплетающихся, впрочем, с чисто боевыми сценами.

Взрослая интеллигентная сестра описывает игры своих младших братьев, учащихся в киевской гимназии, и маленькой сестры. «Самая любимая игра – «театр» (раньше этой игры не было). Темой служат текущие события; напр., прошлый раз «публика» устраивается в одном конце гостиной, а другая половина служит сценой. Занавеси нет. Из кресел и стульев устраиваются окопы. Электрическая лампочка, покрытая красной бумагой, – костер. Солдаты мерзнут в окопах и зажигают огонь. Вдруг, будто бы стреляют, из окопов отвечают, трещит пулемет (металлическая миска и паяльная палка). Солдаты бросаются в стремительную атаку на противоположный диван, и некоторые падают ранеными (участвуют, кроме двух братьев, по одному товарищу каждого). Публику предупреждают, что теперь мы – германцы, и Друсъ (11 лет) с злорадством докалывает раненного, который совсем падает с дивана на землю. Затем – сцена после сражения. Уже светло. Наточка (9 лет) в ночной рубашонке вместо халата, с красным крестом на руке, перевязывает раненных. Делает это она так искренно, так ласково, что, кажется, что это она в самом деле совершает подвиг сестры милосердия. Крестьянка приходит отыскивать своего мужа на поле битвы, находит раненым и плачет. Сестра утешает и ее. Тут появляются опять немцы и уводят в плен героиню-сестру. На этом конец. Представление намечается только в общем, а уже каждый актер говорит и действует по своей фантазии... Дети страшно увлекаются, нельзя дозваться, чтобы они шли спать! Есть и более мирные игры у девочек, но Друсъ играет, кроме театра, только в солдаты. Правда, что он и раньше ими играл, но теперь игра эта стала еще интересней: в ней проходит все, что он только услышал про войну (сам читать газеты он не охотник): крепости, набережные, флот, маяки и т. п. занимают подчас всю гостиную, так что проходу нет, а он лежит на полу и расставляет своих солдатиков. Конечно, все-

гда немцы и турки терпят жестокие поражения. Сестренка с подружкой еле выпрашивают себе диван и узенький проход к нему. «Ты меня не трогай, Друсик, я буду нейтралитет!» – слышу я Наточкин голос. Друсь и Владик хорошо рясуют. Тема у Друся – всегда война, битвы в воздухе, на воде и на суше, крушение поездов и т. п.». «Игры моих мальчиков, пишет мать, совершенно переменялись. Вместо путешествий, корабликов и построек теперь – война, осада крепостей, взрывы мостов, фортов, валов; траншеи, солдаты, пушки, аэропланы, всевозможные проекты и на бумаге – оба сына рисуют – и на деле; на известие о взятии Циндао реагировали сейчас же по прочтении телеграммы постройкой взятой крепости со всеми фортами, шумным взятием и разрушением, после которого было торжественное шествие по всем комнатам под граммофон, с флагами, пением и самыми сияющими лицами. Ни я, ни фрейлейн никогда не вмешиваемся в их игры, не поправляем, не подсказываем им ничего. Недавно, сделав «стрелки», летучки из бумаги, они устроили «воздушную битву» – у одного был Пегу, у другого – Нестеров, у фрейлейн – «Таубе», конечно, в конце-концов протараненный, сшибленный и уничтоженный». Одна сельская учительница, она же мать 8-летнего мальчика, пишет: «Наблюдая своего сына и других детей в их играх, вижу, что внимание детей сосредоточено на всяческих сооружениях. Как это устраиваются чемоданы, как стреляют в аэропланы? Стремятся все это изобразить, полагают, что «немцы хитрые» и что «у них всякие орудия есть»...¹

6.3. Детские рисунки и война

Известный ученый и коллекционер Василий Сергеевич Воронов (1887-1940), преподававший в годы Первой мировой войны рисование в реальном училище И.И. Александрова и мужской гимназии имени М.В. Ломоносова в Москве, стал собирать

¹ Звягинцев Е. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. 1915. № 4. С. 35-36.

с началом войны детские рисунки на военную тему. В одной из своих статей ученый писал: «Будущий историк наших дней будет благодарен за каждую правдивую и верную черту, отразившую нашу современность. В будущей громадной летописи о наших днях должны быть строки, вписанные рукой детей, и их рисунки, непосредственно отражающие то, что они видели и о чем думали»¹.

Собранные им рисунки отображают многочисленные свидетельства войны на фоне мирной жизни города: лазареты и санитарные вагоны, раненые на улицах и в госпиталях, перевозка раненых в автомобилях, выгрузка раненых из поездов и трамваев, сестры милосердия, пленные немцы и австрийцы, подарки солдатам, флаги воюющих держав. Особенностью данной группы рисунков является то, что все они были исполнены непосредственно с натуры, на основе реальных сцен и картин, представавших перед внимательными глазами детей.

Товарищи-раненые

В вагоне. Рисунок ученика V класса

¹ Вестник воспитания. 1915. № 2

Другие рисунки были посвящены событиям, происходившим непосредственно на театрах военных действий: сражениям на суше, на море и в воздухе. Особый интерес представляют изображения новых видов военной техники, появившихся в годы войны (бронемашины, броненосцы, подводные лодки, самолеты, дирижабли). Встречались рисунки, изображавшие русских, немецких и прочих иностранных солдат. Материалом для этих работ служили военные рассказы, читавшиеся детьми до войны, рассказы участников войны, передавшиеся из уст в уста, газетные описания и журнальные иллюстрации, воспоминания об играх «в войну» и, наконец, собственное авторское воображение¹.

Битва. Рисунок мальчика 10 лет

Вполне очевидно, что в детских рисунках военной поры вполне четко просматривалась «военная тема». Даже, когда им предложили нарисовать что-либо «из рождественских воспоми-

¹ «Я хочу быть русский солдат» // <http://www.shm.ru/shows/2139/>

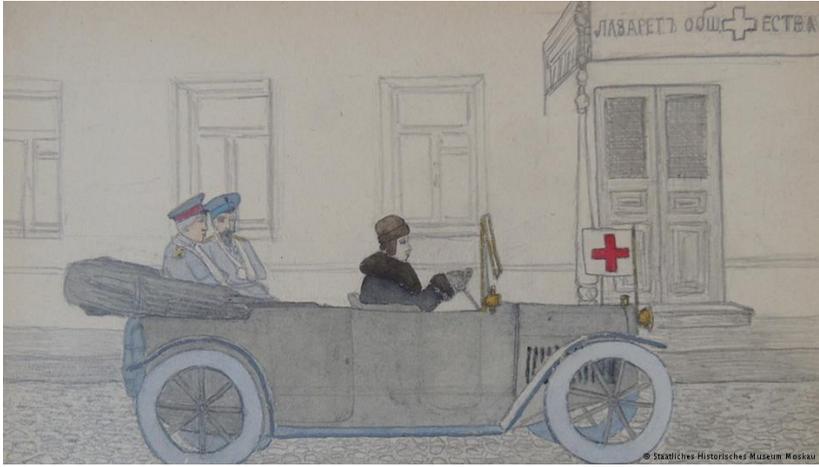
наний», дети изображали свои излюбленные темы и у них появились «елка в лазарете», «встреча Рождества на позициях» и т.п.¹.

Вот некоторые из этих рисунков²:

¹ О.И.-Н.Т. Война в рисунках детей // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 98.

² Так дети изображали военные действия (<http://www.shm.ru/shows/2139/>)

Современники отмечали, что «судя по этим работам, дети незаметно для нас, взрослых, живут нашими же интересами; они внимательно следят за разворачивающимися событиями и часто знают о них гораздо больше, чем думали их родители и воспитатели. Да оно и понятно. С утра ребенок слышит чтение газеты; выходя на улицу, видит массу солдат; нередко встретит и вагоны с ранеными»¹.

Преподаватели отмечали, анализируя рисунки детей, что «повышенным вниманием детей пользовались летательные машины и интересные сооружения; и наряду с таким исключительным вниманием бесспорно отсутствие сколько-нибудь точных знаний о том, как делаются и действуют эти машины, как строятся и чего стоят эти сооружения. Нам кажется, что повышенный интерес к войне, в частности к летательным снарядам, к технике крепостных сооружений должен быть использован, углублен и направлен от чисто боевых сюжетов к иному применению. Техника войны, как ни разрушительно ее назначение, опирается на успехи той же человеческой мысли и науки, которая в мирное время является созидающим фактором. Отправляя-

¹ О.И.-Н.Т. Война в рисунках детей // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915. С. 98.

ьясь от приподнятого интереса учащихся детей (о дошкольном возрасте мы не говорим) к войне, сообщите им, в меру их понимания, ряд посильных сведений и идей по авиации, фортификации и по экономике войны, и вы тем самым осветите ярким светом интереса очень многое и из совершенно мирного быта»¹.

По оценкам Н. Нестерова, многие рисунки детей в годы войны носили характер грубых карикатур, заимствованных со страниц журналов и газет. Подвиги русского солдата символизируются рисунком с соответствующей надписью:

Чтобы знал вперед науку,
Разломаю тебе руку.
А чтоб не думал о Руси,
На, щелчком ты закуси.
А австрийцу-недотроге
Отдавлю я больно ноги².

Под другим рисунком – не менее красноречивая запись:

Нам турки
Нипочем:
Перебьем их
Кирпичем³.

6.4. Дети как объект пропаганды

Дети являлись повышенным объектом внимания для пропагандистской работы в период войны. В педагогической литературе регулярно публиковались результаты анкет, опросов среди детей по вопросу об отношении их к современной им войне. Присматриваясь к этим детским анкетам, нельзя не заметить в них некоторой двойственности: с одной стороны в них выражается сожаление к солдатам, к раненым, к семьям, провожавшим на войну своих близких, с другой стороны часто высказы-

¹ Звягинцев Е. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. 1915. С. 151.

² Нестеров П. Война и учащиеся дети // Русская школа. 1915. № 2. С. 42.

³ Там же. С. 43.

вается желание «бить немцев...», «истязать», «продолжать войну до победы», которая рисуется в детских головках, как истребление всех германцев. Что же из этой двойственности вытекает из глубин самой детской души и что является пришлым, навевным из вне разговорами и суждениями взрослых? Для того, чтобы отделить собственное, детское от постороннего, наносного, стоит поставить мышление детей в иную плоскость, где не оказывал бы на них деспотического влияния взглядов окружающих взрослых людей и тогда будет ясно, настроены ли дети за или против войны вообще и настолько ли действительно ожесточены их сердца против врагов.

Одна из таких анкет была проведена в высшем начальном училище, причем желая поставить мышление детей в другую плоскость, преподаватель формировал вопрос о войне так: «Желательна ли война в будущем» (пусть это будет война освободительная, война, которая будет вестись с самыми лучшими намерениями и начата будет не нами, а навязана противниками?). Так как школа, в которой проводилась анкета, смешанная, то и в ответах детей сказалось некоторое характерное различие взглядов на войну у мальчиков и девочек. Подавляющее большинство детей вынесло отрицательный ответ на предложенный вопрос.

Для удобства весь анкетный материал разбит на группы, причем к первой группе отнесены отрицательные ответы, мотивированные соображениями религиозно-этического характера. Ко второй группе отнесены те, в которых отрицательный взгляд обоснован политическими соображениями. Наконец, в третью группу включены ответы, в которых отправной точкой зрения являются соображения общественно-бытового характера.

Наиболее характерны детские рассуждения первой группы, в которых высказывается отрицательный взгляд на войну в будущем. Так ученик 3 класса, натура весьма незаурядная склонная к мистицизму, писал: «Какая бы ни была польза от войны, воевать не нужно. Нужно помнить заповедь «Не убий» и не забывать, что человек дороже всего на свете, что всем хочется жить. Итак, пожелаем, чтобы не было войны, пожелаем мира

всему миру. Пусть будет покой и мир, и люди не истребляют зверски друг друга, как это было сделано цивилизованными народами в 20 веке».

Несколько в другом тоне дает ответ ученик того же класса: «Что дороже всего для человека? Конечно жизнь. Если считаем не нравственным и низким отнятие у ближнего даже пустяковой вещи, то тем более дурно и безбожно отнимать у других жизнь, с каким бы намерением это не делалось. А что такое война? Это отнятие многих людских жизней. Следовательно, война явление скверное у людей, дикое. Никакие рассуждения не могут убедить ум, что убивать людей при каких-нибудь условиях можно. Нет правильных рассуждений, которые ответили бы нам о войне, что это так должно и быть».

Число ответов первой группы сравнительно невелико и от общего количества составляет 15%. Вторая группа в количественном отношении гораздо больше: она составляет 25%. Довольно разнообразны и мотивы, приводимые в ответах. Так один из учеников 2 класса пишет: «Войны в будущем не желаю. Пускай Россия живет в мирном состоянии и употребит время на то, чтобы догнать другие государства в науках, промыслах и других занятиях. Сейчас наша Россия отстала от других стран». Иначе освещает вопрос другой ученик: «Россия не должна в будущем воевать, а заниматься науками, по которым мы отстали от других. Германцы, например, оказались способными во всех делах, а наш народ способен только пить да бить друг друга. Немецкий народ относится ко всему сознательнее, чем наш темный русский мужик».

Наконец, самую большую группу составляют ответы, с антивоенными общественно-бытовыми мотивами. «Война в будущем нежелательна, – пишет один ученик, – потому что теперь, например, вся Русская земля стонет, как подстреленная птица, от постигших ее бедствий. У детей война отнимает отцов-кормильцев, а у стариков сыновей-работников. Во время войны государство несет громадные расходы, жизнь становится дорогой».

Несколько иначе освещает бедствия от войны другой ученик 2 класса: «Во время войны взрослые оставляют семейства и

хозяйские дела, а дела в хозяйстве приходится справлять, и приходится нанимать других, платя за это дорого». Такими были ответы мальчиков. Что касается ответов девочек, то они почти целиком принадлежат к общественно-бытовой группе и только общий тон их несколько мягче: здесь больше говорит чувство, а не ум, как у мальчиков. Одна, например, ученица 3 класса пишет: «Пусть не будет войны никогда, никогда! Сколько в теперешнюю войну погибло народу сколько осталось сирот, которые проливают реки слез. Не меньше плачут и те, которые вернулись с войны калеками: они не могут теперь сами добыть куска хлеба. Будем просить Бога, чтобы война никогда больше не повторялась»... Другая ученица пишет: «В будущем войны быть не должно: она приносит много бедствий и заставляет проливать реки невинной людской крови». «Господи, пошли скорее конец этой войне и навсегда избавь нас от войн в будущем! – таков крик наболевшей детской души. Сколько теперь осталось сирот, которые не имеют ни своего теплого угла, ни куска хлеба!»...

В. Горный отмечает: «Что касается ответов, в которых выражается желательность войны в будущем, то они составляют меньше 1% от общего количества ответов и принадлежат мальчикам, в глазах которых война рисуется как ряд героических подвигов. Желая убедиться, нет ли здесь каких особых влияний, я подметил, что все эти герои и апологеты очень увлекаются лубочными картинками и лубочной литературой о современной войне. У двоих оказались довольно солидные коллекции подобной литературы. Подавляющее большинство ответов показывает, что к великой радости нашей не очерствели детские души под деспотическим влиянием кровавого кошмара войны: любовь к мирной жизни и бережное отношение к величайшему благу человечества – жизни людской – продолжают жить в детских душах. Будем же и мы, воспитатели, беречь эту святую искру детских сердец, будем всемерно оберегать детей от злого, наносного, преходящего, что несет с собою война»¹.

Военная пропаганда усиливала религиозные настроения детей, которые чаще всего проявлялись в домашней обстановке,

¹ Горный В. Война и дети // Народный учитель. 1916. № 4. С. 5-6.

когда они со своими родными и близкими молились, просили Бога защитить их отцов и даровать России победу над врагом. Некоторые дети сами сочиняли молитвы: «Помилуй нас, Бог родимый. Будем мы тебе молиться, пока не закончится война!». Родители замечали, что нередко дети, которые были достаточно равнодушны к религиозной обрядовости до войны, теперь стали усердно посещать богослужения и часто обращались со своими молитвами к Богу.

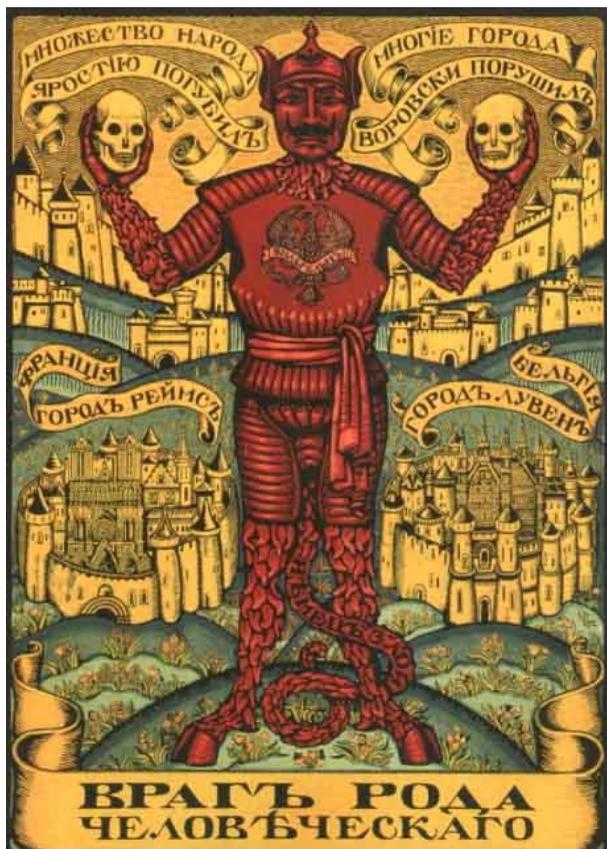
Некоторые дети так страстно переживали первые месяцы войны, что худели, говорили о войне только шепотом, как о чем-то таинственном. Все, что касалось русской армии, казалось юным патриотам священным и божественным. Так, один мальчик, лежа в постели простуженный, узнав, что принесли кружку для пожертвований, вскочил, поцеловал эту кружку, приложился к ней, как к иконе, и опустил туда свои заветные грошки.

Анализ детских сочинений военной поры свидетельствует, что детские души находили религиозный выход и психически становились устойчивее в результате обращения к Богу. Не случайно, религиозные запросы детей были очень сильны – об этом на каждом шагу говорят сочинения: обращение к Богу, молитва для многих была единственным ресурсом, откуда они черпали силы для жизни («В ночь под Благовещение была страшная канонада; я не спала и всю ночь молилась» – эти слова девочки 14 лет чрезвычайно типичны). В сочинении 16-летнего ученика было записано: «Я никогда раньше не молился, никогда не вспоминал Бога, но когда я остался один (после смерти брата), я начал молиться; я молился все время – где только представлялся случай и – больше всего молился на кладбище, на могиле брата». В этих словах так выразительно передано религиозное напряжение, всецелый уход в молитву. Исцеляющее действие религии на душу, дающей примирение с прошлым, было крайне нужно детям и помогало им пережить ужасы войны и гибель близких им людей.

Часто в сочинениях дети писали: «Господь поможет победить врага. Бог наш силен и не даст обидеть Россию», «Пошли

Господь миру и моего папашу верни домой. Все солдаты будут рады этой милости Божьей», «До каких же пор будем воевать, неужели не замолить, чтобы Бог помог победить врага»¹.

В заключении приведем несколько пропагандистских плакатов периода Первой мировой войны 1914-1918 гг., которые были хорошо знакомы детям войны.

¹ Щербинин П.П. Детская религиозность и патриотические почини детей в период войн России начала XX в. // Макарьевские чтения: материалы девятой международной конференции / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск: Изд-во РИО ГАГУ, 2011. С. 69-74. (в соавторстве с Ю.В. Щербиной)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая мировая война 1914-1918 гг. не прошла для детей бесследно. Она расширила их мир, вызвала не только трансформацию их сознания, но и самого стиля их жизни. Да, среди них были «жертвы войны», однако они в большинстве своем не надели на себя «жертвенные» маски – с такой ролевой установкой в то сложнейшее время было просто не выжить. Эти дети учились бороться, быть самостоятельными и инициативными, независимыми, необходимыми обществу, что уже в годы войны вызвало пересмотр и изменения в применяемых по отношению к ним образовательных и воспитательных практиках. Еще более активизировались эти процессы после февральско-октябрьских событий 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войны. В результате в России выросло особое поколение мужчин и женщин, сформировавшееся в специфических «военно-революционных условиях». Это поколение было во многом «милитаризованным», чему в немалой степени способствовало создание пионерской организации с ее военно-политической идеологией, атрибутами и ритуалами¹. Постоянная готовность к войне, усиленная бдительность, поиск врага – как реального, так и потенциального – стали неотъемлемыми характеристиками новых советских воспитательных практик.

Основные выводы научно-популярной работы:

1) изучение патриотической деятельности детей в периоды войн начала XX в. позволяет оценить не только мотивы и следствия их поведения и настроений, но и выявить существенные стороны военной повседневности. Вне всякого сомнения, детский патриотизм военной поры отражал важнейшие проявления развития гражданственности и самореализации юных россиян и россиянок, свидетельствовал о модернизации и европеизации общественного сознания в России начала XX в. В данном контексте весьма перспективным представляется проведение компаративистских исследований по проблеме военного детства

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С. 167.

военных лет начала XX в., специальное изучение ювенологии как особого исследовательского направления, привлечение методик микроистории и истории повседневности, методологического опыта историков, психологов, культурологов, демографов, этнографов, что позволит выявить новые страницы «детской» составляющей повседневной жизни российского социума в периоды войн России начала XX в.

2) Исследование военной повседневности неизбежно приводит к анализу проблем детства, взаимоотношения полов и поколений в кризисные периоды Отечественной истории, которым и явились Русско-японская 1904-1905 гг. Первая мировая война 1914-1918 гг. Детский патриотизм не мог ограничиться только сбором пожертвований и отправкой посылок на фронт. Общественная самореализация и опыт старших поколений (наличие широкого спектра дамских комитетов, организаций помощи беженцам, комитетов по поддержке солдатских семей и т.п.) были заразительны для детей и подростков, вызывая и у них стремление к общественной инициативе и самореализации. Учащиеся охотно сотрудничали с организациями общеземского союза и союза города, других общественных организаций, участвуя в помощи раненым, беженцам, проведении переписей нуждающихся в помощи семей и т.п. Одним из направлений патриотической деятельности учащихся в период Первой мировой войны явилась трудовая помощь семьям призванных на войну. На селе особенно остро ощущалась нехватка рабочих рук, и одним из источников пополнения трудовых ресурсов, помощи семьям солдаток явилась организация ученических дружин. Конечно, от многих учащихся, не знавших прежде сельскохозяйственного труда, сложно было ожидать больших успехов в этом деле, но все же помощь солдатским семьям, оставшимся без кормильца, была весьма ощутимой. Многим солдаткам ученические дружины помогли не только в сборе урожая, но и в других домашних заботах (заготовке дров, вывозе навоза и пр.).

3) Оценивая влияние войн начала XX в. на детскую повседневность, исследователи традиционно обращают внимание на такие ее проявления, как патриотические почину учащихся по

сбору пожертвований, бегство детей на фронт, детские настроения. Между тем, проблемы девиантного поведения, отклонения от нормы привычной повседневной жизни (детская преступность, проституция, алкоголизм, наркомания) детей и подростков в кризисные периоды Отечественной истории требуют специального научного анализа и изучения. Структуры военной повседневности отражали весь спектр противоречий общественной жизни и социокультурной атмосферы дореволюционного российского общества, являлись составной частью будней и праздников, работы и отдыха, семейных и социальных традиций, опыта прошлых поколений. Проведенное по проекту изучение повседневной жизни детей в условиях военной повседневности позволило выявить причины развития детской проституции, роста детских правонарушений и особенностей психэмоционального мира детей, вовлеченных в водоворот военных событий.

4) Весьма перспективным представляется проведение компаративистских исследований по проблеме военного детства военных лет начала XX в., специальное изучение ювенологии как особого исследовательского направления, привлечение методик микроистории и истории повседневности, методологического опыта историков, психологов, культурологов, демографов, этнографов, что позволит выявить новые страницы «детской» составляющей повседневной жизни российского социума в периоды войн России начала XX в.

5) Вполне очевидно, что наиболее уязвимой, слабой и страдающей в годы военного лихолетья категорией российского социума были дети. Не имевшие подчас жизненного опыта, лишённые родительского внимания, оказавшиеся в водовороте военной повседневности дети и подростки вынесли из военного опыта все его отрицательные последствия: милитаризацию сознания, правовой нигилизм, санитарно-гигиенические неурядицы, ухудшение структуры питания, снижение уровня образования и многое другое.

6) К сожалению, приходится констатировать, проблема военного опыта детей, феномен «воюющего» ребенка или подро-

стка остаются актуальными явлениями современности. В Чечне и Афганистане, Ираке и Израиле, Пакистане и Сомали, других странах проливается кровь не только профессиональных солдат и повстанцев, но и мирного гражданского населения. В этом смысле условия непрекращающихся военных конфликтов продолжают наносить удар по детству, а тысячи детей погибают, становятся инвалидами, теряют родителей, живут в нищете и антисанитарных условиях. Современные дети обретают собственный военный опыт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Архивные источники

1. Государственный архив Тамбовской области.
2. Российский государственный военно-исторический архив.
3. Российский государственный исторический архив.
4. Центр документации новейшей истории Тамбовской области.

Мемуары, путевые записки, дневники, отчеты

5. Бернштам В. Около войны (в деревне и в пути) // Вестник Европы. 1914. № 10.
6. Горбатов Н. Годы войны. М., 1992.
7. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / вступ. статья Н.П. Соколова и А.Д. Степанского, публ. и коммент. Н.П. Соколова. М., 2000.
8. Зернов В. Начало войны и революции // На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Париж, 1970.
9. Зернов Н. Война 1914-1918 г. и крушение империи // На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Париж, 1970.
10. Зернов Н. Наши игры // На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Париж, 1970.
11. Зернов Н. Черноморское побережье // На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Париж, 1970.
12. Зернова С. Отрочество // На переломе. Три поколения одной московской семьи (семейная хроника Зерновых). Париж, 1970.

13. Лихачев Д.С. Книга беспокойств. Воспоминания, статьи, беседы. М., 2001.
14. Мещерская Е.В. Жизнь некрасивой женщины. М., 2007.
15. Миклашевская Л. Повторение пройденного. Из воспоминаний // Чему свидетели мы были. Женские судьбы. XX век. СПб., 2007.
16. Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2003.
17. Отчет общежития ЕИВ Великой княгини Елизаветы Федоровны для юных добровольцев в Москве за время с основания по 1 января 1916 г. М., 1916.
18. Паустовский К.Г. Далекие годы: повесть о детстве и юности. М., 1946.
19. Познер С. Дела и дни Петрограда 1917-1921. Воспоминания-размышления. Берлин, 1923.
20. Стахорская М.П. Дневник матери. Записки о душевном развитии ребенка от рождения до семилетнего возраста. М., 1916.
21. Урусова Е. Деревенские картинки // Русская мысль. 1916. № 12.
22. Шаховская З. Таков мой век. М., 2006.
23. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1 и 2. М., 1961.

Периодическая печать

24. Борисоглебский листок. 1914.
25. Вестник воспитания. 1915.
26. Известия Главного комитета Всероссийского земского союза. 1916.
27. Листок общества содействия мальчикам разведчикам «Русский скаут». 1915.
28. Новое время. 1917.
29. Орловские епархиальные ведомости. 1916.
30. Охрана материнства и младенчества. 1917.

31. Правительственный вестник. 1915.
32. Правительственный вестник. 1916.
33. Призрение и благотворительность в России. 1914.
34. Речь. 1915.
35. Русская школа. 1916.
36. Русское слово 1917.
37. Русское слово. 1915.
38. Тамбовские епархиальные ведомости. 1914.
39. Тамбовские Епархиальные ведомости. 1915.
40. Тамбовский земский вестник. 1915.
41. Тамбовский земский вестник. 1916.
42. Тамбовский земский вестник. 1916.
43. Тамбовский край. 1916.
44. Тамбовский листок. 1915.

Научная литература

45. 12-летний герой // Нива. 1914. № 41.
46. Анохин А.К. Спутник юного разведчика. Организация и занятия с юными разведчиками. Киев, 1915.
47. Араловец Н.А. Городская семья в России 1897-1926 гг. Историко-демографический аспект. М., 2003.
48. Асташов А.Б. Дети идут на войну: из истории «детского вопроса» в России в годы первой мировой войны // Какорея / Макаревич Г.В., Тендрякова М.В., Безрогов В.Г. Из истории детства в России и других странах: сборник статей и материалов. Сер. «Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 1. Российский государственный гуманитарный университет, Российская академия образования; редколлегия: Г.В. Макаревич (сост.), М.В. Тендрякова, В.Г. Безрогов. М., 2008. С. 101-113.
49. Афанасьев Г.Е. Введение к беседе на тему «Дети и война» // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915.
50. Балашов Е.М. Школа в Российском обществе 1917-1927 гг. Становление нового человека. Санкт-Петербург, 2003.
51. Балашов Е.М. Школьная молодежь в эпоху революций и войн (1905 – начало 1920-х гг.) // Страницы российской исто-

рии: межвузовский сборник научных трудов к 60-летию профессора Г.А. Тишкина / под ред. А.О. Боронова, Е.Р. Ольховского. М., 2001.

52. Бахрушин С. Борьба с детской преступностью в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 5.

53. Бахурин Ю. «Одинокие с родины» дети-беженцы Первой мировой в Московской губернии // Родина. 2013. № 8. С. 139-141.

54. Безрогов В. Г. Виды коллективной памяти в автобиографии // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001.

55. Бельский П. Преступность и дети // Психология и дети. 1917. № 2.

56. Бентовин Б. Торгующие телом // Русское богатство. 1904. № 11.

57. Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. Т. 23. М., 1947.

58. Берлинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001.

59. Биншток Б., Каминский Л. Народное питание и народное здравие. М.-Л. 1929.

60. Богданов А. Война и женщина. Пг., 1914.

61. Бокова В.М. Школьные сочинения о Первой мировой войне // Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). Вып. VI. М., 1995.

62. Бокова М.Н. Дети в сражениях Первой мировой войны // Про пупс. Современные политические процессы. 2013. № 1 (12). С. 102-105.

63. Борисов М. Наше прошлое. Казань, 1923.

64. Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск, 2006.

65. Бородин Д.К. Пьянство среди детей. СПб., 1910.

66. Брусянин В. В. Война, женщины и дети. Пг.-М., 1917.

67. В.К. Заботы о детях беженцев на Юго-Западном фронте // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 4.

68. Василевский Л.М. Детская «преступность» и детский суд. Тверь, 1923.

69. Василевский Л.М. Детская «преступность» и детский суд. Тверь, 1923.
70. Василевский Л.М. По следам войны. Впечатления военного врача. Пг., 1916.
71. Васильева М.А. Социальная помощь сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в годы Первой мировой войны в оренбургской губернии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 2 (46).
72. Ватник Н.С. Учащаяся молодежь в годы Первой мировой войны // *Nomina belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII-XX вв.: мат-лы Росс. научной конференции.* Н.-Новгород, 2000.
73. Вержболович Б.Г. Вторая Отечественная война, или Первая мировая (1914-1918). М., 2004.
74. Виноградов Г.С. Детский фольклор и быт. Иркутск, 1925.
75. Володевич Н.Н. Современная война и задачи воспитания // Дети и война. Сб. статей. Киев, 1915.
76. Галвазин С. Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001.
77. Гальперин В.И. Проституция детей // Дети-преступники: сб. статей / под ред. М.Н. Гернета. М., 1912.
78. Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965.
79. Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974.
80. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1952.
81. Гетрелл П. Беженцы и проблемы пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб., 1999.
82. Гинзбург Е. Условия попечительской работы (III глава из отчета Особого суда для малолетних в Киеве за 1916 г.) // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 6-7.
83. Гогель С. К чему пришли на съезде в Москве по вопросам призрения детей // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 3.

84. Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб., 1998.

85. Гордиенко О.Н. Организация помощи детям беженцев учебными заведениями алтайского округа в годы Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1.

86. Горный В. Война и дети // Народный учитель. 1916. № 14.

87. Давидсон А.Б., Филатова И.И. Россия и первая война XX века // Исторические записки. Вып. 11 (129). 2008.

88. Данилов В.П. О возможностях поколенческого анализа в познании исторического процесса в России // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

89. Дашкевич Л. К организации деревни. Выдача в деревне продовольственного пайка семьям воинов // Русская мысль. 1915. № 10.

90. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. М., 2000.

91. Демидова Е.Л. Вологодские священники и их дети – участники Первой мировой войны // История в подробностях. 2014. № 6 (48).

92. Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М., 1929.

93. Дети труда в русской художественной литературе / сост. Н.А. Столляр. М., 1925.

94. Дети-проститутки в дни войны // Вестник воспитания. 1917. № 2.

95. Детские дружины для оказания помощи семьям призванных на войну во время полевых работ в г. Омске // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 5.

96. Дорошевский Ф. Общепедагогическая организация в Воронеже // В дни войны. 1916. № 1.

97. Дресвянин С. Секретная война. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

98. Елистратов А. Задачи государства и общества в борьбе с проституцией // Публичные лекции. М., 1911.
99. Ермолов В. Женщины и дети в сражениях Первой мировой войны // Первой сентября. 2003. № 9.
100. Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 9.
101. Жуков И.Н. Русский скаутизм. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Пг., 1916.
102. Жулев П. Трудовые дружины // Русская школа. 1915. № 11.
103. Залесский В.Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916.
104. Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861-1917 гг.). Новосибирск, 1998.
105. Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т. 2. М., 1931.
106. Звягинцев Е. Отношение детей к войне // Вестник воспитания. 1915. № 4.
107. Земцов Б.Н. Революция 1917 г.: Соц. предпосылки. М., 1999.
108. Зеньковский В.В. О влиянии войны на детскую психику (по данным анкеты) // Дети и война. Сб. статей. Киев, 1915.
109. И.К. Отчет об организации и работе дружины учащихся Миргородской художественно-промышленной школы имени Н.В. Гоголя в помощь семьям воинов в уборке полей // Педагогический журнал для учащихся народных школ Полтавской губернии. 1915. № 8. С. 9-18.
110. Иванова. Нужда и общественная помощь // Женский вестник. 1915. № 3. С. 62-65.
111. Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках // Вестник воспитания. Кн. 2 и др.
112. Из обзора детских книг // Русская школа. Январь 1915. № 1.
113. Илион Б. Из личного опыта // Половое воспитание: сб. статей, составленных учителями, родителями и воспитателями. М., 1913.

114. Кабо Е.О. Очерки рабочего быта, Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М., 1928.
115. Кабо Р. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований). М., 1918.
116. Кайдышева Н.Н. Взаимодействие власти и общества в деле попечения о детях в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Наука и современность. 2013. № 24.
117. Кайдышева Н.Н. Власть и общество в деле попечения о детях в пермской губернии в годы Первой мировой войны // Актуальные вопросы современной науки. 2013. № 28.
118. Кайский А. Дети на войне. Пг., 1915.
119. Канаев И.Н., Щербинин П.П. Дети-шпионы и русская контрразведка в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Вып. 8 (64). Тамбов, 2008.
120. Капица О.И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание. Обзор материала. Л., 1928.
121. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 гг.). Л., 1985.
122. Клементьев Р.А. Дети и война: образ ребенка в российских открытках и плакатах периода Первой мировой войны // Человек и общество в условиях войн и революций: сборник материалов Всероссийской научной конференции / ред. кол.: Е.Ю. Семенова (отв. ред.), В.Н. Курятников, К.М. Макитрин. 2014.
123. Ключарева А.В. Попечение о детях в годы Первой мировой войны со стороны духовенства (по материалам тульской епархии) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. № 24.
124. Князькин И.В. История Петербургской проституции. СПб.: Балтика, 2003.
125. Колоколов Н. Опасный уклон // Женская жизнь. 1914. № 5. Декабрь.
126. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.

127. Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988.
128. Кон И.С. Этнография детства. М., 1983.
129. Корнилов К.Н. Летопись детской жизни // Психология и дети. 1917. №1-2.
130. Кравченко Е.В. Письма детей-беженцев Первой мировой войны как исторический источник // Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Международной научно-практической конференции. 2015. С. 265-268.
131. Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970.
132. Кудряшев Ю. Российское скаутское движение. Исторический очерк. Архангельск, 1997.
133. Кузмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1.
134. Кучин В.Л. Скауты России XX век. Воспоминания старших поколений. М., 2003.
135. Лебедев С. Трудовые дружина учащейся молодежи в деревне // Русская школа. 1916. № 1.
136. Лебина Н. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006.
137. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003.
138. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге 90-е гг. XIX в. 40-е гг. XX в. М., 1994.
139. Лебенина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 19120-1930-е гг. СПб., 1999.
140. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
141. Левитин С. Война и дети // Русская школа. Июль-август 1915. № 7-8.
142. Левитин С. Дети и война // Русская школа. Май-июнь 1915. № 5-6.

143. Левитин С. Крестьянские дети и война // Русская школа. Сентябрь-октябрь 1915. № 9-10.
144. Левитина М.И. (Маро) Беспризорные. Социология, быт, практика работы. М., 1925.
145. Левитский В. Беспризорные дети и война // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915.
146. Левитский В. Дети-проститутки в дни войны // Вестник воспитания. 1917. № 2.
147. Левитский В. Из камеры судьи малолетних // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 122.
148. Левитский В. Очередные задачи общественного призрения детей в г. Киеве // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 3-4.
149. Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. М., 1925.
150. Лилина З. Дети-революционеры. М.; Л., 1926.
151. Лилина З. Солдаты тыла. Женский труд до и после войны. Пг., 1918. С. 81-82.
152. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1904. С. 179.
153. Ломанченкова Т.М. Девочки-няни (Бывш. Тверскую губ. Весегон. уезда Сандовская и Лукинская волости) // Детский быт и фольклор: сб. первый / под ред. О.И. Капицы. Л., 1930.
154. Лосский Б.Н. Наша семья в эпоху лихолетья 1914-1922 годов // Минувшее: Исторический альманах. 11. М.; СПб., 1992.
155. Максимова С.И. Юные добровольцы // История в подробностях. 2014. № 6 (48).
156. Малиновский Н.П. Дети запасных // Призрение и благотворительность в России. 1914. Октябрь-ноябрь-декабрь. № 8-9-10.
157. Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004.
158. Мещерский Г.И. Программа чтений по венерическим болезням. М., 1921.
159. Микиртичан Г.Л. Организационные технологии помощи детям в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 11: Медицина. 2014. № 4.

160. Микиртичан Г.Л. Организация помощи детям в годы Первой мировой войны // Российский педиатрический журнал. 2014. Т. 17. № 4. С. 61-64.
161. Микиртичан Г.Л. Показатели здоровья и помощь детям в годы Первой мировой войны // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2014. № S1. С. 143-145.
162. Минакова В.П. К истории организации в России движения трудовых ученических дружин. Воронеж, 2002.
163. Мышкис В.С. Малолетние преступники в Петрограде. СПб., 1914.
164. Недостаток школ // Педагогический журнал. 1915. № 11.
165. Нестеров П.Н. Война и учащиеся дети // Русская школа. Февраль 1915. № 2.
166. Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914-1918 гг. М.: ОГИЗ, 1942.
167. Никольский А. Женщины и дети на войне // Русская мысль. 1916. № 2.
168. О числе беженцев в империи на 1 июня 1916 г. // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 6.
169. О.И.-Н.Т. Война в рисунках детей // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915.
170. Обзор деятельности Алексеевского Главного комитета за десятилетие 1905-1916 гг. Пг., 1915.
171. Обухов А. Война и дети // Русская мысль. 1914. Октябрь.
172. Огронович В. Положение беспризорных детей в Петрограде в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 1-2.
173. Окунев Я. Дети на войне // Русская школа. 1917. № 5-8.
174. Осипов А. Резонтова Н. Школа малолетних шпионов и секс-бомбы для русских солдат. URL: <http://www.pravda.ru/districts/volga/nizhnynovgorod/26-11-2002/7783-0/>
175. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
176. Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени

(III-XVI вв.): учебное пособие по педагогической антропологии / сост. и отв. ред. В.Г. Безрогов. М., 2001.

177. Писаренко И.С. Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны: монографическое историко-краеведческое пособие. Калуга, 2001.

178. Полонский Г. Регулирующие мероприятия правительства и общества в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917. С. 15-49.

179. Полчанинов Р. 75-летие ОРИУР // Опыт. 1985. № 80.

180. Попова Е.О. Российские дети в годы Первой мировой войны // Pro nunc. Современные политические процессы. 2013. № 1 (12). С. 122-126.

181. Потемкин И. Современная война и детское творчество (окончание) // Русская школа. 1916. № 5-6.

182. Приют для детей интеллигентных беженцев в Петрограде // Нива. 1917. № 4.

183. Приюты-ясли в деревнях // Женский вестник. 1915. № 4.

184. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918 г. С. 238-246.

185. Проституция, война, половые болезни // Русский журнал кожных и венерических болезней. 1915. № 4-6.

186. Работы и впечатления Саметской сельской трудовой дружины. Записки дружинниц / предисл. В.Н. Фигнер. Пг., 1917.

187. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956.

188. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958.

189. Репинецкий А.И. Женщины и дети в годы Первой мировой войны (на материалах поволжья) // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы Международной научной конференции. 2014. С. 457-462.

190. Родников В. Литература о детях и литература для детей в связи с войною // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915.

191. Рубинштейн М.М. Война и дети // Вестник воспитания. 1915. № 2.

192. Румянцев Е.Д. Рабочий класс Поволжья в годы Первой мировой войны и Февральской революции (1914-1917 гг.). Казань, 1989.

193. Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зими́на и др. СПб.: Искусство. 2006. 566 с.

194. Рыбаков Ф.Е. Душевные расстройства в связи с политическими событиями // Русский врач. 1905. № 51.

195. Рыбников Н.А. Автобиографии рабочих и их изучение. Материалы к истории автобиографии как психологического документа. М.-Л., 1930.

196. Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время. Ч. 1. Томск, 1919. // Антология истории спецслужб. Россия. 1905-1924 / вступ. ст. А.А. Здановича. М.: Кучково поле, 2007.

197. Сабинин А.Х. Проституция. Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции. Историко-профилактический этюд. СПб., 1905.

198. Сайдаметов Д., Шляпников Н. Германно-австрийская разведка в царской России. М.: Госвоениздат Наркомата обороны СССР, 1939.

199. Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. С.413-430.

200. Сальникова А.А. «Великая», «святая», «далекая»... Первая мировая война в восприятии детей-современников // Россия и современный мир. 2009. № 2 (63). С. 134-150.

201. Сальникова А.А. «Детский текст и детская память в эпоху катастроф» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. статей. Челябинск, 2004. С. 413-430.

202. Сальникова А.А. Детство как миф: некоторые аспекты изучения российско-советского детства в зарубежной историографии // Сlio Moderna. Зарубежная история и историография. Вып. 3. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С.107-119.

203. Сальникова А.А. Источники по истории советской повседневности и проблемы их источниковедческой критики // Эпоха, культура. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920-1950-6 годы). Харьков. 2004.
204. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.
205. Самохин К. О материальном положении крестьян и социальной политике государства в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) // Армия и общество: мат-лы междуна. науч. конф. 28 февраля 2000 г. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2002. С. 211-213.
206. Семенова Л.Н. Влияние Первой мировой войны на школьную жизнь, сознание детей и народных учителей. // Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2014. С. 88-91.
207. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999.
208. Серманов С.Н. Петербургские рабочие накануне первой русской революции. М., 1966.
209. Синова И.В. Первая мировая война и детские девиации // Клио. 2014. № 3 (87). С. 61-63.
210. Синова И. В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
211. Синова И. В. Гендерный анализ девиантного поведения детей и подростков на рубеже XIX – XX веков // Вестник ТвГУ. 2013. № 22. Серия «История». Вып. 3. С. 116-125.
212. Синова И. В. Первая мировая война и дети // Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР 1999 года. Сборник докладов. СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ, 2000. С. 59-61.
213. Синова И. В. Повседневная жизнь детей в условиях Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой

войны): материалы междунар. науч. конф., 14-16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 487-492.

214. Сироткин Я.Н. Первая мировая война и рост числа беспризорных в России // Грани познания. 2015. № 2 (36). С. 21-24.

215. Славные подвиги мальчика-героя в войне России с Германией и Австрией. Киев, 1914.

216. Слезин А.А. Тамбовская ученическая трудовая дружина // Гуманитарные науки: проблемы и решения. Вып. III: сб. научных статей / под ред. А.А. Слезина. СПб., 2005.

217. Современные амазонки // Искры. 1914. № 37.

218. Сокольский А. История русского скаутизма (1909-1918) // Опыт. 1955. № 19. С. 26-29.

219. Стрелков А. Первая мировая // Городские известия. 2004. 20 апреля.

220. Стрельников В.А. Патриотическое воспитание российской молодежи в начале XX века (1900-1914) // Патриотизм – духовный стержень народов России / отв. ред. Г.А. Куманев. М., 2006.

221. Стрельцов Р. Перепись Петрограда // Вестник Европы. 1916. № 2.

222. Судаев Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.-Ставрополь, 2001.

223. Султанов Р.А., Хисамутдинова Р.Р. Реализация государственной политики по охране материнства и детства на Южном Урале в годы Первой мировой войны (1914-1917) // Клио. 2015. № 7 (103). С. 89-93.

224. Тарновский Е. Влияние войн на движение преступности // Журнал министерства юстиции. 1915. № 6. С. 86-87.

225. Тарновский Е. Война и движение преступности // Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918. № 1-4. С. 102-104.

226. Тарновский Е. Движение числа несовершеннолетних, осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901-1910 гг. // Журнал министерства юстиции. 1913. № 10. С. 45-50.

227. Тарновский Н.А. О суде для малолетних и введении его путем судебной практики. СПб., 1913.
228. Терешкевич А.М. Влияние войны и революции на психическую заболеваемость // Московский медицинский журнал. 1924. № 4.
229. Термитин Ф. Противоалкогольное совещание в Москве 9-11 мая // Земское дело. 1915. № 13-14.
230. Тихомиров Д.И. Переоценка ценностей: Уроки войны русскому педагогу. М., 1914.
231. Турук Ф. Трудовые сельскохозяйственные дружины // Известия по народному образованию. 1917. № 3-4.
232. Утевский Б. Хулиганство в эпоху 1905-1914 гг. // Хулиганство и хулиганы. Сб. М., 1929.
233. Ученики-рабочие // В дни войны. 1916. № 24.
234. Ушакова Ю.О. Дети России в Первой мировой войне // Pro nunc. Современные политические процессы. 2013. № 1 (12). С. 99-101.
235. Фомичев И.В. Благотворительная помощь детям-беженцам и детям-сиротам в годы Первой мировой войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. № 25. С. 196-199.
236. Фролова И.В. Система призрения детей и подростков в период Первой мировой войны (на примере Новгородской и Псковской губерний) // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX ВВ. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы Международной научной конференции. 2014. С. 368-374.
237. Фроммет Б. Борьба с «военной» психологией // Свободное воспитание. 1916-1917. № 6.
238. Фурс М.В. Скауты в дореволюционной России. М., 1996.
239. Хрущева А. Крестьянство в войне и революции. Статистико-экономические очерки. М., 1921.
240. Хулиганство и хулиганы. Сб. М., 1929.
241. Чембулов Ф. Сельскохозяйственные дружины учащих как воспитательный фактор // Вестник воспитания. 1917. № 2. С. 135-136.

242. Чембулова Ф.З. Трудовые дружины учащихся // Труды совещания по организации посевной площади в 1917 году 22-24 ноября 1916. Доклады и постановления. М., 1917.

243. Чуковский К. Дети и война // Нива. 1915. № 51.

244. Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.). Томск, 1966.

245. Шанин Теодор История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

246. Шеперович М.В. Как не следует бороться с проституцией // Медицинский современник. 1915. № 16.

247. Шишлов И. Перепись детей школьного возраста г. Томска. Томск, 1904.

248. Школьники и дети-беженцы // Педагогический журнал. 1915. № 11.

249. Шустер Ф. «Дай мне хлеба, и я дам тебе девушку». Бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во время Первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914-1920 годов и судьбы восточноевропейского еврейства / отв. ред. О.В. Будницкий. М., 2005.

250. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в 18 – начале 20 в.: монография. Saarbrucken, 2010.

251. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Монография. Тамбов, 2004. 508 с.

252. Щербинин П.П. Городские дети в дни войны (влияние военного фактора на повседневность детей в XX в.) // Ребенок в социокультурном пространстве современного города: материалы IX междунар. конф. «Ребенок в современном мире. Дети и город». СПб.: Изд-во ГТУ, 2002. 559 с. С. 41-46.

253. Щербинин П.П. Дети русско-японской, подростки Первой мировой... Этапы взросления участников революции 1917 г. и Гражданской войны // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 18-24.

254. Щербинин П.П. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник ТГУ. Вып. 9 (125). Тамбов, 2013. С. 334-341.

255. Щербинин П.П. Детская повседневность в годы первой мировой войны 1914-1918 г.г. (особенности гендерной педагогики и размывание традиционных гендерных ролей) // VI конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня–2 июля 2005 г.: тезисы докладов / отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2005.

256. Щербинин П.П. Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII начало XX века): сб. ст. М.: РГГУ, 2012. С. 197-210.

257. Щербинин П.П. Детская преступность в России в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Труды Московского филиала Московского университета МВД России за 2005 год. Вып. 9. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2006. С. 129-131.

258. Щербинин П.П. Детская проституция в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. научных статей. Вып. IV / под ред. А.А. Слезина. СПб.: Нестор, 2006. С. 71-77.

259. Щербинин П.П. Детская проституция в период Первой мировой войны // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург 1-5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 91-92.

260. Щербинин П.П. Детская религиозность в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Православная история и традиционная история Тамбовского края: мат-лы межрегиональной научно-практической конференции / под ред. Л.Ю. Евтихиевой. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2007. С. 29-31.

261. Щербинин П.П. Изучение повседневной жизни детей в период войн России начала XX в.: источниковедческие аспекты историко-антропологических исследований // XX век: Человечество в эпоху. Эпоха в человеке: мат-лы всеросс. научно-практ.

конф. 14-15 ноября 2005 г. / под ред. И.Ю. Моисеевой. Сыктывкар, 2006. С. 12-14.

262. Щербинин П.П. Историко-правовые аспекты криминальной ювенологии: опыт российской империи в период войн начала XX в. // Актуальные вопросы теории и истории права и государства: сб. трудов кафедр истории государства и права и теории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина / отв. ред. А.В. Захаров. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2009. С. 133-140.

263. Щербинин П.П. Милитаризация повседневных реалий подростков в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. научных статей. Вып. III / под ред. А.А. Слезина. СПб., 2005. С. 57-62.

264. Щербинин П.П. Модели поведения детей в период Первой мировой войны 1914-1918 гг.: опыт и структура адаптации, социокультурные деформации // Гуманитарные науки: проблемы и решения. Вып. IV. Межвузовский сборник научных статей / под ред. А.А. Слезина. СПб.: Нестор, 2006. С. 58-67.

265. Щербинин П.П. Мужские стратегии поведения: дети в период войн России начала XX в. // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе / сост. И.А. Морозов, отв. ред. Д.В. Громов. М., 2004. С. 12-23.

266. Щербинин П.П. Патриотическая деятельность учащихся духовных учебных заведений в периоды войн начала XX в. // Макарьевские чтения: мат-лы IV междунар. конференции. 21-22 ноября 2005 г. / отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. С. 94-99.

267. Щербинин П.П. Повседневная жизнь девочек в России в период первой мировой войны 1914-1918 гг. // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей / сост. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 864 с. С. 117-154.

268. Щербинин П.П. Повседневность детей в периоды войн России начала XX в.: особенности психологического восприятия событий военной поры // Историческая психология, социальная

история, социальная психология: общее и различия: мат-лы XV междунар. научн. конф. СПб., 2004. С. 292-295.

269. Щербинин П.П. Праздник в повседневной жизни детей в период Первой мировой войны 1914-1918 гг.: культурно-антропологический аспект // Досужий мир. Отдых как форма культурного диалога / под ред. Минакова С.Т., Ноздрина О.Я. Серия: Noblesse oblige. Выпуск III. Орел: Изд-во ОРАГС, 2006. С. 216-219.

270. Щербинин П.П. Предварительные результаты реализации проекта РГНФ «Детская повседневность в период войн России начала XX в.» // XII Державинские чтения. Институт права. Академия гуманитарного и социального образования: мат-лы научн. конф. преподавателей и аспирантов. Февр. 2007 г. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 166-168.

271. Щербинин П.П. Источники и методология изучения детской повседневности периода Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): мат-лы междунар. научной конференции 14-16 марта 2014 г. СПб.: ЛГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 19-23.

272. Щербинин П.П. Сельскохозяйственные дружины учащихся периода Первой мировой войны 1914-1918 гг. как индикатор общественной инициативы, опыт взаимодействия власти и общества // Общество и государство в России: традиции, современность, перспективы: сб. науч. статей. Вып. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2006. С. 121-125.

273. Щербинин П.П. Социокультурные аспекты формирования военного опыта детей в России и Германии (результаты и последствия Первой мировой войны 1914-1918 гг.) // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): мат-лы междунар. науч. конф. 11-12 нояб. 2008 г. Тамбов, 2009. С. 61-70.

274. Щербинин П.П. Дети-беженцы: страдания, лишения и болезни (1915 и 2015 гг.) // Национальная безопасность в условиях глобализации: средства и способы реализации: III между-

народная INTERNET-конференция (Тамбов, 4 июня 2015 г.). Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2015.

275. Яблоновский А. Бездомные девочки // Киевская мысль. 1916. № 32.

276. Ярошевич Ю. Долг общества перед детьми // Дети и война: сб. статей. Киев, 1915.

277. Ярошевич Ю. Сельская школа о войне // Вестник воспитания. 1916. № 2.

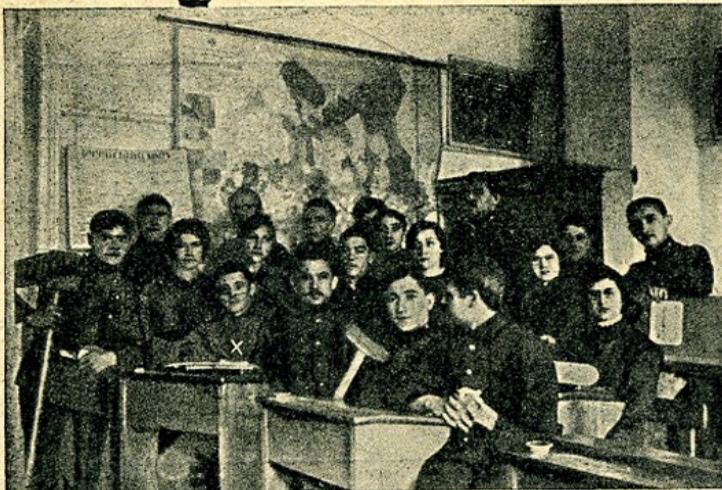
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

БЕГСТВО ДЕТЕЙ НА ФРОНТ¹

¹ Источник: <http://smolbattle.ru/threads/>

Раненый доброволец среди товарищей.

По фотографии, любезно присланной редакцией «Огонька».

Ученикъ 6-го класса криво-рогскаго коммерческаго училища Осадчій (X) былъ въ числѣ первыхъ добровольцевъ, отправившихся на войну. Раненый во время одного изъ боевъ въ Галиціи въ ногу, онъ находится въ настоящее время на излѣченіи дома, но мечтаетъ скорѣе выздоровѣть, чтобы снова отправиться на войну.

Какъ много говорить этотъ снимокъ, изображающій молодого героя среди товарищей! Можно ли сомнѣваться, что каждый изъ этихъ юношей, если понадобится, пойдетъ на защиту родины съ такою же готовностью, съ такою же радостью, съ какою сдѣлалъ это Осадчій, увлеченный своимъ молодымъ порывомъ...

Доброволец Владимир Соколовъ, 16 л., москвичъ, воспитанникъ Строгановскаго училища, раненъ въ ногу на австро-германскомъ фронтѣ. Орд. св. Георгія 4-й степени и произведенъ въ унтеръ-офицеры за снятіе непріятельскаго секрета и за захватъ непріятельскаго пулемета во время атаки. •

ГЕРОЙ-МАЛЬЧИКЪ КОЛЯ ЗУЕВЪ.

Зуевъ, дважды пробираясь переодѣтый китайченкомъ изъ Портъ-Артура къ командиру манчжурской арміи и обратно. Пробираясь второй разъ, попалъ въ плѣнь, откуда бѣжалъ, пользуясь оплошностью часового, на японской лошади; затѣмъ произвелъ удачную развѣдку и получилъ въ награду за эти подвиги три Георгіевскихъ креста.

Доброволецъ Иванъ Егоровъ, 16 л., за отличную развѣдку награжденъ орд. св. Георгія 4-й ст. Былъ легко раненъ въ лѣвую ногу 1-го дек. 1914 г. на галиційскомъ фронтѣ и представленъ къ Георгію 3-й степени.

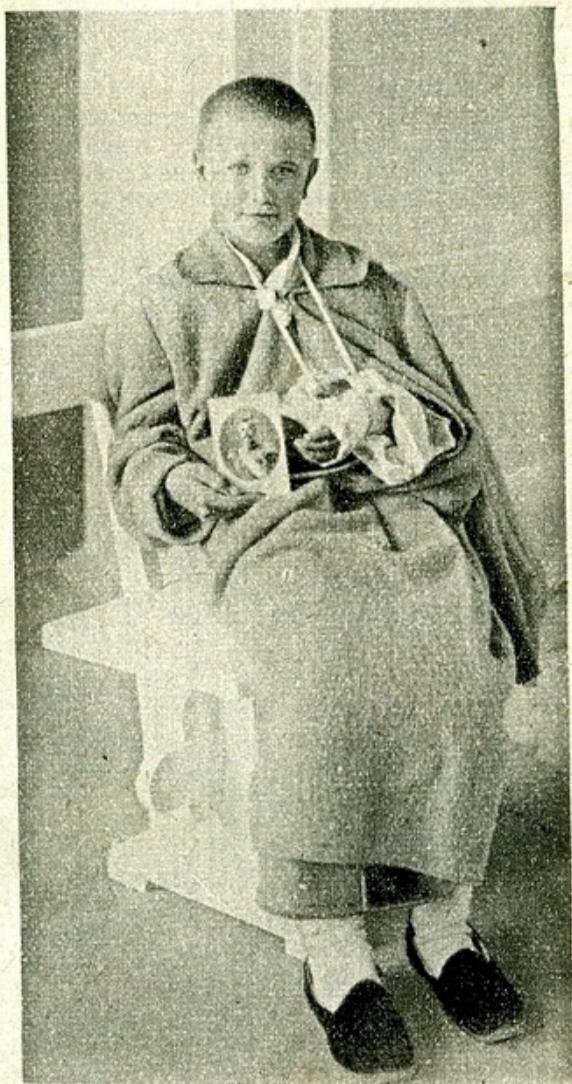
Два добровольца-казака 12 и 15 лѣтъ. Первый за храбрую развѣдку награжденъ Георгіевскимъ крестомъ и медалью.

Иванъ Козаковъ, 15-лѣтній герой, — казакъ Усть-Медвѣдицкой станицы, Нижняго Цабитинскаго хутора, награжденный Георгиевскимъ крестомъ 2-й, 3 и 4-й ст. Отбилъ пулеметь у нѣмцевъ, спасъ прапорщика Юницкаго. Участвовалъ въ бояхъ въ Восточной Пруссіи. Во время удачной развѣдки обнаружилъ германскую батарею, которая была цѣликомъ взята нашимъ отрядомъ.

Доброволецъ конный развѣдчикъ **Василій Устиновъ**, 16 л., за то, что разрѣзалъ непріятельскія проволочныя загражденія и съ тремя товарищами уничтожилъ нѣмецкій развѣздъ въ 12 человѣкъ, награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4-й ст. и Георгіевской медалью. Былъ боленъ и вторично возвратился на позиціи.

Юный герой. Конный разведчик-доброволец петроградец Александр Марковъ 14 лѣтъ, раненый при развѣдкѣ подъ Сувалками.

Доброволец Янъ Пидуковскій,
15 л., награжденъ орд. св. Георгія
4-й, 3-й и 2-й ст. Эвакуированъ въ
Орель по болѣзни.

Казакъ Илья Александровичъ Трофимовъ, 15-ти л.,
раненъ, награжденъ за отличія на прусскомъ
фронтѣ георгиевскими крестами 4-й и 3-й ст.

Доброволецъ, гимназистъ
Николай Ѳедоровичъ
Добронравовъ, 15 л., на-
гражденъ Георгіевскимъ
крестомъ 4-й ст. 14-го мая
за развѣдку на р. Сашъ.

Шавли. Уморился.

По фот. нашего военного корреспондента.

Петроградскій доброволецъ Уго Даниель, эстонецъ 14-ти лѣтъ, поступившій въ одинъ изъ казачьихъ полковъ. Мальчикъ наравнѣ со взрослыми переноситъ всѣ тяжести походно-боевой жизни. Десятки разъ бывалъ въ бояхъ и на развѣдкѣ, при чемъ проявлялъ выдающуюся храбрость.

Казакки – добровольцы – 12-летний Иван Рыткевич и 14-летний Роман Кочаковский. 1915 г.

Малъ золотникъ
да дорогъ.

Доброволецъ Михаилъ Власовъ 13-ти лѣтъ
(изъ Петрограда)

Пробрался сквозь нѣмецкія цѣпи изъ Августовскихъ лѣсовъ
и донесъ о тяжеломъ положеніи XX-го корпуса.

*Шел вѣтромъ - вѣраи, а шел морозомъ - бѣдился
домомъ своимъ отъ вѣселей - мочевыхъ*

ДЕТИ И ВОЙНА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1914-1918 гг.

Г. Арельский

БЕЖЕНЦЫ

Осенний день туманен и тосклив,
Струит свой свет безрадостный и строгий,
И вдоль сожженных, беспредельных нив
Людской поток струится по дороге...
 То беженцы... Их жалкая орда
 Бредет трусливо с воплями о мщеньи...
 Встречайте их! Встречайте, города! –
 Их сожжены дома, разрушены селенья,
Они бежали от родных полей,
Спасаясь от огня безжалостных орудий...
И вот теперь, бредя в осенней мгле,
К вам, города, стремятся эти люди...
 А сзади, как кошмарно-грозный сон,
 За ними тянутся их скорбные могилы...
 Они молчат... Обряды похорон
 За них свершат дожди и вихрь унылый.
Их всех ведет таинственный старик:
Он худ и бос... Его в лохмотьях тело,
Его бесстрастен и безжизнен лик,
Лишь впалые глаза мерцают смело...
 Его не трогают ни слезы матерей,
 Клянущие и смерть, и горести, и холод,
 Ни плач детей... Он выше всех царей,
 Он мститель грозный, – имя ему – Голод...
И шаг его бесстрастен, как года...
И все за ним идут без рассуждений...
Встречайте их! Встречайте, города! –
Их вопль звучит о хлебе и о мщеньи...

(Нива, 1915, N 46)

РЕБЕНОК

Она лежит. Ее глазенки
Как две агатовых звезды.
И в ней, сияющем ребенке,
Не видно боли и вражды.

Ей девять лет. Она, играя
Ручонкой – смуглым стебельком, –
Напоминает облик рая,
В цветах увиденный тайком.

Она глядит, как за окошком
Сияет вишня и айва,
И длиннохвостым шепчет кошкам
Кошачьи милые слова.

И кажется, она для шутки
Легла в постель... Вот побежит!
Но стены белые так жутки.
Нет, почему она лежит?

Нет, почему она в больнице?
И почему у синих глаз
На чернobarхатной реснице
Вдруг светится большой алмаз?

И отчего от брови к брови
Вдруг пролегает тонкий след?
Откуда в губках очерк вдовий,
Печать неисправимых бед?

О чем глухонемая дума
На темно-розовом челе?
Откуда страх шагов и шума
И крики в сумеречной мгле?

Насилье исказило землю!
Как страшно правду понимать!
Ответу бедственному внемлю:
Ребенок – будущая мать.

1916

Зинаида Х.

ДЕРЕВЕНСКОЕ

Сиротам бедным подайте, прохожие!..
Их родителей немец убил.
Что тут поделаешь? – воля, знать, Божия.
Гневом своим нас Господь посетил...

Все я от Вас письма дожидалася;
Раз прихожу от обедни домой...
Господи! Сердце в груди оборвалось...
Помер Ванюшенька, помер родной!

Пишет сестрица о нем милосердия, –
Душеньке доброй счастье пошли! –
Все прописала, такая усердная...
«Двадцать девятого к нам принесли

Вашего сына, шрапнелью немецкою,
В славном бою весь изранен он был,
И за отвагу свою молодецкую
Орден Егорья на грудь получил.

Много от ран потерпел он мучения.
Деток, жену все в бреду поминал,
Матушку звал. А вчера, в воскресенье,
Господу душу отдал».

Батюшки, что тут творилось с солдаткою!
Я уж и плакать боялась при ней.

Вдовья-то доля, вестимо, не сладкая...
Жаль ее до смерти, жаль и детей.

Восемь внучат, а невестушка хилая,
И по сей час с той поры все больна.
Трудно, ох, трудно пришлось мне, милые:
Всюду поспей-ка, старуха, одна.

Вместе с сынами угнали и мерина.
Хлеб весь на подать пришлось продать.
Горе-то бабье никем, знать, не меряно,
Некому бабьи-то слезы считать.

Что тут поделаешь? – воля, знать, Божия!
Вот, довелось с сумою ходить...
Деткам солдатским подайте прохожие,
Надо сирот прокормить...

(Женское дело. 1914, №22, 15.11)

РОССИЙСКИЕ ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ПЛАКАТЫ И ЛУБКИ¹

¹ Источник: <http://trojza.blogspot.ru/2014/01/1914.html>

ВИЛЬГЕЛЬМОВА КАРУСЕЛЬ.

Тодя Паримомъ на краю
Лупать армию мою, А я изугомъ бѣгаю
Да ничего не сдѣлаю.

Шель австриецъ въ Радзивилъ,
Да попалъ на бабьи вилы.

Эх ты немец, при да при не
 Не допращь, чтобъ събсть въ Парижъ
 И умь братецъ—вильнобъ, динь!
 Ты въ Парижъ, а мы въ Берлинъ!

Эх ты немец, В.В. Маяковский, К.С. Малевич, 1914 г.

Эх, султанъ сидеть бы въ Порте,
 Дракой рыла не попорти.

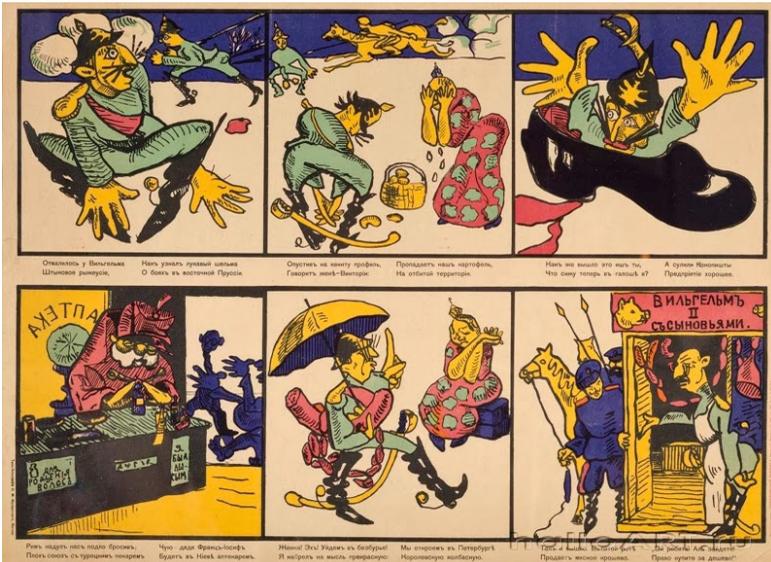
Эх султан сидел бы в Порте. Дракой рыла не попорти.
 В.В. Маяковский, К.С. Малевич, 1914 г.

А нашего-то полку прибыло
Ой Дядь-ладо прибыло

А нашего-то полку убыло
Ой Дядь-ладо убыло

А нашего-то полку прибыло... В.В. Маяковский, К.С. Малевич (?), 1914 г.

Отвалилось у Вильгельма
Штыковое рыжеусие,
Наше рыжее рыжее
О богах в восточной Пруссии

Спертый на вонючий профит,
Говорит жидок-Вильгельм

Проподать наш штыковик,
На отбитой территории
Наше не вышло это марш-то,
Что саму теперь в галашь, а?

А утробе Вильгельма
Придурение хорошее.

Рыжее рыжее рыжее рыжее,
Пыль рыжее рыжее рыжее рыжее

Что-то да-да Франц-Вильгельм
Будет в Нью-Йорке рыжее

Мамон! Эх! Ударить из-за-за
И жарить на рыжее рыжее

Мы спорок в Петербург
Королевскую рыжее рыжее

В ИЛЬГЕЛЬМЪ
И
СЫНОВЬЯМИ.

Ты-я и рыжее рыжее рыжее
Продать рыжее рыжее
Да рыжее рыжее рыжее
Привык рыжее рыжее

Отвалилось у Вильгельма штыковое рыжеусие.
В.В. Маяковский, К.С. Малевич, 1914 г.

Немец курит трубку, / Турка клюет крупку. 1914.

Немцы с горя сев в Берлин, раздувают цепелин. 1914 г.

Ах, как немцам под Намюром, досталось по шевелюрам. 1914 г.

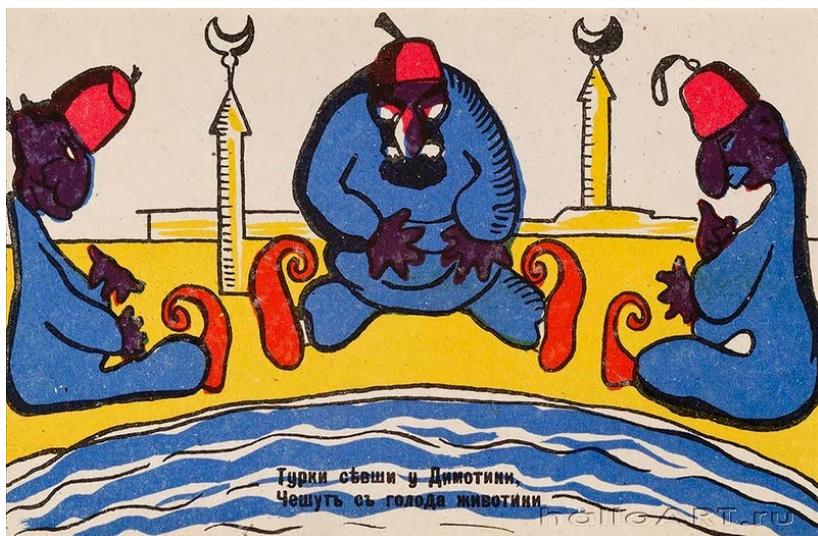
Жгут дома, наперли копать, а самим то неча лопать. 1914 г.

Немка турка у Стамбула и одела и обула. 1914 г.

Рим надул их сразу бросив, плох союз с турецким пекарем: видно дядя Франц Иосиф будет в Киеве аптекарем. 1914 г.

Турки сели у Демотики, чешут с голода животики. 1914 г.

Эх султан, сидел бы в Порте. 1914 г.

НѢМЕЦКІЯ ЗВѢРСТВА.

№47.

Иные были вынуждены убивать для того, чтобы приобрести новые элементы для обмена товарами и для дальнейшей работы. Нужно было также вывозить вещи бычего характера, приспособленные на военное вооружение. Речь вооружения развивалась все никак, жила в «необходимости». Во связи с несовершенством, происходящим на практике, это создавало впечатление, что Германия сама хотела, что только убивая можно

культурные вещи, что остальные народы просто зрели, не стоявшие внимания. И вот, тогда убивая, благодаря богатству своей культуры, немцы могли сделать шаг, они показали свою культуру. Вся работа немцев имела величайшее отношение к мировому населению. Немцы оставались и разрушались жизнью, собирались их только, учиться и бороться, жаждали, работать и учиться, во Германии искусство и разрушить немцы променяли искусство.

Немецкие зверства. Лит. Т-ва И.Д.Сытина, 1914.

ПОМОГИТЕ НЕСЧАСТНЫМЪ
ДѢТЯМЪ

КУПИТЕ
КРАСНОЕ
ЯИЧКО
28 МАРТА.

ВЪ ПОЛЗУ ДѢТСКИХЪ ТРУДОВЫХЪ АРТЕЛЕЙ
и ДѢТСКИХЪ НОЧЛЕЖНЫХЪ ДОМОВЪ,
СОСТОЯЩИХЪ ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИСАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ.

Помогите несчастным детям. Купите красное яичко 38 марта. 1914 г.

Научное издание

Щербинин Павел Петрович

**Детская повседневность
в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг.**

Монография

Печатается в авторской редакции